

**Библиотека
преподавателя**

В. Д. Аракин

**ТИПОЛОГИЯ
ЯЗЫКОВ
И ПРОБЛЕМА
МЕТОДИЧЕСКОГО
ПРОГНОЗИРОВАНИЯ**

Допущено
Государственным комитетом СССР
по народному образованию
в качестве учебного пособия
для студентов педагогических институтов
по специальности № 2103 «Иностранные языки»

1125570

МОСКВА
«ВЫСШАЯ ШКОЛА»
1989

ВВЕДЕНИЕ

Преподавателям иностранного языка в любой национальной, в том числе русской, аудитории хорошо известно, что как учащиеся средней школы, так и студенты высших учебных заведений в своей устной и письменной речи, равно как и в понимании услышанного или прочитанного текста, обычно допускают значительное число ошибок. При этом одни ошибки носят случайный характер и бывают обусловлены какими-либо индивидуальными причинами (недоработкой учебного материала, недостаточным пониманием задания и т.д.); другие же ошибки носят вполне регулярный характер и наблюдаются почти у всех носителей данного родного языка. Например, все учащиеся — носители русского языка, не прошедшие соответствующей специальной фонетической тренировки, будут допускать устойчивые ошибки в произношении английского гласного нижнего подъема переднего ряда /æ/ как гласного среднего подъема переднего ряда /e/ или будут заменять английский фарингальный согласный /h/, произнося его как русское заднеязычное щелевое /х/; ср. англ. /hæv/ и русск. /хэф/. Носители белорусского языка то же самое слово /hæv/ будут произносить /хэў/, поскольку в этом языке в конечной позиции не может находиться /в/, а только неслоговое /ў/. Носители тюркских языков (башкирского, татарского и др.) без труда будут произносить английское заднеязычное /ʃ/, поскольку оно существует в фонологических системах этих языков, в то время как овладение этим звуком для носителей русского, белорусского, украинского, армянского и других языков будет представлять серьезные трудности и потребует не только специального времени, но и соответствующей методики объяснения и закрепления, что в свою очередь окажет влияние на последовательность расположения учебного материала.

Наличие двух временных форм плана настоящего времени в английском языке — Present Indefinite и Present Continuous — явится серьезным препятствием на пути овладения живой речью для носителей всех языков, где существует одна форма настоящего времени, и не вызовет трудностей у носителей тех языков, где вторая форма существует, как например, в узбекском и таджикском.

Существующая в английском языке структура атрибутивных словосочетаний А + К, например, a large town — русск. *большой город*, нигде не вызовет особых трудностей, поскольку в большинстве языков структура этих словосочетаний совпадает, кроме таджикского языка, где обязательна структура атрибутивного словосочетания К + А; ср. забони русӣ *русский язык* (букв. «язык русский»).

Приведенные выше примеры с достаточной степенью очевидности указывают на то, что различная структура фонологических и морфологических систем, равно как и различия в структуре предложения родного и изучаемого языков, зачастую служит источником тех трудностей, которые возникают перед изучающими язык и которые приходится учиты-

вать при разработке методики преподавания изучаемого языка. Отсюда явствует, что, для того чтобы успешно обучать данному языку, преподаватель (или учитель средней школы) должен, во-первых, отлично в профессиональном и практическом плане знать свой предмет; во-вторых, не менее хорошо и четко разбираться в родном языке учащихся; в-третьих, уметь правильно сопоставлять и учитывать особенности структуры и словарного состава родного языка учащихся. Практическую и профессиональную подготовку обеспечивает пединститут, в котором будущий учитель обучался; что же касается знаний по родному языку и, самое главное, умения проводить сопоставления и учитывать особенности родного языка, а также делать необходимые научно обоснованные выводы, то этому стали обучать лишь несколько лет тому назад, когда в учебные планы педвузов был включен курс «Сравнительная типология иностранного и родного языков».

За последние 10—15 лет в нашей стране было проведено немало исследований и написано достаточно диссертаций, монографий и статей, в которых проводилось на материале данных, почерпнутых из анализа произведений художественной литературы на данном языке, изучение особенностей способов словообразования и словоупотребления в иностранном языке — учебном предмете средней и высшей педагогической школы в сопоставительно-типологическом плане с родным национальным языком обучающихся, т.е. структуры иностранного и изучаемого языков, а также функционирования этой структуры в составе речевой цепочки.

В результате этих исследований был установлен ряд трудностей, вызывающих у носителей отдельных национальных языков определенные устойчивые ошибки. Этим самым было наглядно подтверждено влияние особенностей структуры языка на весь ход педагогического процесса, была доказана объективная зависимость многих сторон методики от особенностей структуры родного языка учащихся.

Данная книга предназначена для преподавателя иностранного языка и ставит перед собой задачу познакомить преподавателя с современным положением типологии среди других лингвистических дисциплин, с ее методами исследования; помочь ему правильно, исходя из учета типологических характеристик родного языка, диагностировать трудности усвоения материала различных уровней структуры изучаемого языка, трудности, которые возникнут перед учащимся и которые придется ему преодолевать в процессе овладения речью на этом языке.

Все это даст ему возможность прогнозировать те общие закономерности и типические особенности лингвистического порядка, которые противостоят знаниям, умениям и речевым навыкам, сложившимся у носителей родного языка под влиянием закономерностей структуры этого родного языка.

Поэтому учет особенностей структуры родного и изучаемого языков в широком значении этого слова дает в руки преподавателя достаточно точные объективные данные для предвидения, прогнозирования и решения тех методических проблем, которые возникают в практике обучения конкретной аудитории с данным родным языком.

Г Л А В А 1. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ТИПОЛОГИИ

О ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ ИЛИ О ТИПОЛОГИИ ЯЗЫКОВ

В ежедневном общении друг с другом мы широко пользуемся родным языком, с помощью которого мы можем высказать достаточно точно и полно любые мысли, выразить любые переживания, сообщить друг другу любое содержание нашего сознания. Это возможно лишь потому, что наш язык представляет собой удивительно совершенное и гибкое средство человеческого общения.

В свое время Н.Г. Чернышевский писал: «Гибок и богат и при своих несовершенствах прекрасен язык каждого народа, умственная жизнь которого достигла высокого развития» [64, с. 848]. Его современник И.С. Тургенев, говоря о русском языке, называл русский язык могучим, правдивым и свободным [61, с. 333]. Приведенные выше слова как нельзя лучше и точнее выражают самую сущность человеческого языка, который может выполнять эти сложнейшие общественные функции только благодаря тому, что он представляет собой весьма гибкую и в то же время очень четко организованную систему, которая, как всякая система, имеет две стороны: с одной — это некое множество элементов различной величины, таких как фонемы, морфемы, слова, облаченные в материальную оболочку — звуки; а с другой — это его структура, под которой понимается его внутренняя организация, схема связей и отношений бесчисленного множества его элементов, названных выше и обеспечивающих его функционирование в речи.

На земном шаре существует огромное число языков, причем каждый язык обладает, с одной стороны, какими-то индивидуальными признаками, которые составляют его специфику, отличая его от других языков, а с другой стороны, он обладает некоторой суммой признаков, общих с другими языками. Эти общие признаки, в свою очередь, могут охватывать ряд, но не все языки, и таким образом образовывать группы языков, характеризующихся этими общими признаками. Наблюдения показывают, что даже близкородственные языки, например, русский и болгарский, имеют глубокие индивидуальные различия в своей структуре. Так, русский язык, имеющий категорию падежа, относится к языкам «синтетическим», в то время как болгарский рассматривается как язык «аналитический».

Если взять за основу классификации какой-либо признак, например, наличие или отсутствие категории грамматического рода, то мы получим классификацию языков по этому признаку: 1) языки, не имеющие совсем категории рода — тюркские, финно-угорские, армянский, таджикский; 2) языки, имеющие категорию рода — русский, белорусский, украинский, литовский, латышский.

Группировка языков на основе этого признака уже является группировкой на основе одного языкового признака и выявляет типологическую характеристику соответствующих языков.

Исследованием, выделением и характеристикой этих общих признаков языков и их группировкой занимается особый раздел языкознания, который получил название «лингвистической типологии» или «типологии языков».

Поэтому мы будем правы, если дадим общее определение термина «типологии языков» как учения о типах структуры языков.

Если поставить перед собой задачу выявить все общие признаки или характеристики структуры некоторого количества языков, то можно получить сумму признаков, которые будут отличать данную группу языков от какой-то другой группы языков, где этих признаков не окажется. Так, форма будущего времени с глаголом *sculan объединяет в структурном плане большую часть германских языков в одну группу, в то время как немецкий и исландский языки в эту группу не войдут, так как существующие в них формы будущего времени имеют другой состав — в немецком глагол werden + инфинитив, в исландском глагол þipi + инфинитив смыслового глагола.

Примечательно, что общие структурные признаки обнаруживаются в самых различных языках, не имеющих никакого генетического родства или каких-либо исторических контактов. Так, определительное словосочетание со значением качества, в котором прилагательное предшествует существительному, без всякого согласования с ним, обнаруживается в английском (индоевропейском), тюркских, монгольском, японском и китайском языках.

По этому структурному признаку, независимо от материального состава слов, перечисленные выше языки могут быть объединены в одну типологическую группу с общей структурной характеристикой (языки, имеющие определительное словосочетание со структурой $A^a + K^n$, где прилагательное соединено с существительным по способу примыкания). При этом следует иметь в виду, что лингвистическая типология исследует только те случаи сходства и различия в структуре языков, которые носят общий характер и, следовательно, охватывают широкий круг однородных признаков. Об этом очень четко писал И.И. Мещанинов (1883—1967), внесший большой вклад в развитие типологии: «Типологическим сопоставлениям предстоит охватить все выделяемые системы группируемых языков и по ним установить то, что их разделяет, и то, что их объединяет. Это будут, с одной стороны, те понятия, которые передаются соответствующими лексическими и грамматическими единицами, а с другой стороны, сами последние во всем их разнообразии» [45, с. 12].

Типологические исследования значительно расширяют границы лингвистических исследований, выводя их за рамки генетически родственных языков, дают возможность привлечь широкий круг разноструктурных, иногда редких языков, обогащая этим привлекаемый для исследования материал малоизвестных языков, и тем самым позволяют решать широкие общезыковые проблемы.

Одним из основных понятий лингвистической типологии является понятие «тип языка». Однако дать его точное и адекватное определение в достаточной мере трудно. Происходит это потому, что до настоящего времени не определился сам подход ученых к тому, что следует считать типом языка, не установлены также и те критерии, которые могли бы служить надежным основанием для определения того или иного типа языка.

Слово «тип» достаточно широко распространено как в быту, так и в научной литературе; происходит оно от греческого существительного *týpos образ, образец, модель, разновидность, форма чего-либо*, которым соответствует известная группа предметов, явлений. Слово «тип», в какой бы области мы его ни применяли, означает некоторую устойчивую совокупность определенных признаков, взаимно связанных и взаимно обусловленных. В искусстве и литературе под типом понимается обобщенный образ, содержащий характерные черты известной группы людей (т.е. индивидов). В психологии также используют слово «тип», когда говорят о различных психических типах, подразумевая под этим понятием некоторую совокупность определенных обобщенных признаков.

Для понимания сущности понятия «тип» важно помнить о наличии единства общего и индивидуального в данном явлении. Это единство и составляет сущность понятия, которое мы называем отвлеченно «тип».

Это означает, что для уяснения типа языка исследователь должен отсечь все специфически индивидуальное, что имеется в данном языке или в группе языков. Все то, что останется после такой операции, будет иметь общий характер и может быть надлежащим образом использовано в качестве достоверного материала, определяющего структуру языка в общем плане. Характеризуя то общее, что обнаруживается в языках, И.И. Мещанинов отмечал: «Общими для всех языков оказываются не только отношения между словами в составе предложения, но и такие передаваемые в языке понятия, как предметность и действие, как субъект, предикат, объект, атрибут с их модальными оттенками и т.д. Это общее для всех языков ложится в основу типологических сопоставлений именно потому, что грамматическая форма его выявления на конкретном языковом материале не дает единой схемы» [45, с. 5].

Справедливость этого высказывания легко показать на конкретных примерах: речевые единицы возраста в различных языках имеют совершенно различную языковую (грамматическую) структуру: ср. русск. *ему двадцать лет* – фр. *il a vingt ans* – англ. *he is twenty years old*. Немецкий язык демонстрирует полное совпадение с английским, ср. *er ist zwanzig Jahre alt*.

Выделение общих признаков в языках различного происхождения, естественно, предполагает углубленное проникновение в их структуру, что получает свое выражение в систематизации и инвентаризации явлений, фактов этих языков на основе их структурных признаков, поскольку каждый язык состоит из различных микроструктур.

Рассмотрим некоторые черты и признаки, имеющиеся в отдельных языках и составляющие их характеристику. Начнем со структуры слова

Обращаясь к структуре слова, следует прежде всего отметить, что основным компонентом этой единицы языка служит корневая морфема, в которой заключен основной смысл — предметный качественный, процессный смысл слова. В слове, кроме корневой, могут также присутствовать аффиксальные морфемы, несущие различные служебные функции: а) выражения различного рода отношений между словами в словосочетании или предложении — словоизменительные морфемы; б) образования новых слов — словообразовательные морфемы.

Сочетание корневой со словоизменительной морфемой образует словоформу. Совокупность словоформ одного слова, отражающих систему форм словоизменения, образует парадигму, служащую образцом системы словоизменений целой группы слов одного уровня в данном языке.

В русском языке существует возможность расчлнить подавляющее большинство слов на корень, основу, словообразовательные морфемы, словоизменительные морфемы; ср. *врем-* (корень), *-ен-* (основообразующая морфема), *-н-* (словообразовательная морфема, *-ой* (словоизменительная морфема). При этом мы обычно сталкиваемся с таким фактом, что корень, правда не всегда, не существует самостоятельно как отдельная лексическая единица (*врем-*). Сказанное также относится и к русским прилагательным и глаголам, ср. корни *черн-* и *сид-* не существуют как самостоятельные слова. Если же мы возьмем такие слова, как тур. *ada* или индон. *pulau* *остров*, то увидим, что в этих языках корень равен основе. Кроме того, корень по своему звуковому составу всегда будет совпадать в этих языках с целым словом (существительные, прилагательные, но не глаголы), т.е. тур. *ada* (корень) = *ada* (слово); индон. *pulau* (корень) = *pulau* (слово). Это можно выразить в виде формулы: тур., индон. R = W.

В русском языке ни форма *врем-*, ни *времен-*, ни *временн-* не существуют как самостоятельные слова. Чтобы получить целое слово, способное существовать как самостоятельная лексическая единица, его нужно оформить словоизменительной морфемой *-ой*, сигнализирующей о том, что слово *временной* — прилагательное мужского рода единственного числа именительного падежа.

Если же мы возьмем турецкое слов *yaylâ* *летнее пастбище* и будем его наращивать суффиксами, то, в отличие от русского языка, каждая морфема, которую мы будем прибавлять, не лишит это слово его самостоятельности, а будет придавать ему новое грамматическое значение; ср. *yaylâ* *летнее пастбище* + *-lar* = *yaylâlar* *летние пастбища*; *yaylâlar* + *-imiz* = *yaylâlarımız* *наши пастбища*; *yaylâlarımız* + *-dan* = *yaylâlarârimizdan* *с наших пастбищ*. Отметим еще одну интересную черту, отличающую структуру слов турецкого от русского, английского, шведского и других германских языков: полное отсутствие в турецком языке префиксов. Все лексические и грамматические изменения в этом языке производятся путем наращивания суффиксальных морфем, в то время как

в русском, английском, немецком и других германских языках для тех же целей могут быть использованы как префиксы, так и суффиксы; ср. нем. *Gedeck прибор* (при глаголе *decken накрывать*); шв. *uttryck выражение* (при глаголе *trycka давить, жать*).

Если мы обратимся к структуре предложения, то увидим, что как в английском, шведском, датском и норвежском, так и в турецком наблюдается общий признак — твердый порядок слов; однако в перечисленных германских языках это «подлежащее — сказуемое — дополнение» (или в символах S + P + O), а в турецком это «подлежащее — дополнение — сказуемое» (или S + O + P). И это — устойчивая закономерность современного состояния этих языков.

В русском же языке мы имеем относительно свободный порядок слов с преобладанием основного варианта: S + P + O. Однако в стилистических целях русский язык допускает и другие, сравнительно редко употребляемые варианты порядка слов: O + P + S, O + S + P, P + O + S, что ни в одном из германских языков, ни в турецком языке не случается.

Приведенные примеры, которые можно было бы значительно умножить, показывающие особенности структуры основных единиц языка на лексическом уровне — слова и на синтаксическом уровне — предложения, наглядно свидетельствуют о том, что каждый язык обладает какими-то свойственными ему и отличающими его от других языков чертами. И эти черты или признаки сосуществуют друг с другом не просто механически, а составляют определенную устойчивую систему.

Чешский ученый В. Скаличка, занимавшийся проблемой лингвистической типологии, разработал вопрос об отношениях между явлениями языка [55, с. 26—27]. Он показал, что между явлениями языка существуют следующие виды отношений: 1) если есть А, то есть и В, т.е. если в данном языке представлено согласование по роду (*большой город — большая деревня*), то есть и грамматический род; 2) если есть А, то, вероятно, есть и В. Отношения этого рода с точки зрения их выражения делятся следующим образом: а) изоморфизм, т.е. сходство в одном явлении языка с другим, например, если в языке существует много классов склонения, то в том же языке существует и много классов спряжения: подобное явление мы как раз находим в древних языках — готском, древнеславянском, древнегреческом, латинском и др.; б) компенсация, под которой он понимает такой случай: если в языке имеются два средства для выражения одного грамматического явления, то, вероятно, что какой-либо один язык использует не больше одного из этих средств. Так, например, если в языке имеется много согласных, то вероятно, будет мало гласных. Это отношение подтверждается на примере многих языков — русского, где имеется 35 согласных и только 6 гласных; украинского, где имеется 44 согласных и тоже 6 гласных; армянского, где имеется 30 согласных и только 8 гласных, и ряда других; 3) если есть А, то может быть и В и non-В, т.е. если язык обладает большим количеством согласных, то количество падежей может быть большим и небольшим. Это отношение, которое В. Скаличка назвал «отношением случайности» [55, с. 271], по его мнению, также важно с точки зрения типологии.

Установление определенных отношений между явлениями языка свидетельствует о том, что понятие «тип языка» включает в себе наличие каких-то связей и взаимоотношений между признаками, образующими тот или иной тип. Тем более неожиданным и вызывающим недоумение представляется нам определение понятия «тип языка», которое мы находим в той же работе автора, где сказано: «Совокупность таких благоприятствующих друг другу явлений мы называем типом» [55, с. 27]. Подобное же понимание типа автор высказывает в другой работе: «Сумма свободно сосуществующих явлений называется типом» [54, с. 34]. Тут, по нашему мнению, кроется какое-то противоречие. Если автор считает целесообразным и законным говорить об определенных отношениях между явлениями языка, то как можно, определяя понятия «тип языка», говорить о простой совокупности явлений или о свободно существующих явлениях? Ведь, как указывалось выше, единство общего и индивидуального уже само по себе предполагает не свободное, а закономерное сосуществование, наличие строгих отношений между компонентами единства, в противном случае может случиться, что какой-либо индивидуальный признак не будет отражен в общем, и таким образом единство окажется нарушенным. Кроме того, понятие единства предполагает наличие каких-либо достаточно устойчивых закономерностей, что практически лишено свободное сосуществование компонентов. Взаимобусловленность признаков языка может также быть на примерах из конкретных языков: так, отмирание категории падежа, обусловленное в свою очередь десемантизацией основообразующей морфемы в древнеанглийском периоде, привело к исчезновению категории падежа и соответственно к отмиранию склонения в системе имени существительного и прилагательного в среднеанглийский период; а это имело прямым следствием становление твердого порядка слов предложения. Постепенное упрощение системы времен в древнерусском периоде тесно связано с развитием системы вида в современном языке; наличие пространственных падежей в тюркских и большей части финно-угорских языков обусловило слабое развитие или даже отсутствие в отдельных языках этих семей целой части речи — предлога.

Все сказанное выше дает нам основание сформулировать наше понимание «типа» как устойчивой совокупности ведущих признаков языка, находящихся между собой в определенных связях. причем наличие или отсутствие какого-либо одного признака обуславливает наличие или отсутствие другого признака или признаков (т.е. если есть А, то есть и В, и наоборот).

В. Скаличка наметил основные признаки типов языков, безотносительно к какому-либо конкретному языку, и дал, может быть, далеко не полный, перечень их признаков. А — тип агглютинативный; Б — тип флективный; В — тип изолирующий; Г — тип полисинтетический; Д — тип интрофлективный [55, с. 29—30]. Не имея возможности в данной работе подробно остановиться на характеристике каждого из типов языка, перечисленных выше, дадим лишь основные, принципиальные признаки, отличающие один тип от другого.

Тип флективный отличается от других типов наличием согласования, которое может проводиться по одной из следующих грамматических категорий — роду, числу, падежу и категории детерминативности. Согласование предполагает по крайней мере двухморфемную структуру слова, т.е. корневую + аффиксальную морфему; ср. русск. *вод + а, сел + о, стол + ђ* (т.е. корень + нулевая морфема); ит. *insul + а остров, cas + а дом, giardin + о сад* и т.д.

Тип агглютинативный, в отличие от флективного, имеет ограниченное согласование. Одноморфемность имен в начальной форме: тур. *deniz море, ada остров, ev дом*; эст. *puu дерево, lapse ребенок* и т.д. Однозначность прибавляемых падежных морфем: тур. *deniz + de в море, ada + da на острове, ev + de в доме, ev + ler + de в домах, ada + lar + da на островах*; эст. *puu дерево, puu + d деревья, lapse ребенок, lapse + d дети* и т.д. Кроме этого, для всех языков агглютинативного типа характерен сингармонизм в той или иной степени.

Тип изолирующий, так же как и предыдущий тип, совершенно не имеет согласования, вместо него имеет место примыкание, строгий порядок слов в предложении, наличие предлогов и различных частиц для выражения отношения слов в предложении.

Тип полисинтетический характеризуется наличием слов-предложений.

Наконец, тип интрофлективный характеризуется использованием гласных в грамматических целях — для выражения числа, временных и видовых форм и отсутствием однозначных словоизменятельных морфем; ср. араб. *дараба он бил, ядрибу он бьет, дуриба он был бит, его били* и т.д.

Однако современные конкретные языки свидетельствуют о том, что в настоящее время не существует языков, в которых бы полностью проявлялись черты одного только типа; так, в русском языке мы наблюдаем образование будущего времени со вспомогательным глаголом *быть* — *я буду читать*; превосходная форма в том же языке образуется аналитическим путем, ср. *самый крупный* и т.д. В английском языке, наряду с отсутствием согласования как типологического признака, существует согласование указательных местоимений в числе с определяемым существительным; ср. *this boy этот мальчик, these boys эти мальчики, that town этот город, those towns эти города*. Типологического значения этот случай не имеет, так как это явление не носит массового характера и касается только четырех слов, отражая совершенно иную типологию. Это дает нам право говорить о наличии в данном языке известных черт, присущих языкам другого типа, т.е. «типе в языке».

Таким образом, заключая наш разговор о типе языка, можно сформулировать следующее важное положение: в типологии существуют три понятия и соответственно три термина, содержание которых необходимо четко различать: 1) **тип языка**, под которым понимается устойчивая совокупность ведущих признаков языка, находящихся между собой в определенных связях, причем наличие или отсутствие какого-либо одного признака обуславливает наличие или отсутствие другого признака

или признаков; 2) **языковый тип**, под которым понимается устойчивая совокупность ведущих признаков языка, находящихся между собой в определенных связях, вне какой-либо связи с конкретным языком; 3) **тип в языке**, т.е. наличие в одном языке признаков, соответствующих признакам языка другого типа.

О ЯЗЫКОВЫХ УНИВЕРСАЛИЯХ И ИХ ЗНАЧЕНИИ ДЛЯ ТИПОЛОГИИ

Исследуя различные, иногда весьма далекие друг от друга языки, мы легко обнаруживаем в них ряд общих признаков. Так, во всех языках мы находим систему гласных и систему согласных, во всех языках существуют словосочетания, во всех языках существуют суперсегментные средства — ударение и интонация и т.д. Но, естественно, каждый язык наряду с такими всеобщими признаками имеет и свои индивидуальные, что вытекает из данного выше определения «тип языка».

Всякий тип языка, какую бы совокупность предметов или явлений он ни представлял, складывается, как в свое время отметил Т.П. Ломтев [40, с. 41], из набора признаков, «общих для некоторого подмножества общего множества языков», и кроме того представляет собой устойчивую совокупность признаков, так что вполне естественно будет задать себе вопрос: что же представляют собой эти признаки? Которые из них следует признать типологически существенными, важными, т.е. такими, которые могут быть и даже обязательно должны быть учтены в числе признаков, составляющих типологическую характеристику данного конкретного языка, и такими, которые, хотя и отмечаются как признаки структуры языка, но не носят устойчивого характера, а поэтому не могут приниматься во внимание при установлении устойчивой совокупности типологических признаков, иначе говоря, не имеют типологической значимости, т.е. не могут считаться типологическими?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, следует вспомнить одно из положений диалектического материализма о единичном, особенном и общем. Как известно, все многочисленные существующие на земном шаре языки отличаются друг от друга. Нет абсолютно одинаковых языков: потому что, если бы это было так, то соответствующие языки не отличались бы один от другого, т.е. были бы идентичными, и, следовательно, были бы не различные языки, а один язык.

Поэтому каждый отдельно взятый язык чем-то отличается от других, обладая своими только ему одному присущими особенностями; например, в русском языке, в отличие от польского или болгарского, существует группа существительных, которые в именительном падеже множественного числа имеют морфему — ударное *á*: *домá, докторá* и т.д., чего не наблюдается в других славянских языках.

Совокупность индивидуальных, неповторимых черт, принадлежащих отдельной вещи, явлению или языку и отличающих их от всех других однородных объектов, носит название «единичного». В то же время предметы, явления и языки не только своеобразны и отличны, но они имеют

также ряд общих между собой черт и признаков. Например, все языки при всем их различии обладают системой гласных и согласных, но число их индивидуально по отдельным языкам: так, в английском языке 20 гласных и 24 согласных, а в таитянском языке, относящемся к полинезийской ветви малайско-полинезийской семьи языков, 10 гласных и всего 9 согласных. Во всех языках существуют слова, но в английском языке большинство слов односложные, а в русском — дву-, трех- и даже четырехсложные.

Все языки передают определенную информацию, иначе исчезает основное назначение человеческого языка — служить важнейшим средством человеческого общения. Таким образом, при всем различии между отдельными языками (например, между китайским с его неизменяемыми словами-корнями и арабским с его системой выражения грамматических значений с помощью строго фиксированного изменения гласных, между русским и английским) эти языки имеют глубокое внутреннее сходство: они представляют собой разновидности одного и того же особого общественного явления — человеческого языка вообще. Следовательно, в каждом отдельно взятом, конкретно существующем языке повторяются общие черты (например, гласные, согласные, словосочетания, предложения и др.), принадлежащие ряду языков и выступающие как то общее, что свойственно всем языкам вообще и каждому языку в частности. Из сказанного следует, что единичное и общее не существуют отдельно друг от друга, но образуют неразрывное единство.

На основании вышесказанного можно сделать заключение о том, что поскольку, как было определено ранее, всякий тип, в какой бы области предметов, явлений или языков мы его ни устанавливали, представляет собой некоторую устойчивую совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных признаков, постольку необходимо признать, что в каждом из этих признаков заключены частички того общего, что характеризует собой тип данного языка. Поэтому каждый из привлекаемых признаков, входящих в устойчивую совокупность признаков, составляющих соответствующий тип, должен обязательно включать в себя частицы или элементы тех типологических характеристик типа языка, которые ему присущи, т.е. иначе говоря, быть типологически значимым. Если же данный факт языка, представленный в его структуре, не отражается в типологической характеристике языка, то такой признак не может рассматриваться как типологически существенный или, что то же, как «типологичный» и, следовательно, не может быть учтен при типологической характеристике языка или языков.

С другой стороны, сходные, одинаковые или повторяющиеся признаки, наблюдаемые в структуре отдельного языка, образуют вместе с соответствующими признаками других языков некое множество, которое определяется как «совокупность элементов, выделяемых в обособленную группу, по какому-либо признаку» [63, с. 238]. Сами же эти элементы образуют некоторый класс однородных элементов, который и существует в той связи, которая ведет к общему. Например, для англий-

ского языка в качестве общего типологического признака, характеризующего предложение, следует назвать примыкание как один из основных видов синтаксической связи. Этот общий признак, включаемый в общую комплексную типологическую характеристику английского языка, проявляется в виде единичных сторон структуры этого языка: например, в сочетании определения (выраженного прилагательным, местоимением притяжательным, порядковым числительным) с определяемым: *a new hat – new hats; my son – my sons; the first man – the first men*; в сочетании подлежащего и сказуемого в формах прошедшего времени: *I (he, we, you, they) became a teacher (teachers) in 1981*.

Аналогично английскому языку общим типологическим признаком предложения в русском языке следует назвать согласование как вид синтаксической связи, поскольку этот общий типологический признак проявляется во всех единичных случаях сочетания определения (выраженного прилагательным, местоимением притяжательным, указательным и неопределенным, порядковым числительным) с определяемым им существительным в роде, числе и падеже; приведенным выше английским примерам в русском языке соответствуют: *новая шляпа – новые шляпы; мой сын – мои сыновья; первый человек – первые люди*; сочетания подлежащего и сказуемого в прошедшем времени: *я (ты, он) стал учителем в 1981 году – мы (вы, они) стали учителями в 1981 году*.

Иначе говоря, мы должны признать, что тот признак, который воспринимается как имеющий общий характер или отражающий категорию общего, обязательно охватывает все отдельные элементы или, что то же, проявляется во всех отдельных элементах (компонентах, словах) соответствующего языка, т.е. носит «массовидный» или «массовый» характер.

Это можно легко показать на примере любого языка, к числу типологических характеристик которого относится «общая категория падежа». В языках такого типа каждое отдельное существительное способно принимать соответствующую падежную морфему; это означает, что «общая категория падежа» реализуется в форме соответствующей морфемы в каждом отдельно взятом слове данного языка. Если принять во внимание, что слова в любом современном развитом языке исчисляются несколькими десятками и даже сотнями тысяч, то становится совершенно очевидным, что данный признак (категория падежа в таких языках, как славянские, кроме болгарского и македонского, немецкий, исландский, латинский, тюркские, финно-угорские и др.) должен по необходимости носить «массовый» характер, т.е. свойственный очень многим единицам языка, тем самым отражая типологию структуры соответствующего языка.

На основании сказанного выше представляется возможным для определения понятия «типологически существенный» = «типологичный» предложить следующие критерии:

1. наличие единства категории общего и ее реализации в единичном (т.е. в отдельных единицах языка);

2. «массовый» охват категорией общего отдельных единиц языка.

Явления или признаки одинаковых единиц, удовлетворяющие этим критериям, следует рассматривать как подлежащие учету при типологической характеристике структуры отдельного языка или же целой группы языков, родственных и неродственных.

Признаки или закономерности, общие для всех языков, получили название универсалий (от лат. *universalis* *всеобщий*). Те универсалии, которые являются общими для всех или для большинства языков, называются описательными или абсолютными универсалиями.

Однако для типологии большое значение имеют так называемые статистические или неполные универсалии, которые охватывают не все 100 % языков, а лишь подавляющее их большинство. Группировка языков по какому-то признаку, охватывающему лишь часть языков, дает возможность составить схему по признаку да/нет (или имеется/отсутствует) и таким образом получить типологическую схему конкретных языков. Например, можно составить на основании учета типологических признаков схему: языки, имеющие склонение / языки, не имеющие склонения; или языки, имеющие одну форму настоящего / языки, имеющие две формы настоящего времени; или языки, имеющие гармонию гласных / языки, не имеющие гармонии гласных, и т.д.

Универсалии могут быть не только синхроническими, т.е. отражать признаки (закономерности) современного состояния языков; они могут быть также диахроническими, т.е. могут показать общий характер развития какого-либо языкового компонента. Так, в связи с оживлением интереса к универсалиям и проведением специальной конференции по этой проблеме в 1961 г. логическая структура этих универсалий была сформулирована так: «Для всех *x* и всех *y*, где *x* есть более раннее, а *y* — позднейшее состояние того же языка...» [21, с. 40]. Это означает, что некоторое состояние языка *x* изменяется в состоянии *y*, и этот процесс проходил по сходным путям в ряде языков, как генетически родственных, так и неродственных. Этот процесс очень хорошо прослеживается на примере изменения фонемы /k'/ > /tʃ/ в ряде языков.

Как известно, исторически изменение фонемы /k'/ > /tʃ/ имело место в древнерусском языке перед гласными переднего ряда /e/ или /i/. Ср. *пеку*, но *печешь*, *печет* или *легкий*, но *легче* и т.д.

Древнеанглийская фонема /k'/ перед гласными переднего ряда к XI в. изменилась в /tʃ/, ср. да. *cild* /kild/ > *child* *ребенок*; да. *ciese* /'kiəzə/ > *cheese* *сыр* и т.д.; в итальянском языке ди. /k/ также изменилось в /tʃ/, ср. лат. *Cicero* /'kikero/ > ит. *cicerone* /tʃitʃero:nə/ *проводник*; то же наблюдается в современном шведском языке, ср. дшв. *kök* /k'ɔ:k/ < лат. *coquina* > *kök* /çɔ:k/ *кухня* (ср. нем. *Küche*).

Из приведенных примеров можно видеть, что совершенно сходные процессы протекали в различных языках в различное время и притом совершенно независимо друг от друга. Во всех приведенных примерах наблюдается частный случай широко распространенного в языках явления ассимиляции, т.е. уподобления согласных задне- или среднеязычных гласному переднего ряда среднего или верхнего подъема /i/, /e/ в артикуляционном и акустическом отношениях. Это обстоятельство дает нам

основание рассматривать изменение фонемы /k/ > /tʃ/ перед гласными переднего ряда как своего рода языковую универсалию диахронического характера, поскольку в истории развития ряда языков, принадлежащих к различным генетическим группам, аналогичные изменения имеют место.

Представляется целесообразным принять определение понятия языковой универсалии Б.А. Серебрянниковым как более точное и полное: «Языковая универсалия – это единообразный, изоморфный способ выражения внутрисистемных корреляций языковых элементов или однотипный по своему характеру процесс, дающий одинаковые результаты, проявляющиеся с достаточно высокой степенью частотности в различных языках мира» [53, с. 5].

Идеи всеобщности, универсальности грамматики зародились еще в древности. Термин «универсальная грамматика» возник в XIII в., что свидетельствует о попытках тогдашних ученых создать универсальную грамматику, в задачу которой, как они полагали, входило обнаружить общие явления в грамматике немногих известных в те времена языков и изучить логические принципы, лежащие в основе этих языков. При этом возникло ошибочное отождествление логических и языковых категорий, причем первые с особым упорством навязывались языку. Наиболее яркое выражение эти концепции получили в изданной в XVII в. во Франции «Всеобщей и рациональной грамматике» Пор Рояля, авторами которых были К. Лансло и А. Арно. В этой грамматике ее авторы пытались установить естественные основы речи, определить принципы, общие всем языкам, и причины основных различий, которые в них имеются.

Эта ошибочная концепция языка имела далекие и печальные последствия для языкознания, так как укореняла неправильный взгляд на язык как на нечто неподвижное и постоянное. Поэтому всякие изменения, естественно протекавшие в языке, рассматривались как своего рода порча языка. Эта же концепция породила мысль о необходимости предохранить язык от порчи путем его фиксации в нормативных словарях, какие и были созданы в XVII в. в Италии – словарь Итальянской академии Crusca (1612 г.) и словарь Французской академии (1694 г.).

Однако подлинное начало разработки проблемы универсалий следует отнести к середине XX в., когда в 1957 г. Р. Якобсон в своем докладе на VIII Международном конгрессе лингвистов в Осло подчеркнул, говоря о значении типологических исследований для сравнительно-исторического языкознания, что типология вскрывает закон импликации, т.е. предугадываемости явлений, лежащих в основе различных уровней структуры языка, т.е. наличие элемента А или отсутствие элемента В [68, с. 95–107]. Это положение можно проиллюстрировать примерами из языков, где существует развитая система пространственных падежей, как, например, в финском или эстонском, где число их достигает 14–18, класс предлогов как отдельной части речи отсутствует и все достаточно сложные пространственные отношения передаются с помощью этих пространственных падежей; ср фин. *kirja on hyllyllä книга на полке (hyllly + llä)*.

Своим утверждением докладчик подчеркнул значение системного характера структуры языка и доказал научную особенность типологических исследований. Большое значение для разработки проблемы универсалий имела специальная конференция, посвященная этой проблеме, которая состоялась в Нью-Йорке в 1961 г., на которой был заслушан доклад того же ученого о значении лингвистических универсалий для науки о языке, а также обсужден «Меморандум о языковых универсалиях», подписанный Дж. Гринбергом, Ч. Осгудом и Дж. Дженкинсом [21, с. 31]. В этом меморандуме дается определение языковых универсалий как обобщенных высказываний о тех свойствах и тенденциях, которые присущи любому языку и разделяются всеми говорящими на этом языке; рассматриваются универсалии различных типов, а также показана сфера действия универсалий и намечается программа дальнейшей работы по исследованию проблемы универсалий.

УРОВНИ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Как отмечалось выше (с. 6), одной из характеристик всякого языка является его структура, которую следует понимать как внутреннюю организацию его компонентов. Последняя же представляет собой сложную систему связей и отношений неограниченного числа единиц языка — фонем, служащих для различения звуковой оболочки слов, морфем — наименьших значимых частей слова, слов — основных кратчайших единиц языка, выражающих понятие (предметное, качественное, процессное и т.д.). Каждая из названных выше единиц обладает какими-то особыми признаками, отличающими ее от других подобных ей единиц; так, фонема /д/ отличается от фонемы /к/ как местом, так и способом своего образования: фонема /д/ дентальная, смычная, звонкая; фонема /к/ заднеязычная, смычная и глухая; морфемы также различаются между собой; так, морфема *-ск-* отличается от морфемы *-ами-*, во-первых, по своей функции — словообразовательной, и, во-вторых, по своему звуковому составу.

В то же время отдельные единицы языка обладают рядом общих свойств; например, фонемы обладают способностью различать слова, т.е. обладают общим свойством различать слова в звуковом плане или, иначе, обладают различительными, или дистинктивными, признаками. Эти свойства дают возможность объединять различные единицы языка по признаку их общности в совокупности различной величины, называемые подсистемами, или уровнями, структуры языка. Итак, под уровнем структуры языка мы понимаем некоторую совокупность единиц структуры языка, объединяемых по признаку их общности.

Таким образом, мы можем говорить об уровне фонем или фонологическом уровне, уровне морфем или морфологическом уровне, уровне слов или лексическом уровне и т.д.

Каждый из перечисленных уровней не существует изолированно в структуре языка, но связан с другими уровнями различными связями и отношениями. Например, от числа фонем и их типов в отдельном

языке зависит структура слова, его протяженность. Слова, в свою очередь, используются для образования словосочетаний и предложений. Из сказанного можно сделать заключение, что не все уровни (или подсистемы) занимают в структуре языка одинаковое положение. Одни уровни (подсистемы) являются как бы основанием для других, а те в свою очередь служат основанием для третьих и т.д. Так, например, фонологический уровень служит основой для морфологического уровня, поскольку все морфемы образуются из устойчивого ряда определенным образом расположенных фонем; морфологический уровень служит основой для образования слов, поскольку каждое слово представляет собой устойчивую, исторически сложившуюся последовательность морфем.

Все это и образует так называемую иерархию уровней, располагаемых по ступеням и соотносимых как высшие и низшие по отношению друг к другу. Таким образом создается ярусная организация структуры языка. Каждый из ярусов представляет собой уровень языка, в котором объединены однотипные единицы, обладающие определенными свойствами, признаками и системой отношений. Поскольку морфологическая структура слова тесно связана со словообразованием, в иерархии уровней выделяется особый уровень — словообразовательный, в котором лексические и грамматические характеристики слова типологически существенны.

Эти уровни и являются объектом исследования в типологии; кроме этих основных совокупностей, объектами типологического изучения могут быть меньшие совокупности языковых единиц, или отдельные микросистемы, входящие в данный уровень языка, как, например, микросистема склонения или микросистема времени и т.д.

ОБ ИЗОМОРФИЗМЕ

В типологии немаловажное значение имеет понятие «изоморфизм». Этот термин, восходящий к греческому *isos* равный, *одинаковый* и *погрхе вид, форма*, был введен в лингвистический обиход польским языковедом Е. Куриловичем [37] из математики, где он обозначает тождество, подобие внутреннего устройства двух систем чисел.

Э.А. Макаев определяет изоморфизм как «однотипность структуры конститутивных языковых единиц различных уровней, следствием чего является или может являться однотипность отношений между этими единицами на разных уровнях» [41, с. 51].

В качестве примера явления изоморфизма можно привести структуру имени существительного в русском и немецком языках. В качестве единиц сопоставления мы возьмем грамматическую категорию. И в том, и в другом языке существительное характеризуется наличием трех грамматических категорий: категории рода — представлена мужским, женским и средним родом; категории числа — два числа: единственное и множественное. На уровне этих двух категорий мы наблюдаем изоморфизм, т.е. их подобие. Но если мы обратимся к категории падежа в обоих языках, то тут мы обнаружим не изоморфизм, а алломорфизм,

т.е. не подобие, а различие, потому что в русском языке категория падежа представлена шестью падежами, а в немецком — только четырьмя. Еще более резко выраженный алломорфизм мы обнаружим, если сопоставим систему имени существительного в немецком и английском языках. В первом из них имя существительное характеризуется, как отмечалось выше, четырьмя категориями — рода, числа, падежа и детерминативности. В структуре же английского существительного категория имени представлена только двумя категориями — числа и детерминативности.

Нам, однако, представляется правильным понимать под изоморфизмом не только подобие признаков, составляющих типологические характеристики данного класса или подкласса слов, но также и их материальное выражение по отдельным языкам.

Так, мы можем говорить об изоморфизме средств, выражающих категории лица в глаголах настоящего времени в русском и украинском языках, где наблюдается подобие морфем категории лица в настоящем времени глагола.

Итак, под изоморфизмом мы понимаем не только подобие в структуре единиц различных уровней языка но также подобие в материальных средствах их языкового выражения.

В этом случае одной из целей типологического описания языка следует считать выявление изоморфизма различных языков, т.е. установление подобия или сходства не только микросистем, но также и подсистем и целых систем ряда языков.

ИЗ ИСТОРИИ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Типология языков как один из разделов науки о языке зародилась в конце XVIII — начале XIX вв. в связи со знакомством ученых с большим числом языков самой разнообразной структуры и первоначально складывалась как учение о морфологических типах языков, поскольку в качестве исходного момента для классификации, являвшейся в то время основной целью ученых, использовался только один и то случайно выбранный признак — способность отдельного слова присоединять аффиксальные морфемы различного типа или же не присоединять их совсем. Была предложена классификация языков мира по признаку структуры слова, независимо от их родства. На основе учения о морфологическом строении слова все языки мира разделяются на морфологические типы: аморфные (изолирующие), в которых грамматические отношения между словами выражаются с помощью порядка слов или служебных слов, наиболее характерным представителем которых признается древнекитайский язык (вэньян) [74, с 12]; к этому же языковому типу относятся тибетский, тайский, вьетнамский, кхмерский и некоторые языки Западной Африки — эве, йоруба; агглютинативные — языки в которых грамматические отношения между словами выражаются с помощью механического присоединения однозначных стандартных аффиксов к неизменяемым корням-основам; представителями этих языков

признаются языки тюркские, монгольские, маньчжуро-тунгусские и финно-угорские; полисинтетические (инкорпорирующие) — языки, у которых в основе грамматического строя лежит инкорпорация, т.е. сложение корней-основ отдельных слов и служебных морфем для образования слов-предложений; представителями языков этого типа считаются языки чукотский, эскимосский и другие языки Северо-Восточной Азии, а также языки американских индейцев; флективные — в которых грамматические отношения между словами выражаются с помощью флексии, которая обычно является выражением нескольких категориальных значений. Представителями языков этого типа считаются индоевропейские и семитские языки. Эта морфологическая классификация, предложенная В. Гумбольдтом, несколько видоизмененная А. Шлейхером и дополненная Ф.Ф. Фортунатовым, сохраняет свою актуальность и до настоящего времени. Однако ее идейное содержание существенно изменилось. В. Гумбольдт, рассматривая язык как эманацию (т.е. истечение или излучение) человеческого духа, отождествлял язык и психологию народа и ошибочно считал, что различные типы языковой структуры отражают различный культурно-психический уровень соответствующего народа. Как следствие своей неправильной концепции, В. Гумбольдт и его последователи объявили флективные языки вершиной языкового развития, т.е. самыми совершенными языками. Таким образом, разработанная в XIX в. морфологическая классификация языков носила оценочный характер. В настоящее время эта концепция полностью признана ошибочной, не соответствующей фактическому положению вещей.

Расширение и обогащение наших знаний новыми данными о языках мира, а также развитие теоретической мысли лингвистов разных стран в XX в. привели к созданию нескольких направлений в современной типологии: ступенчатой типологии (Э. Сепир), квантитативной типологии (Дж. Гринберг), характерологии (В. Скаличка), типологии отдельных языковых систем (Н.С. Трубецкой, Т. Милевский) и, наконец, типологии универсалий (Р. Якобсон, Дж. Гринберг).

В отечественной науке интерес к проблемам типологии возник еще в конце XIX в. (И.А. Бодуэн де Куртэнэ); трех- и четырехчленная классификация В. Гумбольдта была дополнена особым флективно-агглютинативным типом языков (Ф.Ф. Фортунатов); после некоторого затишья в разработке проблем типологии, вызванного ошибочной теорией единого глоттогонического процесса, выдвинутой Н.Я. Марром и затем полностью отвергнутой на дискуссии 1950 г., работа по изучению проблем типологии возобновилась. Этому способствовало наличие в нашей стране большого числа национальных языков, нуждавшихся в научной разработке, в связи с созданием литературных языков в наших национальных республиках и введением их в качестве языков школьного преподавания. Теоретический интерес к проблемам типологии возник в связи с упоминавшимся докладом Р. Якобсона [68, с. 95—106]. По мнению докладчика, типология призвана вскрывать законы предугадываемости (импликации) явлений, лежащих в основе фонологической и морфоло-

гической систем языков, и тем самым может дать много полезных данных, необходимых для сравнительно-исторического языкознания.

В советском языкознании большой вклад в теорию типологии внес И.И. Мещанинов на основе исследования синтаксических отношений в различных малоизученных разноструктурных языках нашей страны [44, с. 24–37; 45, с. 3–13], что дало ему возможность разработать синтаксическую типологию языков, включающую три типа языков: языки пассивного строя – чукотский; языки эргативного строя – аварский, лакский, даргинский, отчасти грузинский и баскский; языки номинативного строя – индоевропейские, тюркские, монгольские и т.д.

Взросший интерес лингвистов к проблемам типологии в начале 60-х гг. получил свое организационное выражение в ряде докладов на конференциях, на которых обсуждались и продолжают обсуждаться различные проблемы типологии. Первой такой конференцией было совещание по типологии, созванное в Институте востоковедения Академии наук СССР в Москве в 1963 г. [39].

В результате проводимых советскими типологами исследований в отечественной типологии наметились два направления – структурно-типологическое (И.И. Мещанинов, В.Н. Ярцева, Б.А. Успенский, Ю.В. Рождественский, Г.П. Мельников и др.) и историко-типологическое (М.М. Гухман и др.).

В последние годы стало развиваться еще одно направление в типологии – сравнительно (сопоставительно)-типологическое. Оно было вызвано к жизни необходимостью учитывать типологические особенности родных языков в связи с подготовкой учителей иностранных языков для средней школы из числа носителей различных языков народов СССР. Учитывая значение типологии для более успешной работы по усвоению иностранных языков – английского, немецкого и французского, в учебные планы факультетов иностранных языков педагогических институтов в 1973 г. была введена новая научная учебная дисциплина «Сравнительная типология родного и изучаемого языка», для которой Министерством просвещения СССР была разработана и утверждена программа и написаны соответствующие учебные пособия [18, 7, 30]. Было написано и защищено значительное число кандидатских диссертаций, разрабатывавших отдельные проблемы сравнительной типологии; были сформулированы и теоретически обоснованы типологические категории и установлена их связь и отношение к сравнительному изучению языков.

Г Л А В А 2. ТИПОЛОГИЯ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Среди тех уровней, которые образуют сложную иерархическую структуру языка, необходимо, в первую очередь, назвать фонологический уровень, основной единицей которого является фонема. Это важно сделать потому, что фонема соединяет в себе два ряда существенных для языка качеств: с одной стороны, она представляет собой языковую единицу, сочетающую в себе как общие признаки, например, смычность или назальность, свойственные реальным звукам, например, фонемы /п/, /т/ и /к/, так и частные признаки, характеризующие отдельные фонемы, например, лабиальность /т/, дентальность /п/, заднеязычность /к/.

В функциональном плане фонема также имеет большое значение: она служит строительным материалом для единиц других уровней — морфем и слов, создавая таким образом материальную сторону языка. Это ее конститутивная функция; во-вторых, фонемы позволяют четко различать одни морфемы от других (например, морфему 3-го лица ед. числа наст. времени *-ит* от морфемы 1-го лица мн. числа наст. времени *-им*; *ходит* — *ходим*); одни слова от других (например, *стол* — *стул*; англ. *make* /meik/ *делать* от *take* /teik/ *брать*). Эта функция фонемы называется различительной, или дистинктивной. Это важнейшая функция фонемы, так как она способствует акту общения и передачи информации. Перечисленные выше качества фонемы позволяют определить фонему как кратчайшую звуковую единицу, способную различать звуковые оболочки разных слов и морфем.

В зависимости от окружения и положения по отношению к ударению одна и та же фонема может реализоваться в различных физических вариантах. Так, русская фонема /о/ в сильной позиции (т.е. под ударением) реализуется как /о/, в первом предударном слоге как /ʌ/ и во втором предударном слоге как /ъ/; ср. *осень* /ʌс'ьн'/, но *осенний* /ʌс'эн':ний/; английская фонема /t/ утрачивает аспирацию перед последующим согласным и т.д.

Образующиеся при этом аллофоны, или варианты данной фонемы, также составляют часть фонологического уровня языка.

Находясь в составе морфем или слов и образуя при этом устойчивую последовательность, фонемы объединяются в слоги, которые можно рассматривать как естественные единицы сегментации (деления) речевого потока.

Наряду с фонемами и их аллофонами (вариантами), которые получили название сегментных единиц по их способности употребляться в отдельных отрезках цепи, к фонологическому уровню относятся также сверхсегментные или суперсегментные единицы, под которыми обычно понимают ударение и интонацию.

Итак, фонологический уровень языка складывается из фонем и их аллофонов (вариантов), слогов, ударения и интонации.

ОТБОР ПОКАЗАТЕЛЕЙ ДЛЯ ТИПОЛОГИИ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ СОПОСТАВЛЯЕМЫХ ЯЗЫКОВ

Сопоставляя, в целях установления типологического сходства или различия, фонологические системы двух языков, мы можем легко убедиться, что они оказываются различными в ряде отношений и прежде всего в отношении состава, качества и количества имеющихся в них фонем, или как принято говорить, в отношении инвентаря фонем. Так, в русском языке инвентарь фонем складывается из 35 согласных и 6 гласных фонем. Близкородственный русскому языку украинский язык имеет 44 согласных и 6 гласных фонем [32, с. 167, 181].

Современный исландский язык, выделившийся из древнорвежского языка в X в., располагает инвентарем согласных в составе 22 фонем, в то время как близкородственный ему норвежский язык имеет 18 согласных фонем.

Как можно видеть в одних языках, как, например, в русском и украинском, преобладающее значение получает консонантизм, характеризуемый разнообразием согласных фонем. Такие языки получили название консонантических языков, или языков консонантического типа.

В других языках, как, например, в английском, существует достаточно разнообразная система гласных фонем при ограниченном инвентаре согласных. Такие языки получили название вокалических языков, или языков вокалического типа. Выделение двух типов языков — консонантического и вокалического — следует рассматривать как один из важнейших критериев типологической характеристики фонологических уровней языков. Этот критерий, выдвинутый А.В. Исаченко на материале славянских языков, оказался очень полезным для типологической классификации этих языков. Он выделил: 1) языки радикального вокалического типа, к которому отнес языки сербохорватский, словенский и кашубский; 2) языки радикального консонантического типа, представленные восточнославянскими языками, а также лужицким и болгарским; 3) языки третьего типа — промежуточного, к которому отнес литературный словацкий язык [33, с. 115–116]. Как можно видеть, типологические характеристики не совпадают с генетическими в том отношении, что южнославянский язык — болгарский и западнославянский язык — лужицкий оказываются в одной типологической группе вместе с восточнославянским.

Вокалические языки обнаруживают тенденцию к вокализации сонантов. Эта тенденция объясняет тот факт, что русским словам типа *солнце*, *волк* и др. соответствуют сербохорватские *сунце*, *вук* и т.д. Консонантические языки, наоборот, не способствуют развитию сонантов в гласные, но иногда они уничтожают естественную слоговость согласных, как, например, в польском: вместо /jablko/ произносится /jarko/.

Анализ фонологических систем отдельных языков показывает, что количественные колебания фонемного состава даже в близкородствен-

ных языках (германских) достаточно велики, что можно видеть из приводимой ниже таблицы № 1.

Таблица № 1

Язык	Общее число фонем	Число гласных	Число согласных
Русский	41	6	35
Английский	44	20	24
Шведский	40	21	19
Датский	47	29	18
Немецкий	42	18	24
Исландский	36	14	22
Самоанский	23	13	10
Таитянский	19	10	9

Фонемный инвентарь отдельных языков различается между собой не только своим количественным, но также и качественным составом: в некоторых языках существуют две интердентальные фонемы, как, например, в английском, новогреческом, литературном арабском, башкирском. В ряде языков представлены шумные смычные согласные глубокого заднего ряда, как, например, во многих тюркских языках, в арабском языке.

Во многих языках, преимущественно германских, существует корреляция долгий — краткий гласный, чего нет в русском языке.

На основании сказанного выше можно сделать вывод о том, что инвентарь фонем гласных и согласных, их число и состав могут быть признаны общим критерием типологической характеристики фонологических систем сопоставляемых языков.

Однако для типологической характеристики фонологической системы языка одного предложенного выше критерия оказывается недостаточно. Необходимо выявить и охарактеризовать внутренние отношения между фонемами данного языка, т.е. структуру фонемного инвентаря; одним из компонентов его структуры следует считать количество и качество оппозиций [69, с. 173—231].

Под фонологической оппозицией понимается противопоставление двух или нескольких фонем с целью выявления различий между ними или наличия или отсутствия какого-либо признака. Оппозиции могут

быть бинарными (двоичными), тернарными (троичными) и групповыми, если противопоставляются по две, по три или целая группа однородных единиц языка, в данном случае фонем.

Так, для русского и украинского языков характерна оппозиция твердый – мягкий согласный, например, /б/ – /б'/, /д/ – /д'/, /м/ – /м'/ и т.д.

Другой стороной фонологической структуры языка является корреляция, т.е. наличие в соответствующей фонологической системе двух фонем, попарно противопоставляемых друг другу по одному признаку при совпадении всех других признаков; корреляция по твердости – мягкости, ср. /б/ – /б'/; по звонкости – глухости, ср. /б/ – /п/; по назальности – неназальности, ср. /м/ – /б/, /и/ – /д/ и т.д. Этот признак следует рассматривать как типологически существенный, так как он дает основания для деления рассматриваемых языков на две группы: а) языки, имеющие корреляцию звонкость – незвонкость (русский, английский, шведский, норвежский), и б) языки, не имеющие этой корреляции, но зато имеющие корреляцию наличие /отсутствие придыхания, например, в датском языке фонема /р/ отличается от фонемы /в/ не наличием голоса в последнем согласном, а его отсутствием, так же как в /р/, но притом /р/ имеет сильное придыхание (аспирацию) и звучит примерно р^h/. В отличие от германских, кроме немецкого языка, в русской подсистеме согласных существует еще один тип корреляции – корреляция палатальности – непалатальности.

С рассмотренными выше оппозицией и корреляцией связана также нейтрализация, т.е. снятие признака, отличающего одну фонему от другой в бинарной оппозиции, например, нейтрализация (снятие) признака звонкости во всех звонких фонемах в конечном положении в слове, что особенно характерно для русского и немецкого языков, но не представлено ни в английском, ни во французском языках; ср. русск. *гараж* /гá'раш/, фр. *garage* /gá'ra:з/, англ. /gə'ta:з/ *гараж*; англ. *rise* /raiz/, но не /raiz/. В русском и немецком языках нейтрализация наблюдается в двух случаях: 1) нейтрализация оппозиции звонкость – незвонкость, когда снимается различительный признак звонкости; 2) нейтрализация оппозиции звонкость – незвонкость, когда добавляется признак звонкости ко второму члену оппозиции; ср. русск. /лоп/ *лоб*, нем. /stáðp/ *Staub* пыль, /tsu:k/ *Zug* поезд.

Таким образом, типологическая характеристика русской подсистемы согласных – наличие двух типов оппозиций: а) твердость – мягкость, б) глухость – звонкость; типологическая характеристика английской, шведской и норвежской подсистем согласных – один тип оппозиций: глухость – звонкость; типологическая характеристика датской, исландской и фарерской подсистем согласных – один тип оппозиции: придыхательность – непридыхательность; в исландском добавляется второй тип: позиционно обусловленная оппозиция глухость – звонкость в начальной позиции в слове.

Типологический анализ фонологических систем будет недостаточно полным и объективным, если не будет определена сила фонологической

оппозиции, понятие, установленное В.К. Журавлевым, под которым он понимает число коррелятивных пар, входящих в данную оппозицию [29, с. 115]. Он вывел математическое выражение этой силы в виде формулы $F = \frac{D}{N}$, где F — сила фонологической оппозиции, n — число пар, составляющих данную оппозицию, D — число оппозиций различения, т.е. сильных оппозиций, N — число позиций нейтрализации. Эту формулу В.К. Журавлев предлагает читать так: «Сила фонологической оппозиции прямо пропорциональна числу пар, противопоставляющихся в определении, числе сильных оппозиций и обратно пропорциональна числу слабых позиций» [23, с. 116]. Так, например, в русском языке из 30 членов оппозиции согласных по признакам палатальности — непалатальности лишь 20 образуют 10 коррелирующих пар.

Развитие электроакустической аппаратуры и использование ее методов исследования дали возможность ряду исследователей разработать систему бинарных различительных признаков отдельных фонем, которые по своему обобщенному характеру могли быть использованы в качестве типологических показателей фонологических систем [7, с. 72—74].

Для типологической характеристики фонологических систем имеет также определенное значение фонемная дистрибуция и частота использования определенного класса фонем, что определяет их место и удельный вес в фонологической системе соответствующего языка. Так, в русском и белорусском языках существует фонема /в/. Однако дистрибуция этих фонем совершенно различна: в русском языке, вследствие присущей этому языку нейтрализации конечных согласных, русская фонема /в/ реализуется в конце слога или слова в своем глухом варианте /ф/; ср. русск. *зов* /зоф/; в белорусском же языке фонема /в/ реализуется в той же позиции в своем полугласном варианте /ў/; ср. русск. *лев* /л'эф/ и бел. *лев* /л'эў/. Для белорусов, изучающих английский язык, трудность будет представлять не овладение самой фонемой /v/, которая представлена в фонемном инвентаре белорусского языка, а ее позиционным вариантом /ў/, в котором она реализуется в конечном положении, в то время как в английском языке вполне допускается фонема /v/ в конечной позиции; ср. /lɪv/ *жить*, /hæv/ *иметь*.

Необходимо отметить одну черту системы согласных немецкого языка, отличающую его от других германских языков — систематическое появление фонемы /z/ в начальной позиции, что совершенно исключено из других германских языков, кроме английского, где /z/ появляется в очень ограниченном числе слов, и то романского происхождения.

Для всех германских языков характерна дистрибуция /h/ в начальной и срединной позиции и /ʃ/ в конечной позиции в слоге или слове. В русском языке как та, так и другая фонема отсутствует.

Одним из видов дистрибуции согласных следует считать чередование согласных, поскольку оно имеет законченный характер и служит критерием вариативности согласных.

Для русского языка характерны: 1) фонетические чередования, представляющие собой реализацию действующего в этом языке закона

нейтрализации звонких фонем, например, *труд* /трут/ – *труды*; в немецком *Zug* /tsu:k/ – *Züge* /tsy:ɡə/; в других германских языках этот тип чередования отсутствует; 2) исторические, или традиционные, чередования: в русском языке они возникают как результат или отражение фонетических процессов, действовавших в более ранние периоды истории русского языка, например, *з – ж: могу – можем, сидеть – сижу*; в английском языке исторические чередования используются в словоформах одной и той же лексемы, а также при образовании слов, принадлежащих другой части речи: *seize* /si:z/ – *seizure* /'si:zə/.

Наконец, в комплекс признаков, входящих в число критериев, служащих для определения типологии языков на фонологическом уровне, следует включить и те функции, которые выполняют те или другие классы фонем в структуре данного языка.

В семитских языках, например, арабском, основное лексическое значение передают согласные, как например, s-n-d-q *сундук*, а гласные выражают грамматические категории, например, категорию числа: -andiq *сундук*, *sunduq* *сундуки* (мн. ч.) или категорию залога: k-t-b *писать*, *'kataba он писал*, *'kutiba он был написан*.

В тюркских языках гласные фонемы не только не несут никакой грамматической нагрузки, но наоборот выполняют исключительно свою основную дистинктивную функцию; ср. тур. kol *рука*, kul *раб*, kaI *останься*, küI *уголь* и т.д.

Подводя итог, мы можем сказать, что мы установили те показатели, которые можно считать типологически определяющими на фонологическом уровне: 1) количественный и качественный инвентарь фонем, 2) количество и качество оппозиций и корреляций, 3) случаи нейтрализации фонем, 4) сила оппозиции, 5) дистрибуция фонем, 6) функции фонем в слове. Эти критерии находят свое подтверждение в исследованиях Г.П. Торсуева, который полагает, что для определения типологии фонологических систем наибольшее значение имеет «система фонем (включая дифференциальные черты и соотношение подсистем – гласных и согласных и т.п.), частотная характеристика фонем и их функциональная нагрузка» [60, с. 276].

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ ПОДСИСТЕМЫ ГЛАСНЫХ В РОДНОМ И ИЗУЧАЕМОМ ЯЗЫКАХ

Сформулированные выше показатели дают возможность составить типологические характеристики фонологической системы двух языков – родного и изучаемого. В качестве родного мы будем в основном исходить из русского языка, который в настоящее время является не только языком основного населения Российской Федерации, но также и языком межнационального общения народов нашей страны.

Однако, принимая во внимание наличие большого числа родных языков населения республик, входящих в состав нашего государства, представляется вполне целесообразным дать необходимые сведения по языкам этих народов, насколько это окажется в наших возмож-

ностях. В качестве изучаемого языка принимается английский язык, наиболее распространенный как учебный предмет в наших средних школах, и лишь изредка, где это необходимо и полезно для читателя, даются соответствующие материалы из немецкого или других германских языков.

Установленные выше показатели позволяют определить те более частные критерии, которые можно положить в основу характеристики фонологической системы того или иного языка.

Это позволяет рассматривать нужные нам фонологические системы, исходя, в частности, из следующего критерия: количественный и качественный инвентарь фонем. В любом языке, как показывают наблюдения над языками, можно легко убедиться в том, что по двум сформулированным выше (с. 27) критериям — по наличию гласных обычного и гласных отодвинутого вперед (продвинутого назад) ряда — языки нашей страны делятся на две группы:

1) языки с простой подсистемой гласных, к которым относятся: русский, белорусский, украинский, литовский, латышский, армянский, таджикский, узбекский и чувашский; в этих языках система гласных характеризуется ограниченным числом фонем, не больше 8;

2) языки со сложной подсистемой фонем, к которым относятся: английский (20 фонем), татарский (10 ф.), башкирский (12 ф.), киргизский (14 ф.), хакасский (17 ф.), якутский (20 ф.), а также эстонский и казахский.

Инвентарь гласных фонем в языках этой группы складывается из числа фонем больше 10.

Эти факты дают возможность сделать следующий прогноз в отношении обучения системе гласных в языках первой группы: учащиеся — носители одного из языков первой группы столкнутся с большими трудностями, чем учащиеся — носители языков второй группы. В методическом плане это означает более тщательную разработку вводного фонетического курса, более активную работу над произношением и разработку специальных упражнений для овладения отдельными фонемами изучаемого языка. Этот вывод подтверждают различные высказывания исследователей, занимавшихся сопоставлением фонологической системы с некоторыми языками наших народов [1, с. 19; 46].

Кроме названного выше критерия, необходимо использовать следующие критерии, вытекающие из самого существа подсистемы гласных: 1) признак ряда, 2) признак раствора (подъема), 3) признак долготы — краткости, 4) признак наличие — отсутствие лабиализации, 5) признак дифтонг — монофтонг.

Признаки ряда и раствора с их подразделениями также имеют существенное значение при определении качественных сторон инвентаря гласных фонем в сопоставляемых языках: так, гласные английской фонологической системы подразделяются на гласные обычного /i:, e, æ, v, ə, a:, ɔ:, u: / и гласные продвинутого вперед /ʊ, ʌ/ или отодвинутого назад ряда /ɪ/. Этот же качественный признак оказывается присущим не

только английскому, но также киргизскому, татарскому, башкирскому и бурятскому языкам.

В русском, украинском, белорусском, узбекском, армянском и таджикском языках с их небольшим числом гласных фонем этот признак отсутствует.

Признак подъема с подразделениями на две разновидности — узкую и широкую также присущ английской системе гласных, но совершенно не играет никакой роли в большей части языков нашей страны.

Названные выше типологические расхождения служат источником постоянных и устойчивых ошибок всех изучающих английский язык.

Для подсистемы английских гласных выделяются:

а) по признаку ряда:

3 гласных переднего ряда: /i:/, /e/, /æ/;

1 гласная переднего продвинутого ряда: /ɪ/;

2 гласных среднего ряда: /ɜ:/, /ə/;

3 гласных заднего ряда: /ɑ/, /ɔ:/, /ʊ/;

3 гласных заднего продвинутого ряда: /ɑ:/, /ʌ/, /ʊ/

б) при признаку подъема:

2 гласных верхнего подъема, узкие: /i:/, /u:/;

2 гласных верхнего подъема, широкие: /ɪ/, /ʊ/;

2 гласных среднего подъема, узкие: /e/, /ɜ:/;

1 гласная среднего подъема, широкая: /ə/;

2 гласных нижнего подъема, узкие: /ʌ/, /ɔ:/;

2 гласных нижнего подъема, широкие: /æ/, /ɑ:/, /ɒ/.

Фонологическое значение в английской подсистеме гласных имеют оппозиции гласных одного ряда и на одной ступени подъема: /i: — ɪ/ в переднем ряду, /u: — ʊ/ в заднем ряду и /ɜ: — ə/ в смешанном ряду. Эти оппозиции отсутствуют в подавляющем большинстве национальных языков нашей страны, составляя, таким образом, типологическую черту английского вокализма.

Что касается оппозиции долгота — краткость, то, как отмечает большинство современных фонетистов, в английском вокализме этот признак выступает лишь как избыточный, сопутствующий.

В отношении признака долгота — краткость существующие в нашей стране языки делятся на две группы: 1) языки с наличием фонологической оппозиции долгота — краткость; это языки эстонский, бурятский, азербайджанский, туркменский, хакасский, якутский; 2) языки с отсутствием фонологической оппозиции долгота — краткость — русский, украинский, белорусский, армянский, грузинский, чувашский, татарский, башкирский, узбекский, казахский, таджикский и отчасти киргизский.

В английском языке существует бинарная оппозиция по признаку подъема, т.е. высокий — средний /i: — e/, /ɪ — e/, высокий — низкий /i: — æ:/, /ɪ — æ/ и средний — низкий /e — æ/ переднего ряда. Языки, в которых

отсутствует фонологическая оппозиция по признаку подъема, бинарных оппозиций типа /i: – e/, /i: – æ/ не имеют. В отношении же оппозиции /ɪ – e/ мы должны выделить два языка – башкирский и татарский, в которых эта оппозиция отсутствует. Правда, соответствующие труды по фонетике этих языков регистрируют наличие в этих языках фонемы среднего подъема /e/, однако она встречается лишь в заимствованных словах и, видимо, еще неполностью ассимилирована.

Оппозиция средний – низкий, т.е. /e – æ/, обнаруживается лишь в очень ограниченном числе языков, таких как эстонский, азербайджанский, узбекский. Остальные языки этой оппозиции не имеют.

В заднем ряду в английском вокализме существуют такие бинарные оппозиции по признаку подъема: /u: – ʊ/, /u: – ɔ:/, /u: – ʌ/, /u: – ʊ/, /u: – ɑ:/, /ʊ – ɔ:/, /u: – ʊ/, /ʊ – ɑ:/, /ɔ: – ʊ/, /ɔ: – ɑ:/, /ʊ – ɑ:/.

Языки с отсутствием фонологической оппозиции долгота – краткость перечисленных выше бинарных оппозиций не имеют. В языках же, имеющих оппозицию долгота – краткость, некоторые из существующих в английском языке коррелятивных пар находят свое соответствие. Это соответствие проходит по признаку подъема: высокий – средний, т.е. /u: – ɔ:/, высокий – низкий, т.е. /u: – ɑ:/, или же средний – низкий, т.е. /ɔ: – ɑ:/, как, например, в эстонском, туркменском, якутском языках.

В фонологической структуре английского вокализма можно выделить еще одну оппозицию – монофтонг – дифтонг. Английские дифтонги монофонемны и с монофтонгами образуют целый ряд оппозиций. В ряде языков нашей страны дифтонги не представлены. В тех же языках, как, например, в башкирском, татарском, якутском, где дифтонги имеются, они являются восходящими в противоположность английским, которые являются нисходящими. Таким образом, все английские коррелятивные пары, образованные по принципу монофтонг – дифтонг, в родных языках соответствий не имеют.

В противоположность английской системе гласных подсистема русских гласных характеризуется отсутствием фонологически важных признаков ряда с подразделением на обычные гласные и гласные продвинутого ряда, а также признака подъема с подразделением на узкую и широкую разновидности.

В связи с этим число гласных в русском языке составляет 6 фонем, которые располагаются так:

- а) по признаку ряда (без деления на обычный и продвинутый ряды):
 - 2 гласных переднего ряда: /и/, /э/;
 - 1 гласная среднего ряда: /ы/;
 - 3 гласных заднего ряда: /а/, /о/, /у/

б) по признаку подъема без подразделения на широкую и узкую разновидности:

- 2 гласных верхнего подъема: /и/, /у/;
- 2 гласных среднего подъема: /э/, /о/;
- 2 гласных нижнего подъема: /а/, /я/.

Это количественное и качественное расхождение в системах гласных обоих языков является языковой причиной трудностей и устойчивых ошибок русских учащихся, изучающих английский язык в средней школе.

В подсистеме гласных украинского языка существует гласный «передне-среднего» ряда [32, с. 170; 38, с. 138–142], т.е. гласный переднего ряда продвинутый назад /и/, широкой разновидности. Этот гласный в акустико-артикуляторном отношении оказывается сходным с английским /ɪ/.

Таким образом число гласных в украинском языке составляет 6 фонем, которые располагают так:

а) по признаку ряда:

2 гласных переднего ряда: /ɪ/, /e/;

1 гласная передне-среднего ряда: /и/;

3 гласных заднего ряда: /a/, /o/, /y/.

б) по признаку подъема:

2 гласных верхнего подъема: /ɪ/, /y/;

1 гласная верхнего подъема, широкая: /и/;

2 гласных среднего подъема: /e/, /o/;

1 гласная нижнего подъема: /a/.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ ПОДСИСТЕМЫ СОГЛАСНЫХ В РОДНОМ И ИЗУЧАЕМОМ ЯЗЫКАХ

Подсистема согласных фонем изучаемого языка может быть сопоставлена с подсистемой согласных фонем любого другого языка, если будут использованы критерии, вытекающие из тех объективных свойств, которыми обладают согласные в любом языке; эти критерии носят общий характер и потому могут служить своего рода «мерилом» для типологических сопоставлений. Эти критерии следующие: 1) число зон артикуляции, 2) состав фонем по классам, 3) оппозиции по звонкости – глухости, 4) оппозиции по аспирации – отсутствию аспирации, 5) оппозиции по твердости – мягкости.

ЧИСЛО ЗОН АРТИКУЛЯЦИИ

В английской подсистеме согласных существует 6 зон артикуляции: лабиальная, интердентальная, альвеолярная, среднеязычная, заднеязычная и гортанная.

В отличие от английской, русская подсистема согласных имеет всего 4 зоны артикуляции: не представлены в ней зоны интердентальная и гортанная. Для инвентаря согласных это означает, что в русском консонантизме не представлены такие фонемы, как /ð/ и /θ/, образующиеся в интердентальной зоне, и фонема /h/, образующаяся в гортанной зоне. Интердентальная зона отсутствует, впрочем, во всех остальных языках

нашей страны, что может служить показателем того, что фонемы /θ/ и /θ/ будут везде вызывать определенные трудности при постановке произношения, и это следует учитывать как специалистам по методике, так и авторам учебников английского языка. Только два языка имеют интердентальную зону: это башкирский [27, с. 24–25] и туркменский [13, с. 44], что снимает проблему разработки специальной методической постановки /θ/, /θ/ у соответствующих учащихся.

Во всех языках нашей страны отсутствует альвеолярная зона, в которой образуются фонемы /t/, /d/, /s/, /z/, но зато имеется дентальная зона, в которой образуются русские фонемы /т/, /д/, /с/ и /з/, а также соответствующие фонемы других языков.

Эта фонологическая особенность русской фонологической системы служит причиной того, что английские альвеолярные согласные неправильно заменяются русскими и другими учащимися на дентальные согласные, что требует разработки особой методики объяснения и тренировки этих фонем.

В ряде тюркских языков — азербайджанском, башкирском, казахском, киргизском, кумыкском, узбекском и др. — существует глубоко заднеязычная зона, где образуется глубоко заднеязычная фонема /к/, сочетающаяся только с гласными заднего ряда. Наличие этой фонемы часто вызывает у учащихся неправильное звучание слов, если в них встречается сочетание /к/ + гласный заднего ряда.

СОСТАВ КЛАССОВ ФОНЕМ (ИНВЕНТАРЯ ФОНЕМ)¹

В зависимости от способа образования согласные подразделяются на классы: смычные, щелевые, аффрикаты и смычно-проходные, или сонорные.

Класс смычных в английской системе согласных представлен фонемами /р, т, к, б, д, г/, класс щелевых — фонемами /ф, в, θ, θ̃, с, з, ш, ж, х/, класс смычно-щелевых или аффрикат — /тʃ, дʒ/ и класс сонорных — /ш, н, џ, w, л, г, j/. Наибольшие расхождения по инвентарю согласных фонем английского и русского языков наблюдаются в классе щелевых, где в английском языке имеются фонемы /θ, θ̃, х/, и в классе сонорных, где имеются фонемы /џ/ и /w/, отсутствующие в русском языке.

Существенные отличия по инвентарю класса щелевых фонем обнаруживаются в украинском языке. В классе смычных фонем практически отсутствует смычная заднеязычная фонема /г/, которая встречается лишь в очень ограниченном числе слов (например, *ганок, гава, гвинт* и др.). В противоположность этой фонеме широко распространена звонкая гортанная щелевая фонема /х/ [38, с. 145–146]. Это создает значительные произносительные трудности у учащихся при работе над английской фонемой /х/, которая обычно подменяется учащимися фонемой /в/.

¹ См. таблицу № 2.

Язык	Класс согласных	Класс смычных	Класс щелевых	Класс аффрикат	Класс сонорных
Английский		p t k b d g	f v θ ð s z ʃ ʒ h	tʃ dʒ	m n ŋ w l r j
Русский			θ ð h		w
Белорусский			θ ð		
Украинский			θ ð		w
Латышский			θ ð		
Литовский			θ ð		w
Азербайджанский			θ		w
Башкирский			f v	tʃ	
Казахский					w
Киргизский		k g	f v θ ð h		w
Татарский			v	tʃ dʒ	
Туркменский		k g	f v s z		w
Узбекский			v θ ð		
Хакасский			f v θ ð h		w
Чувашский			f v θ ð		w
Якутский			f v θ ð ʃ ʒ		w
Бурятский		k	f v θ ð		
Армянский			f θ ð		ŋ w
Грузинский			θ ð		
Таджикский			θ ð		ŋ w
Эстонский			θ ð		

В ряде языков мы находим значительные отличия в составе инвентаря согласных класса щелевых: так, в татарском, башкирском, казахском, хакасском и якутском языках, губно-зубная звонкая щелевая фонема /v/ отсутствует, что служит источником трудности при овладении учащимися английской фонемой /f/. То же самое нужно сказать и об английской фонеме /f/, не представленной в казахском, киргизском, алтайском, хакасском [14, с. 26–27] и бурятском [16, с. 52] языках.

Инвентарь класса смычных фонем в целом сходен с инвентарем фонем английского языка.

Инвентарь аффрикат очень беден и в английском языке представлен двумя фонемами /tʃ/, /dʒ/.

В классе сонорных нужно отметить ряд особенностей, которые характеризуют этот класс фонем в отдельных языках. Заднеязычная носовая фонема /ŋ/ отсутствует в инвентаре фонем этого класса в русском, украинском, вследствие чего ее усвоение учащимися оказывается достаточно сложным. С другой стороны, фонема /ŋ/ представлена в фонологической системе всех тюркских языков нашей страны, кроме чувашского, где она является позиционным вариантом фонемы /н/ перед заднеязычными согласными [50, с. 15 и след.]. Наличие заднеязычной фонемы /к/ в ряде языков снимает проблему постановки этой фонемы у учащихся – носителей соответствующих языков.

КОРРЕЛЯЦИЯ ПО ГЛУХОСТИ – ЗВОНКОСТИ

Одним из показателей типа фонологической системы языка следует признать фонологическую корреляцию, состоящую в наличии двух рядов фонем, попарно противопоставляемых друг другу по одному признаку при совпадении по всем другим признакам. Одним их видов корреляции является корреляция по глухости – звонкости. Этот вид корреляции служит отличительным признаком английской, русской и других фонологических систем, образуя ряд коррелирующих пар: в английской подсистеме 16 согласных из 18 образуют 6 коррелирующих пар:

/p – b/ pit – bit	/f – v/ feel – veal
/t – d/ tale – dale	/s – z/ rice – rise
/k – g/ dock – dog	/tʃ – dʒ/ cheer – jeer

Эти коррелятивные пары образуют сильные фонологические оппозиции во всех трех позициях в слове – начальной, средней, конечной.

Коррелятивные пары /θ – ð/ и /ʃ – ʒ/ представлены лишь единичными случаями и поэтому их приходится рассматривать в качестве слабых оппозиций.

В русской подсистеме из 26 членов оппозиции глухость – звонкость 16 образуют 9 коррелирующих пар:

/п – б/ путь – будь	/ф – в/ фон – вон
/п' – б'/ пить – бить	/с – з/ сад – зад
/т – д/ там – дам	/с' – з'/ село – зело
/т' – д'/ тень – день	/х – к/ хорь – корь
/к – г/ кость – гость	

Корреляция глухость — звонкость входит в число типологических признаков языков нашей страны и по своему характеру не вызывает особых трудностей, так как не противоречит существенной черте строя этих языков.

Кроме корреляции глухость — звонкость существует еще корреляция аспирация — неаспирация, характерная для фонологической системы немецкого языка. В этой системе признак глухость — звонкость полностью снимается, и на первый план выступает аспирация — неаспирация. Наличие этой черты в подсистеме согласных немецкого языка вызывает определенные трудности при обучении учащихся, в родном языке которых этот фонологический признак отсутствует.

КОРРЕЛЯЦИЯ СОГЛАСНЫХ ПО ТВЕРДОСТИ — МЯГКОСТИ

Этот вид корреляции полностью отсутствует в фонологической системе английского языка, но зато очень четко представлен в фонологической системе русского, украинского, белорусского и ряда других языков. В русском языке из 30 членов этой корреляции 20 пар образуют 10 коррелирующих пар:

/б — б'/ быть — бить	/т — т'/ томный — тёмный
/п — п'/ пальцы — пяльцы	/н — н'/ нос — нёс
/в — в'/ вол — вёл	/с — с'/ сытный — ситный
/ф — ф'/ фон — фен	/л — л'/ стал — сталь
/м — м'/ мол — мёл	/р — р'/ рад — ряд

Наличие в русском и других языках корреляции этого вида служит серьезным препятствием при обучении соответствующих учащихся английским словам, в которых перед гласным переднего ряда стоит согласный, не изменяющийся под влиянием гласного переднего ряда; русские учащиеся склонны произносить английские слова *pin, pen, rap* как /п'ин, п'ен, п'ен'/ . Учитывая эту фонологическую особенность русского и других языков, преподавателям английского языка следует разработать специальные приемы ее преодоления.

НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ

Под нейтрализацией понимается снятие фонологически существенно признака в определенных положениях, в которых реализуется только часть фонологических средств данного языка.

В отношении нейтрализации звонкость — незвонкость в конечной позиции многие языки нашей страны и прежде всего русский язык могут быть противопоставлены английскому языку. В последнем явление нейтрализации практически отсутствует, хотя звонкие фонемы в конечной позиции в слове или слоге частично оглушаются, но тем не менее они остаются вне оппозиции звонкость — незвонкость, т.е. при этом глухой фонемы не возникает.

В русском языке, а также в ряде тюркских языков, башкирском, татарском, узбекском, хакасском и других нейтрализация оппозиции звонкость — незвонкость имеет место в двух случаях: 1) когда снимается

различительный признак звонкости в конечной позиции в слове или слоге и возникает глухой позиционный вариант соответствующей звонкой фонемы, например, /т/ при основе со звонким /д/; ср. *год* /гот/, но *годы*; *лоб* /лоп/, но *на лбу*; *мороз* /м 'рос/, но *морозить* и т.д.; 2) когда добавляется признак звонкости ко второму члену оппозиции, например, предлог /с/, но *с горы* /з гл'ры/; предлог /к/, но *к берегу* /г б'эргу/.

Явление нейтрализации, охватывающее широкий круг случаев в русском языке, имеет непосредственное отношение к проблеме постановки произношения английского языка. Искоренение очень устойчивых ошибок, вызванных нейтрализацией как явлением типологического свойства, очень сложно и требует разработки специальных методических приемов для преодоления этой широко распространенной трудности. У изучающих немецкий язык эта трудность снимается совсем, так как в немецком языке также существует нейтрализация согласных в конечной позиции, и это сближает немецкий и русский языки в отношении этого типологического признака.

ФОНЕМНАЯ ДИСТРИБУЦИЯ

Под фонемной дистрибуцией, или дистрибуцией фонем, понимается совокупность всех окружений, в которых может встречаться конкретная фонема, т.е. ее место, порядок и сочетаемость с другими фонемами.

Дистрибуция фонем в отдельных словах и в потоке речи имеет важное значение для типологической характеристики фонологического уровня конкретного языка. Так, одним из типологических признаков русской и английской фонологических систем следует назвать наличие нейтрализации звонких фонем в конечном положении в слоге и слове в русском языке и отсутствие нейтрализации звонких согласных фонем в этом же положении в английском языке. Другим типологическим признаком следует назвать возможность появления фонемы /ŋ/ в конечной позиции в слове в английском языке и фонемы /h/ в начале слова и никогда в конце его.

В других языках также имеются ограничения относительно употребления определенных фонем в начале и в конце слов. Для большей части тюркских языков невозможно употребление фонем /г, л, ŋ/ в начале слов; в чувашском и хакасском языках невозможно появление звонких согласных в начальной позиции, что вызывает замену английских начальных звонких согласных глухими; это служит постоянным источником возникновения устойчивых ошибок у носителей этих языков, изучающих английский язык [14, с. 37; 49, с. 34].

В башкирском языке ограниченную дистрибуцию в начальной позиции имеют звонкие согласные, а также фонемы /p/, /tʃ/, /dʒ/ и /ʒ/.

Все эти закономерности дистрибуции согласных фонем в отдельных языках нашей страны сказываются на правильном произношении английских согласных фонем и вызывают отдельные трудности, достаточно индивидуальные по конкретным языкам.

Агглютинативный тип структуры тюркских языков тесно связан с дистрибуцией гласных в словах тюркских языков. Известны два вида сингармонизма: 1) нёбный сингармонизм и 2) губной сингармонизм. Под нёбным сингармонизмом понимается уподобление по ряду гласных в аффиксах какого-либо слова, предшествующих гласным того же слова; если гласный корня относится к заднему ряду, то все гласные аффиксов будут принадлежать к заднему ряду, например, тат. кыз *девушка*, кызлар-ым-нын, *моих дочерей*; куз *глаз*, куз-ләр-ем + неә *моих глаз*. Под нёбным сингармонизмом понимается уподобление гласных аффиксов огубленному гласному корня по линии огубления, т.е. если в корне слова имеется огубленный гласный, то все аффиксы будут иметь огубленный характер; ср. кирг. кол *рука*, кол-дор-дон *из рук*; көл *озеро*, көл-дөр-дө *в озерах*. О влиянии сингармонизма на произношение английского языка говорят все исследователи, сопоставляющие английский и тот или другой тюркский язык. Поэтому преподаватели английского языка должны всегда учитывать явления сингармонизма во всех тюркских языках, кроме узбекского, где сингармонизм отсутствует, а также в эстонском и бурятском языках.

Число согласных фонем в начале или в конце слова также представляет интерес. В английском языке в начале слова не может быть сочетания более трех согласных, причем состав согласных в них имеет ограничения: это могут быть группы согласных, состоящие из фонемы /s/ + одна из глухих смычных согласных, либо /p/ или /k/ или /t/ и сонант /r/ или /l/, например, spring *весна*, scream *вскрикнуть*, screen *ширма*, street *улица*, strong *сильный*. Группы, состоящие из двух согласных, вполне допустимы в обоих языках, но и тут преобладают сочетания фонем щелевая + глухая + смычная, причем в качестве щелевой по преимуществу преобладают сочетания щелевая + смычная, в качестве щелевой по преимуществу бывает /s/.

В русском языке в начале слова может быть до 4 согласных, например, /'фстр'эч/; ср. также *вскричать*, *встретить*, *взбить* и т.д.

Для тюркских языков нашей страны существует очень строгая закономерность в отношении структуры начала слов. Как отмечает А.Н. Кононов в отношении узбекского языка, «стечение двух согласных или гласных в анлауте не имеет места» [36, с. 47]. То, что сказано относительно узбекского языка, следует с полной уверенностью отнести и к любому другому тюркскому языку нашей страны. Эта типологическая характеристика служит весьма убедительным объяснением того факта, что поголовно все носители наших тюркских языков делают одну и ту же устойчивую ошибку, вставляя слабый гласный между начальным и вторым согласными в английских словах, например, слово *клуб* произносится как правило, /кәлуп/. Эту ошибку единодушно отмечают все исследователи, занимающиеся проблемой постановки английского произношения в тюркоязычной школе [11, с. 89; 26, с. 10; 34, с. 11; 51, с. 8].

В конце английских слов образуются также группы согласных числом до пяти и даже до шести согласных. Однако такие случаи немногочисленны; наиболее распространенными являются сочетания согласных, состоящие из двух, трех или четырех согласных, например, /teɪblz/, /wɪslz/ и т.д. Эти скопления согласных не характерны для структуры слов русского и других языков. Поэтому наличие их в английских словах будет, естественно, создавать значительные трудности для учащихся — носителей тюркских языков, так как в тюркских языках недопустимо стечение нескольких согласных в конце слова, кроме нескольких отдельных случаев, когда первым согласным является сонорный, а вторым — шумный согласный; ср. узб. *тўрт четыре*, сарф *расход* и т.д.; хак хурт *чер вяк*. Невозможность стечения даже двух согласных в конце слова обуславливает появление вставочного узкого гласного в словах, заимствованных из арабского языка; ср. араб. *halk* и тат., халык *народ*; тат., башк. *исем имя* из араб. *ism имя*.

Наличие в английском языке слоговых сонорных /ŋ/, /ŋ/, /l/ в конечном положении и их отсутствие в языках наших народов служит постоянной причиной устойчивых ошибок, изучающих английский язык; ср. /pju:pl/ звучит /'pju:piɫ/; *table* /'teɪbl/ звучит /'teɪbul/ и т.д. Особенно устойчива эта ошибка у носителей тюркских языков в силу названной выше особенности структуры тюркских слов, что имеет следствием постоянное появление вставочного гласного между предпоследней согласной, обычно смычной, и слоговой сонорной. Столь же устойчивыми будут произносительные ошибки у учащихся с любым тюркским языком, в котором, как было отмечено выше, невозможно стечение двух согласных на конце слова, поэтому форма прошедшего времени от глаголов *work* — *worked* /wɜ:kt/, *ask* — *asked* /ɑ:skt/ будет звучать *worked* /'wɜ:kið/, *asked* /'ɑ:skið/ и т.д., вместо *writes* /raɪts/ будет звучать /'raɪtəz/.

Подводя итог сказанному выше, мы можем дать сводку типологических признаков системы согласных в изучаемом и родном языках (см. таблицу № 3).

Таблица № 3

	Признаки	Язык		
		английский	русский	другие языки
Инвентарь согласных фонем	Смычные	6	12	10 ¹ 4 ¹
	Щелевые	10	12	16 ⁰ 2
	Аффрикаты	2	2	4 2
	Сонорные	6	9	6 ¹ 5
	Долгие	нет		2 10 ¹

⁰ Украинский язык.

¹ Киргизский язык.

	Признаки	Язык		
		английский	русский	другие языки
Корреляция	Глухость – звонкость	есть	есть	есть
	Палатальность – непалатальность	нет	есть	нет
Нейтрализация	Глухость – звонкость	нет	есть	есть/нет
Дистрибуция	Не употребляется в начале слова	ʤ		r, l, ʤ, ts
	Группы согласных	z		
	а) в начале	3	4	1
	б) в конце	5–6	4	1–2

Для сопоставления распределение этих же типологических признаков системы согласных в группе родственных языков (германских) представлено в таблице № 4 (с. 40).

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СУПЕРСЕГМЕНТНЫХ СРЕДСТВ

Кроме так называемых сегментных средств, т.е. расположенных друг за другом в потоке речи, в число типологических признаков фонологической системы языка входят еще характеристики суперсегментных средств, к которым обычно относят ударение и интонацию.

Типологические показатели ударения

Под ударением (акцентом) понимается выделение различными фонетическими средствами одного из слогов в составе слова или словосочетания.

В каждом отдельном языке ударение как суперсегментное фонологическое средство имеет свои структурно-акустические признаки, устойчивая совокупность которых образует то, что может быть названо «тип ударения».

Эти признаки характеризуют основные стороны ударения и вытекают из следующих объективных свойств ударения: 1) природа ударения: ударение может быть силовым, или динамическим, если оно опреде-

Таблица № 4

Признаки	Язык						
	англ.	нем.	шв.	дат.	норв.	исл.	фар.
Смычные	6	6	6	6	6	8	
Щелевые	10	8	6	7	7	7	
Аффрикаты	2	3	1	нет	нет	нет	2
Сонорные	6	5	6	5	5	5	6
Корреляция: глухость – звонкость	есть	есть	есть	нет (кроме f-v)	есть	есть	нет
Палатальность – непалатальность	нет	нет	нет	нет		ʝ-ʝ'	
Нейтрализация	нет	есть	нет	нет	нет	нет	нет
Дистрибуция	ŋ – в конце слова h – только в на- чале или середине слова	z – в начале слова ŋ – в конце ʃ – нет	ʃ – нет f – в начале слова ŋ – в конце	Y в середине слова Θ, z – нет	ʃ – нет	ʃ – нет в конце	

ляется силой выдоха; музыкальным, если оно связано с высотой тона; количественным, если оно сопряжено с долготой звука; 2) место ударения в слове: ударение может быть неподвижным, или фиксированным, если оно прикреплено к определенному слогу в слове; подвижным, если оно может перемещаться в слове с одного слога на другой; 3) качество ударения: главное ударение выполняет свою основную выделительную функцию; второстепенное ударение — более слабое ударение, выполняющее вспомогательную функцию; 4) функция ударения: смысловоразличительная, если оно служит для различения отдельных лексических единиц (ср. русск. *мука́* — *му́ка*), и форморазличительная, если ударение используется для различения словоформ одного и того же слова (ср. *зимы́*, род. п. ед. ч. — *зи́мы*, им. п. мн. ч.; *ноги́*, род. п. ед. ч. — *но́ги*, им. п. мн. ч.).

Названные выше показатели дают достаточно объективные данные для определения типологических характеристик подсистемы ударения в родном и изучаемом языках.

В сопоставляемых языках ударение по своей природе оказывается сходным, так как во всех языках, кроме литовского, оно является силовым, или динамическим, с той только разницей, что в английском ударении преобладает высотный компонент, а в русском — количественный.

По месту ударения в слове английский и языки нашей страны существенно отличаются друг от друга. В типологическом плане английское ударение следует считать постоянным, или неподвижным. То же самое следует сказать и о большей части, если не о всех, тюркских языках, где ударение также считается связанным, или фиксированным [36, с. 52; 13, с. 67]. В английских двусложных и трехсложных словах ударение падает на начальный слог, что может рассматриваться как один из типологических признаков системы ударения в этих языках.

В английских словах ударение, как правило, сохраняется на том же слоге, если к корневой морфеме прибавляются словообразовательные морфемы; ср. *'settle* — *'settlement*, *'interest* — *'interesting*, *'special* — *specially* и т.д.

В тюркских языках, а также в таджикском и армянском при прибавлении как словообразовательных, так и словоизменяющих морфем ударение передвигается на последний слог, поэтому считается, что ударение в этих языках нефиксированное; ср. узб. ишчи́ *рабочий* — ишчилар *рабочие*; башк. балыксы́ *рыбак* — балыксылар *рыбаки*; тат. алма́ *яблоко* — алмалар *яблоки*; арм. дашт *поле* — даштёр *поля*, гишёр *ночь* — гишернёр *ночи* и т.д.

Относительно ограниченное число слов с ударением на других слогах, кроме первого, не является типологическим показателем, так как этот признак имеет ограниченное распространение в английском языке.

В противоположность английскому, русское ударение считается подвижным, т.е. может переходить с одного слога на другой, как и в тюркских языках; ср. *крича́ть*, но *кри́кнуть*; *мо́ре*, но *морско́й*, *моря́к*; случаи изменения места ударения в производных словах в английском

языке, например, есопоту /ɪˈkɒpəti/ – есопотикал /i:kəˈnɒtɪkəl/, очень немногочисленны и не могут рассматриваться как типологически существенные.

В отличие от русской системы ударения, английское ударение подразделяется на главное и второстепенное ударение, которое возникает в словах, состоящих из более чем четырех слогов, а главное ударение падает на второй или третий слог от конца слова, например, demonstration /,demənsˈtreɪʃn/. Это второстепенное ударение, неизвестное в русском языке и имеющее типологическое значение, поскольку оно носит общий характер, т.е. охватывает все слова подобной слоговой структуры, является причиной устойчивых ошибок в произношении английских многосложных слов; ср. англ. /,rezəˈlu:ʃn/, как правило, произносится учащимися /rɪzˈlu:ʃn/, вместо /,demənsˈtreɪʃn/ произносят /dɪmlənsˈtreɪʃn/, т.е. вместо слова с двумя ударениями, главным и второстепенным, они произносят слова с одним ударением, что естественно искажает звуковой облик слова.

Тюркским языкам второстепенное ударение также известно [3, с. 52 и след.]; ср. башк. *‘килмэгәндәр они не пришли*; узб. *колхозчилари миз наши колхозники*.

Поэтому указанное выше свойство многосложных английских слов иметь два ударения, по всей вероятности, не будет вызывать у носителей этих языков тех трудностей, с которыми столкнется русский учащийся.

Функции ударения в изучаемом и родном языках также существенно различаются. В английском языке ударение используется для различения небольшого числа однокоренных двусложных слов, относящихся к различным частям речи, при этом положение ударения на первом слоге двусложного слова характеризует существительное; ср. /ˈprezənt/ *подарок*; положение же ударения на втором слоге двусложного однокоренного слова характеризует глагол: /prɪˈzent/ *дарить*.

В русском языке ударение служит средством разграничения отдельных лексем, например, *мука* – *мука*, т.е. оно выполняет словоразличительную функцию, а также служит для различения отдельных словоформ и преимущественно форм единственного числа женского рода того же склонения (ср. *руки* – *руки*; *голови* – *голови*) и форм родительного падежа единственного числа мужского и среднего рода второго склонения от форм именительного падежа множественного числа мужского и среднего рода того же склонения (ср. *катера* – *катерá*; *цеха* – *цехá*; *моря* – *моря́* и т.д.).

Различительная функция ударения известна также и тюркским языкам, где оно используется для семантико-грамматической дифференциации слова: 1) для различения отрицательной формы повелительного наклонения с ударением на корне и существительного с ударением на конце слова; ср. тат., башк., кирг. *алма не бери* (глагол) и тат., башк., кирг., каз. *алма яблоко* (существительное); узб. *олма не бери*, *олма яблоко*; тат. *тартма не тащи*, *тартма ящик*; 2) для различения производного слова с аффиксом *-ыз* под ударением и неударного аффикса сказуемости, например, кирг., тат. *баласыз без детей*, *баласыз ваш ребенок*,

укувчймыз *наш учитель*; 3) для различения существительного в местном падеже от существительного и союза-энклитики: узб. жумушчў *рабочий*, жумушчўда *у рабочего*; узб. пахтакўр *хлопкороб*, пахтакўрда *у хлопкороба*, пахтакўрда также *у хлопкороба*.

Все сказанное о типологических свойствах системы ударения в родном и изучаемом языках может быть кратко подытожено в приводимой сводной таблице № 5.

Таблица № 5

Признаки	Язык		
	английский	русский	прочие
Силовое ударение	—	+	+
Количественное ударение	+	—	—
Музыкальное ударение	—	—	—
Неподвижное ударение	+	+	—
Подвижное ударение	—	+	+
Главное ударение	+	+	+
Вспомогательное ударение	+	—	+
Словоразличительная функция	+	+	—
Форморазличительная функция	—	+	+

В германских языках также наблюдаются различия в типологических характеристиках ударения.

Природа ударения: по этому показателю ударение в английском, немецком, датском и исландском определяется как силовое; в шведском и норвежском оно является музыкальным, или тоническим.

По месту ударения германские языки характеризуются как языки с неподвижным (фиксированным) ударением.

Качество ударения: по этому признаку выделяются языки с одним ударением — главным: исландский и датский, и языки, имеющие главное и второстепенное ударение: английский, немецкий, шведский, норвежский.

Функции ударения: в шведском, датском, норвежском — форморазличительная; в английском и немецком ударение не имеет словоразличительной или форморазличительной функции, если не считать отдельных нетипологичных случаев различения с помощью ударения существительных и однокоренных глаголов.

В таблице № 6 показаны типологические свойства ударения в германских языках в сопоставлении с русским.

Признаки	Язык							
	русск.	англ.	нем.	шв.	норв.	дат.	исл.	фар.
Силовое ударение (с количественным компонентом)	+	-	+	(+)	(+)	+	+	+
Силовое ударение (с высотным компонентом)	-	+	-	-	-	+	-	-
Неподвижное ударение	-	+	+	+	+	+	+	+
Подвижное ударение	+	-	-	-	-	-	-	-
Главное ударение	+	+	+	+	+	+	+	+
Вспомогательное ударение	-	+	+	+	+	-	-	-
Словоразличительная функция	+	+	-	+	+	+	+	+
Форморазличительная функция	+	-	-	-	-	-	-	-

Типологические свойства интонации

Интонация, так же как и ударение, относится к суперсегментным фонологическим средствам языка.

По своим объективным признакам интонация представляет собой сложное образование, которое включает: 1) мелодику, или различные формы движения тона в звучащем предложении, 2) различные виды ударения, 3) паузы и 4) тембровые варианты.

Интонация, как и всякое языковое средство, имеет определенную структуру, которая образует ряд типов. Эти типы обеспечивают правильное, согласно нормам данного языка, оформление речи носителями данного языка, способствуя ее адекватному пониманию на слух, и тем самым обеспечивают процесс общения между членами данного общества.

Однако недостаточная изученность отдельных сторон интонации как в изучаемом, так и в родном языке, особенно в сопоставительном плане, не дает возможности сколько-нибудь убедительно изложить здесь этот вопрос. Поэтому ограничимся лишь некоторыми наметками критериев, необходимых для определения единицы типологического сопоставления интонационных структур русского и английского языков (см. подробнее [7, с. 86-92]).

Известно, что единица интонационного уровня и единица синтаксического уровня, как правило, не совпадают. При определении типа интонации мы воспользовались понятием «синтагма», предложенным Л.В. Щербой, вложившим в старый термин новое содержание и понимавшим под ним группу слов, представляющих единое смысловое целое для данного контекста. Всякая синтагма, как показал анализ интонации, состоит из трех компонентов: 1) безударной части, 2) шкалы и 3) завер-

шения. Интонационная единица объединяет группу слов, имеющих единое смысловое целое, следовательно, представляющую собой смысловую группу.

Таким образом, единицей интонационного членения мы будем считать отрезок речевой интонации от начала движения тона до его завершения, чаще всего ограниченный паузой, состоящий из предударной части, шкалы и завершения, накладывающихся на одну смысловую группу [7, с. 87–89]. Так как основными показателями интонационной системы являются мелодика и ударение, а другие ее компоненты, в частности, паузация и тембровые варианты, не могут быть еще учтены вследствие их недостаточной изученности, то, очевидно, основным критерием, определяющим тип интонационной синтагмы, следует в порядке рабочей гипотезы считать характер движения тона, определяющий мелодический рисунок синтагмы. Как показал материал сопоставляемых языков, общее движение тона в шкале может быть либо нисходящим, либо восходящим. Завершение, или мелодика конца, синтагмы может иметь один из трех тонов – нисходящий, восходящий или ровный тон, что имеет фонологическое значение, так как служит для различения смысла синтагмы; одно и то же предложение получает различный смысл в зависимости от тонового характера завершения [7, с. 86–88]. Поэтому учет структуры завершения следует также признать одним из критериев, определяющих тип интонационной синтагмы. В результате рассмотрения показателей интонационной синтагмы выяснилось, что два названных выше критерия определяют в предварительном плане типологию интонационных синтагм как единиц типологического сопоставления: 1) характер движения тона – нисходящий, ровный, восходящий тон; 2) характер завершения синтагмы – падающее завершение, восходящее завершение. Сочетание этих двух критериев, взятых во взаимосвязи, и дает ту величину, которую мы называем «типом синтагмы».

Предложенные выше критерии позволили выделить в сопоставляемых языках в предварительном порядке три типа синтагм: 1) тип синтагм с понижающейся шкалой, подразделяющийся на три подтипа: а) подтип с нисходящим завершением – существует в русском, английском; б) подтип синтагм с нисходящим тоном и восходящим завершением – представлен как в русском, так и в английском языке для оформления незаконченных предложений, предшествующих другому предложению; в) подтип синтагм с понижающейся шкалой и ровным завершением – оформляет вводные предложения в русском и английском языках; 2) тип синтагм с повышающейся шкалой, представленный двумя подтипами: а) подтипом синтагм с восходящим завершением, широко распространенным в русских вопросительных предложениях, не типичный для английского языка; б) подтипом синтагм с нисходящим завершением, оформляющим русские вопросительные предложения, начинающиеся со слова «разве» и др., в английском языке отсутствует; 3) тип синтагм с ровной шкалой, используемых в русском языке для оформления вопросительных предложений, повторяющих вопрос, вводных слов и предложений и т.д.

Типология слоговых структур

Обзор типологических особенностей фонологических систем родного и иностранного языков будет неполным, если мы не рассмотрим вопрос о типологии слогов и слоговых структур, что тесно связано и в какой-то степени зависит от фонологического строя соответствующего языка.

В отечественном языкознании в настоящее время пользуется признанием концепция слога, предложенная Л.В. Щербой, известная как теория мускульного напряжения. Согласно этой концепции слог представляет собой «часть речевого потока, начиная с усиливающегося звука и кончая ослабляющимся» [67, с. 160]. Это дает основания для того, чтобы определить слог как комплексную фонологическую единицу, представляющую собой как бы дугу мускульного напряжения, постепенно нарастающего и доходящего до своей вершины, а затем постепенно спадающего. Если мускульное напряжение возрастает, то возрастает и степень громкости звуков, входящих в состав слога; иными словами, степень громкости звуков зависит от степени мускульного напряжения.

В зависимости от входящих в них фонем и порядка их следования слоги могут иметь различную структуру, что может быть сведено к ограниченному числу типов, которые носят название типов слоговых структур. Число этих типов в русском языке не превышает 20 [47, с. 112], а в английском оно равно 23 [59, с. 6].

Для определения типа слоговой структуры необходимо выдвинуть ряд критериев, исходя из объективных свойств слога как одной из единиц фонологической структуры слова. Этими критериями могут быть следующие: 1) наличие гласного или неслогового согласного в составе вершины слога; 2) число согласных перед вершиной слога (в препозиции); 3) число согласных после вершины слова (в постпозиции).

Используя первый критерий в отношении характера слоговой структуры в различных языках, мы легко можем выделить два типа языков¹:

1-й тип: языки, в которых вершина слога образуется только с помощью гласного; к этому типу относятся русский, украинский, белорусский, тюркские языки, таджикский язык и др.

2-й тип: языки, в которых вершина слога образуется не только с помощью гласного, но также и с помощью слогового согласного; к этому типу относятся английский, армянский, арабский, чешский; ср. англ. /'lɪsn/ *слушать*, /'kɪtn/ *котенок*, /'teɪbl/ *стол*, /'æpl/ *яблоко*, /'trʌblsm/ *беспокойный*; серб. трг *торг*, крв *кровь*, прст *палец*; чешск. prst *палец*,

¹Следует отметить однообразие слоговых структур в полинезийских языках – самоанском и таитянском [4, с. 16, 20; 9], где удалось обнаружить только два типа слоговых структур: V, т.е. тип слоговой структуры из одного гласного, и CV, т.е. согласный + гласный; ср. сам. m-u-g *гора*, ta-ga-ta *человек* и таит. a-va-e *нога*, c-hi-ра *груд*.

vlk волк; арм. шржан район, тхрчел летать, прыгать, мтнел входить, шпртел бросить, гмбет купол.

В отличие от русского и других языков, в английском языке существуют такие типы слоговых структур, которые состоят только из одних согласных, включая также слоговые согласные. Слоги этой структуры встречаются только в конечной позиции, что отличает английский язык от других языков. В этих типах слогов функцию слогообразующей фонемы несет один из сонантов /l/ и /ŋ/, а также в небольшом числе случаев /ŋ/.

Наличие слогообразующих фонем в языках первого типа и их отсутствие в языках второго типа составляют большую трудность при работе над произношением, так как являются постоянным источником устойчивых ошибок обучающихся английскому языку. Так, русские учащиеся вместо /'teɪbəl/, /'pensl/, /'æpəl/ обычно произносят /'teɪbul/, /'pensil/, /'æpul/.

Рассмотрим отдельные типы слоговых структур.

1. Тип слоговой структуры СС. Этот тип слоговой структуры складывается из двух согласных. Вершиной слога являются сонанты /l/, /ŋ/, /ŋ/ и редко /ŋ/. Согласный, находящийся перед слоговым сонантом, может быть любым согласным: смычным глухим или звонким; ср. / (pen)-səl/ карандаш, / (ov)rŋ/ открывать, / (les)-sŋ/ урок. Этот тип слога полностью отсутствует во всех языках нашей страны, и поэтому здесь кроется неизбежная ошибка в произношении у изучающих английский язык.

2. Тип слоговой структуры ССС. В этом типе слоговой структуры вершина слога – слоговой сонант, которым в этом случае чаще всего бывает /ŋ/ между двумя согласными; ср. recent /'ri:snt/ недавний. Этот тип слоговой структуры, так же как и предыдущий, отсутствует в языках нашей страны; поэтому можно прогнозировать появление ошибки в произношении слов типа servant, student и т.д. у учащихся, родным языком которых является любой язык из существующих в нашей стране.

3. Тип слоговой структуры СССС. Этот тип слоговой структуры встречается преимущественно в конечной части английских слов. Вершину слога образуют слоговые сонанты /l/ и /ŋ/. Причем она может быть как после первой согласной, ср. peasants /'(pe)-znts/, так и после второй согласной, как, например, в словах pistols /'(pɪ)stlz/ пистолеты, functional /'(fʌŋ-k)ŋl/ функциональный и т.д.

Как уже отмечалось выше, существование в английском языке перечисленных выше типов слоговых структур, не имеющих соответствий ни в русском, ни в одном из языков народов нашей страны, служит постоянным источником многочисленных устойчивых произносительных ошибок как у учащихся средней школы, так и у студентов высших учебных заведений, пытающихся подменить слоговой сонант /ŋ/ звукосочетанием /əŋ/, а слоговой сонант /l/ звукосочетанием /ul/ или /il/ в зависимости от типа предшествующего согласного.

По второму критерию – числу согласных в препозиции к вершине слога – английский и русский языки существенно расходятся между собой.

Для английского языка возможны такие типы слоговых структур, в которых имеется не более трех согласных и одна гласная, т.е. CCCV, причем этот тип структур имеет очень четкие ограничения в отношении состава согласных: первой согласной может быть /s/, второй – глухой смычный /k/, /p/ или /t/, третьей – сонант /l/ и /r/, т.е. это звукосоchetание skr + V, str + V и spr + V; ср. англ. scream /skri:m/ *пронзительный крик*, spring /sprɪŋ/ *прыгать*, spray /spreɪ/ *побег, веточка*, street /stri:t/ *улица*, straw /strɔ:/ *солома* и т.д.

Для русского, украинского и белорусского языков возможны типы слоговых структур, в которых в препозиции могут находиться от одного до четырех согласных, т.е. слоги могут иметь одну из следующих структур: CV, CCV, CCCV и CCCC, например, *во-да, сте-бель, стричь, встре-ча* и т.д.

Что касается других языков нашей страны, особенно тюркских, то тут необходимо отметить, что во всех этих языках существует всего 8 типов слогов [36, с. 50; 10, с. 24]. В этих языках есть только два типа слоговой структуры CCV и CCVC, где возможно стечение двух согласных; и то, слова, приведенные в качестве иллюстративных примеров, представляют собой заимствования из русского языка. Как отмечено в грамматике туркменского языка, в начале слога не могут сочетаться три и более согласных [13, с.67]. Это свойство тюркской слоговой структуры служит объяснением тех постоянных ошибок, которые допускают носители тюркских языков, а также и бурятского языка, которые непроизвольно вставляют слабый гласный /ə/ в группу согласных и произносят /sətri:t/ вместо /stri:t/, /səprɪŋ/ вместо /sprɪŋ/ и т.д.

Русскому типу слоговой структуры CCCV эти ограничения несвойственны, так как здесь, помимо состава фонем /skr, spr, str, skl, spl/, перечисленных для английского языка, возможен ряд других сочетаний фонем, например, *взд +*, ср. *взды (хать)*; *всп +*, ср. *вспо (минать)*; *мгн +*, ср. *мгنو-ве-ние* и т.д. Поэтому овладение английскими слоговыми структурами, перечисленными выше, никаких затруднений в русской аудитории не вызовет. То же можно сказать и о типах слоговой структуры армянского языка.

По третьему критерию – числу согласных после вершины слога – как английский, так и русский язык значительно расходятся. В английском языке возможно скопление до 5 и даже 6 согласных после вершины слога, как, например, слово /'mɪn(stɪlz)/ *менестрели* или /pɪstəʊlz/ *пистолеты*; в русском же языке максимальный состав согласных в этой позиции не может превышать четырех согласных, т.е. слоговые структуры в постпозиции могут относиться к одному из четырех типов: VC, VCC, VCCC, VCCCC.

Поэтому произношение ряда английских слов со слоговой структурой VCCCC и более будет естественно вызывать необходимость в специальной методической проработке этих слов.

Еще большие трудности вызовут слова с данной структурой слогов в тюркской, бурятской, эстонской и отчасти армянской аудитории, поскольку структура слогов в этих языках допускает максимум два

согласных после вершины слога; ср. кирг., турк. дөрт, башк. дүрт, узб. тўрт *четыре*.

Наиболее распространенным типом слоговой структуры как в русском, так и в английском языке следует считать структуру CVC, т.е. полностью закрытый слог, а также структуру CV, т.е. полностью открытый слог. Как показало исследование А. Шаменовой, слова с полностью закрытым слогом составляют в английском языке около 80 % всех слов, встретившихся в обследованном ею текстовом материале. Слова же с полностью открытым слогом составили около 66 % того же числа слов [65, с. 68–78].

В русском же языке наиболее распространены слоговые структуры типа CCVC, как, например, *двор, стул, труд*, составляющие около 31,8 % всех встретившихся словоформ; слоговые же структуры типа CVC, как, например, в словах *сад, час, мель* и др., составляют около 30,5 %, что свидетельствует о довольно равномерном распределении слоговых структур в русском языке; наконец, слоги типа CVCC, как например, в словах *гость, волк, воск* и т.д. [47, с. 113].

В английском и русском, а также и во многих других языках Советского Союза существует тип слоговой структуры V, т.е. слог, состоящий из одного гласного. Но если в количественном отношении этот тип слоговой структуры представляется общим по языкам, то в качественном отношении тут имеются большие различия. В английском, башкирском, татарском, эстонском и других языках слоги этого типа могут составлять как монофтонги, так особенно и дифтонги; ср. англ. /aɪ/ *глаз*, /ɪə/ *ухо*, /'aɪ-land/ *остров*; башк., тат. өй, узб. уй *дом*.

В русском же языке в состав этого типа слоговой структуры может входить только монофтонг, поскольку для фонологической системы русского языка признается отсутствие дифтонгов. Отсюда становится ясной та связь и зависимость слоговой структуры от типологии фонологической системы конкретного языка.

Из изложенного выше вытекают следующие выводы, которые позволяют дать типологическую характеристику языков в отношении структуры и состава фонем в изучаемом и родном языках:

1. С точки зрения структуры и состава слогов в словах языка, существующие в нашей стране, могут быть поделены на две группы в зависимости от наличия слоговых согласных и количества согласных, находящихся в препозиции или в постпозиции к вершине слога: 1) языки, имеющие слоговые сонанты: к ним относится английский язык; 2) языки, не имеющие слоговых сонантов: к ним относятся все остальные языки нашей страны, включая русский язык.

2. Наличие в английском языке четырех типов слоговых структур, образованных с помощью слогового сонанта; отсутствие в русском и других языках народов СССР таких типов слоговых структур, что является постоянным источником устойчивых ошибок наших учащихся в английском языке.

3. Возможность скопления согласных в препозиции к вершине слога и их разнообразие в русском языке; ограниченное число согласных

в препозиции как по числу, так и по составу в английском языке; невозможность употребления более одной согласной в препозиции к вершине слога в эстонском, бурятском, таджикском и тюркских языках, что служит серьезным препятствием усвоения произношения многих английских слов.

4. Допустимость большого скопления согласных фонем в постпозиции к вершине слога в английском языке, при количественном ограничении не больше четырех в русском и еще меньшее количество в других языках нашей страны.

5. Преобладание слогов со структурами CCVC, CVC, CVCC в русском, слогов со структурами CVC и CV в эстонском, бурятском и других языках Советского Союза.

6. Из сказанного становится очевидно, что общим для всех перечисленных в этой главе языков следует признать тип слога CVC. Все, что будет сложнее по своей структуре, чем тип CVC в изучаемом языке, сравнительно с родным языком учащихся, будет представлять трудность для усвоения носителями соответствующего родного языка.

Говоря о слоговой структуре германских языков, необходимо выделить еще один критерий при определении типа слоговой структуры – так называемое «слоговое равновесие», которое характерно для норвежского и шведского языков. «Слоговое равновесие» сложилось еще в средний период истории этих языков и состоит в том, что ударный слог в каждом из названных языков должен иметь либо долгий гласный и краткий согласный, либо долгий согласный и краткий гласный, т.е. если пользоваться символами, то ударный слог должен иметь одну из двух возможных структур: CV:, CVC:. Поэтому граница слога может проходить либо точно же за долгим гласным, либо, если гласный краткий, за тем согласным, который как бы замыкает слог кратким гласным; ср. шв. blå /blo:/ *синий*, но blått /bløt:/; норв. søt /sø:t/, но søtt /søet:/ *сладкий*.

Если же за кратким гласным следуют два различных согласных, то граница слога проходит между этими согласными; ср. шв. vil-ken *котрый*, норв. hil-se *приветствовать*.

Принимая во внимание тот факт, что слоговое равновесие носит массовый характер, т.е. широко распространено в шведском и норвежском языках, мы можем выдвинуть его как один из критериев определения слоговой структуры германских языков. Следовательно, для определения понятия «тип слоговой структуры» можно предложить следующие критерии: 1) состав вершины слога – гласный или слогаобразующий согласный; 2) наличие (отсутствие) слогового равновесия; 3) число согласных в препозиции к вершине слога; 4) число согласных в постпозиции к вершине слога.

Слоговые структуры CC, CCC, CCCC свойственны только английскому языку; CC имеется также и в немецком языке, но отсутствует в других германских языках. По второму критерию – равновесие слогов – полное сходство наблюдается в шведском и норвежском и не представлено в других сопоставляемых языках.

По третьему критерию – числу согласных в препозиции к вершине

слога — германские языки характеризуются такими типами слоговых структур, в которых не более трех согласных в препозиции, причем для них характерны три группы согласных: skr-, spr-, str-.

В типе CCV английский язык ограничен любым согласным в первой позиции, кроме /ŋ/, /θ/, /dʒ/, /tʃ/, /ʒ/. Вторым согласным может быть один из сонорных /l/, /r/, /n/ или /ŋ/ или же один из согласных /w/, /v/, /f/, /p/, /k/, /t/; ср. grow, glow, dwell, skill.

В русском языке этот тип слоговой структуры ограничений в фонемном составе не имеет; ср. *два, три, сто-нать, ткут, жре-бий, што-нать*.

Состав согласных в слоговой структуре CCCV в германских языках еще более ограничен. Здесь в качестве первого согласного может быть использована только фонема /s/ во всех сопоставляемых германских языках, кроме немецкого, где вместо /s/ используется фонема /ʃ/, ср. нем. /ˈʃtre:bən/; и в качестве третьего согласного — только сонорные: /r/ во всех германских языках, /l/ только в английском.

По четвертому критерию — числу согласных в постпозиции к вершине слога — русский и сопоставляемые германские языки значительно отличаются друг от друга. Если максимальный состав согласных в этой позиции в русском языке ограничен четырьмя согласными, то английский язык в той же позиции допускает до 5 и даже до 6 согласных, ср. /ˈmɪnstrlz/; другие германские языки допускают не более 2 — 3 согласных, ср. шв. hästen /hestn/, норв. falken /falkn/.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. В сопоставляемых языках вершина слога представлена гласной фонемой — монофтонгом (кратким или долгим), монофтонгом с толчком (датский язык) или дифтонгом (кроме шведского языка), или же слогообразующим согласным — сонантом (английский).

2. Максимальное число согласных в препозиции к вершине слога не превышает четырех — русский язык, трех — германские языки, причем эта группа согласных имеет постоянный состав: s + глухой смычной /p, t, k/ + сонант /l, r/, реже /n/ или /ŋ/.

3. В отличие от других германских языков, английский допускает большое скопление согласных в препозиции к вершине слога, но состав их ограниченный по сравнению с русским языком, также допускающим до четырех согласных в препозиции с весьма разнообразным составом.

4. В то время как немецкий и скандинавские языки допускают не больше 2 согласных в постпозиции к вершине слога, английский язык в той же позиции допускает 5 и даже 6 согласных.

ГЛАВА 3. ТИПОЛОГИЯ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ

ПОНЯТИЕ МОРФОЛОГИЧЕСКОГО УРОВНЯ

Следующим по степени сложности уровнем многоярусной структуры языка считается морфологический уровень. Единицей этого уровня признается морфема, наименьшая, далее неразложимая языковая величина, представляющая собой некоторую устойчивую последовательность фонем, имеющая особое закрепленное за ней грамматическое содержание; ср. русск. аффикс *-ик* с семой «уменьшительность», например, *дом* – *домик*, *пес* – *песик*, или аффикс *-ишко* с семой «пренебрежительность»: *дом* – *домишко* и т.д. Таким образом, морфема рассматривается как наименьшая значимая единица морфологического уровня, имеющая в отличие от фонемы двусторонний характер, т.е. форму и грамматическое или лексическое содержание. Это содержание, представляющее собой предельно малую, далее неразложимую единицу плана содержания, носит название семы; так, говоря о содержании морфемы *-а* в слове *стена*, мы устанавливаем в ней три семы грамматического характера: сему рода – женский, сему падежа – именительный и сему числа – единственное.

Морфемы бывают двух родов: в одном случае это может быть простая основа, содержащая значение всего слова; в другом случае это может быть аффиксальная морфема, выполняющая определенные функции. Аффиксальные морфемы делятся на: 1) словоизменяющие морфемы, если они служат для образования отдельных словоформ, выражающих различные отношения между словами в процессе общения, например, падежные морфемы в русском языке – *к поезд-у*, *у подъезд-а*, *о погод-е*; морфема прошедшего времени *-л*, например, *чита-л*, *писа-л-а*, *сиде-л-и* и т.д.; морфема прошедшего времени *-ды-* (в татарском языке), например, *кил-де-м я пришел*, *яз-ды-лар они писали* и т.д.; 2) словообразовательные морфемы, служащие для образования новых слов; ср. русск. *плот-ник*, *кровель-щик*, *пис-арь*; тат. тимер-че *кузнец*, эш-че *рабочий*; англ. *read-er читатель*, *driver шофер*; или же для изменения уже существующего слова; ср. русск. *сад-ик*, *лож-ечка*; англ. *bird-ie птичка*.

Если мы соединим любую корневую морфему с аффиксальной словоизменяющей морфемой, то получим словоформу, т.е. одну из возможных форм слова; ср. *мор-е* – *мор-я* – *мор-ем* и т.д.; тат. *диңгез мор-е*, *диңгез-дән с моря*; эст. *puu дерево*, *puu-d деревья*; лит. *kalb-à язык*, *kalb-os языки* и т.д.; *больш-ой* – *больш-ая* – *больш-ое*; лит. *báltos* – *baltà белый* – *белая* и т.д.

Совокупность словоформ одного слова, как, например, *мор-е* – *мор-я* – *мор-ем* и т.д., отражающих систему флективных изменений слова,

образует парадигму соответствующего слова, которая одновременно служит образцом словоизменения целой группы (класса) слов, входящих в данную часть речи, например, парадигма склонения существительных женского рода типа *вода*; парадигма склонения прилагательных того или другого рода; парадигма спряжения глагола (*пишу, пишешь, пишут*) и т.д.

Совокупность парадигм, характеризующих данный класс слов или данную часть речи, представляет собой грамматическое выражение наиболее общих свойств, или характеристик, которыми в грамматическом отношении обладает данная часть речи и, следовательно, структура данного языка. Все эти свойства или характеристики образуют некоторое общеграмматическое понятие, обычно называемое грамматической категорией.

В то же время любая грамматическая категория осознается нами только тогда, когда она имеет свое материальное — звуковое — выражение в данном языке. Так, грамматическая категория падежа в русском, эстонском, литовском, белорусском и других языках осознается потому, что в этих языках существуют соответствующие падежные морфемы.

Грамматическая категория определенности — неопределенности осознается в английском языке потому, что в этом языке существуют материально оформленные морфемоподобные величины, за которыми закреплены отчетливые грамматические значения; *the* — для выражения определенности, а — для выражения неопределенности. В противоположность английскому, в русском языке определенность не выражена материально, а неопределенность выражается различными лексическими средствами такими, как *один — одна — одно*, например: *один город, одна улица, одно заявление* и т.д., или *какой-то — какая-то — какое-то — какие-то*, например: *какой-то человек, какая-то женщина, какое-то извещение* и т.д.

Поэтому понятие «грамматическая категория» включает в себя два отдельных толкования: 1) с одной стороны, это общеграмматическое понятие, существующее в данном языке и отражающее наиболее характерные обобщенные признаки, или характеристики, данного языка как особой системы; 2) с другой, это отдельный класс слов, обладающий данными грамматическими признаками. Так, категория числа понимается, во-первых, как общеграмматическое понятие того, что обозначаемые данным словом предметы воспринимаются как разделительное множество этих предметов; во-вторых, как особый класс слов — существительных, обладающих способностью выражать числовые отношения.

Итак, на основании всего сказанного выше мы видим, что морфологический уровень языка складывается из следующих величин: морфем, содержащих пучки элементарных смысловых величин — сем, словоформ, выражающих конкретные отношения между словами, парадигм, представляющих собой устойчивую совокупность отношений, и наконец — грамматических категорий — общих грамматических понятий, реализующихся материально в классах, или рядах, слов.

ОТБОР КОНСТАНТ, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ ТИПОЛОГИИ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ РОДНОГО И ИЗУЧАЕМОГО ЯЗЫКОВ

Родной и изучаемый языки очень часто, если не всегда, имеют весьма отличные друг от друга морфологические признаки; так, например, русский язык имеет категорию падежа в составе 6 падежей, английский язык категории падежа не имеет, немецкий язык имеет категорию падежа в составе 4 падежей и т.д. Следовательно, для того чтобы быть в состоянии сопоставить морфологическую структуру одного языка с другим, необходимо найти такие величины, которые могли бы сопоставляться. Без установления таких величин невозможно проводить никакого сопоставления, а тем более сопоставления в типологическом плане, когда должны быть сопоставлены однородные величины. В связи с этим возникает проблема нахождения соответствующих критериев.

Так как типологическое сопоставление производится не на основе материального сходства, предполагающего общее происхождение сравниваемых величин, а на основе функционального сходства отдельных фактов сопоставляемых языков, то представляется вполне правомерным в качестве одного из критериев, характеризующих единицу типологического сопоставления, принять критерий функционального тождества сопоставляемых явлений. Например, можно сопоставлять на основании признака сходства функций морфемы прошедшего времени глагола русск. *-л, -ла, -ли* в глаголе *спросил, спросила, спросили* и англ. *-ed* в глаголе *added* и *-t* в глаголе *kept* и т.д.

Всякая единица сопоставления должна сочетать в себе те признаки, которые, с одной стороны, входят как компонент в его общую характеристику, т.е. носят общий характер, а с другой, оказываются свойственными отдельному явлению, т.е. наша единица сопоставления должна сочетать в себе как общее, так и частное. Этот критерий сочетания общего и частного дает возможность подводить явления более частного под явления более общего порядка. Наконец, единица сопоставления будет только тогда иметь какой-то смысл и служить целям типологического сопоставления, если она будет охватывать не единичные слова, а целый класс однородных в грамматическом отношении слов. Это подводит нас к выделению третьего критерия, которому должна соответствовать единица типологического сопоставления — критерия широкого охвата лексических единиц.

Выдвинутые нами три критерия: 1) критерий функционального тождества сопоставляемых морфем, 2) критерий соответствия общего частному и 3) критерий широкого охвата лексических единиц, обеспечивают, с нашей точки зрения, общие свойства всякой единицы типологического сопоставления. Одновременно они позволяют считать, что такой единицей может служить грамматическая категория, находящая свое материальное выражение в совокупности парадигм. Отсюда становится ясной та роль, которую играет любая парадигма при определении типологии любого языка.

ОСНОВНЫЕ ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ РОДНОГО И ИЗУЧАЕМОГО ЯЗЫКОВ

Уже в глубокой древности люди, говорившие на том или другом языке, замечали, что слова, которыми они пользовались, вели себя в речи по-разному. Одни слова могли называть только предметы, явления, другие — действия, процессы, состояния, третьи — качества и свойства предметов. При этом слова, называвшие только предметы, изменялись по одному: они склонялись по падежам, изменялись по числам, различались по грамматическому роду; слова, обозначающие действия, процессы и состояния, спрягались по лицам, изменялись по временам и т.д.; слова, называвшие качество и свойство, имели способность принимать ту же форму, что и названия предметов, т.е. уподобляться в роде, числе и падеже. Эти наблюдения привели древних грамматистов к выделению еще до нашей эры двух отчетливо выраженных разрядов слов — имени и глагола. Аристотель (384–322 до н.э.) выделял три части речи: имена, глаголы и союзы. Классификация частей речи была позднее разработана представителем александрийской школы грамматики Аристархом Самофракийским (ок. 217–145 до н.э.), который, положив в основу своей классификации морфологический и семантический принципы, предложил классификацию частей речи, включающую 8 частей речи: имена, глаголы, причастия, артикли, местоимения, предлоги, наречия и союзы. Эта восьмичленная классификация вполне соответствовала структурным признакам греческого языка эллинистической эпохи. Однако современные индоевропейские языки, проделавшие большую эволюцию в своей структуре в течение своего длительного исторического развития, приобрели новые признаки и утратили старые, вследствие чего система частей речи, разработанная александрийскими греками, перестала соответствовать реальной структуре современных языков. Это несоответствие еще больше увеличилось в связи с привлечением к типологическому сопоставлению иностранных языков.

КРИТЕРИИ, НЕОБХОДИМЫЕ И ДОСТАТОЧНЫЕ ДЛЯ СОПОСТАВЛЕНИЯ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В ТИПОЛОГИЧЕСКОМ ПЛАНЕ

Как известно, части речи представляют собой большие группировки, или, точнее, классы слов, по которым распределяются бытующие в данном языке слова. Естественно, что в них должны получить свое отражение обе обязательно существующие в языке его стороны, а именно звуковое оформление и содержание, т.е. значение. Отсюда для характеристики слова вытекают два критерия, выделенные еще в древности, — семантический и формальный, или морфологический.

Семантический критерий предполагает отнесение данного слова к широкой понятийной категории, что было показано несколько выше; в связи с этим все слова данного языка со значением предметности образуют семантический разряд существительных, например, *город, река,*

птица, яблоко и т.д.; слова, объединяемые по признаку качества, свойства, образуют семантический разряд прилагательных и т.д.

Этот критерий, как уже отмечалось, установлен очень давно и служит одним из дифференциальных признаков выделения частей речи в различных языках, например, отделяет предметные слова — существительные от качественных слов — прилагательных.

Морфологический критерий, восходящий, так же как и предыдущий, к далеким временам классической древности, используется для отнесения данного слова к определенному разряду слов на основании его морфологических признаков. Так, например, наличие парадигмы склонения или спряжения свидетельствует о том, что слово, имеющее парадигму склонения, должно быть отнесено к существительным; слово же, имеющее парадигму спряжения, относится к глаголу.

Таким образом, мы видим, что семантический признак согласуется с морфологическим, свидетельствуя тем самым о возможности выделения лексико-грамматического разряда слов, называемого частью речи.

Кроме этих основных свойств слова, значения и формы, слово характеризуется способностью функционирования в речи в качестве члена предложения. Как показывает наблюдение, не каждое слово в языке может выполнять тождественные функции в предложении. Так, слова с предметным значением, т.е. существительные, обычно не функционируют как сказуемое, т.е. не могут предиктировать. Эту функцию они предоставляют сказуемому, обычно выраженному глаголом. Основной же функцией существительных в предложении является функция подлежащего и дополнения, прямого или косвенного. Все это говорит за то, что третьим критерием определения части речи следует считать функции слова в предложении.

Анализ различных разрядов слов в разных языках показывает, что не все слова могут грамматически сочетаться друг с другом. Хотя наречие по своим показателям является как раз той частью речи, которая легко сочетается с глаголом, являясь признаком действия, тем не менее встречаются такие сочетания, в которых сочетание глагола с наречием оказывается невозможным; например, англ. *to sleep quickly быстро спать* или *to eat profoundly основательно есть*, глагол *to run* хорошо сочетается с наречием *quickly*, но совершенно не сочетается с наречием *very* и т.д. Число примеров, показывающих невозможность сочетания не только отдельных слов, но даже целых разрядов слов, как, например, глаголов состояния с наречиями образа действия, свидетельствует о важности критерия сочетаемости для отнесения слова к определенной части речи. Поэтому в качестве четвертого критерия определения части речи мы считаем возможным предложить критерий сочетаемости.

В каждом языке существует своя собственная, а потому обладающая своими особенностями словообразовательная парадигма. Так, в русском языке словообразовательные морфемы *-ник, -ница, -тель* являются словообразовательными морфемами только существительных: *ученик, колхозница, строитель*. Присоединение этих морфем к другим основам для образования другой части речи оказывается невозможным. Такая

же картина наблюдается в любом другом языке нашей страны. Отсюда следует пятый критерий определения частей речи — их словообразовательная способность.

В результате приведенных выше соображений мы можем сформулировать те критерии, которые дают нам возможность вполне объективно выделить части речи в любом языке. Эти критерии следующие: 1) семантический критерий — отнесение данного слова к широкой понятийной категории; 2) морфологический критерий — выделение группы слов по их способности присоединять определенные словоизменятельные морфемы, в которых реализуются характерные для данного разряда слов грамматические категории; 3) синтаксический критерий, указывающий на функционирование данного слова в речевой цепи; 4) критерий сочетаемости, указывающий на способность слова данной части речи сочетаться со словами другой части речи; 5) словообразовательный критерий — способность слов данной части речи образовывать новые слова по определенной, свойственной только данной части речи словообразовательной модели.

Как можно видеть, части речи имеют для типологического сопоставления весьма важное значение, так как, будучи теми основными разрядами слов, на которые распадается словарный состав любого языка, они естественно отражают главные типологические структуры соответствующего языка.

Анализ состава частей речи в ряде языков нашей страны выявил некоторые существенные различия. Так, в английском, немецком и французском языках в особую часть речи выделяется артикль. В тюркских языках отсутствует часть речи, называемая «предлог», но зато имеется часть речи «послелог» [27, с. 120—127; 36, с. 296—327]. Отсутствие в изучаемом языке какой-нибудь части речи по сравнению с родным языком учащихся свидетельствует о наличии в этом языке иной типологии его структуры. Для изучающего же этот язык это служит источником дополнительных трудностей, которые ему придется преодолевать. Так, отсутствие части речи «артикль» в русском и ряде других языков является постоянным источником ошибок учащихся и, в силу этого, составляет предмет особой заботы и специальных методических разработок специалистов-методистов.

Послелог определяется как «неизменяемая часть речи, которая выражает отношения между предметами и управляет каким-либо падежом имен» [27, с. 120]. Особенностью послелогов является их способность употребляться не перед управляемым словом, как предлоги в русском языке, а после него. Например, башк. ат өсөн *для коня* (ат *конь*, өсөн — послелог *для*); узб. болта билан *топором* (болта *топор*), җора кун учун *про «черный день»*.

Наличие послелогов в составе частей речи изучаемого языка и их отсутствие в родном языке учащихся и вызванные этим обстоятельством трудности учебного процесса неоднократно отмечались в литературе.

Однако даже и в тех случаях, когда части речи по своему составу совпадают в родном и изучаемом языках, мы зачастую являемся свиде-

телями значительных различий между грамматическими категориями и средствами их выражения в обоих языках, например, имя существительное в русском, украинском, белорусском и латышском языках характеризуется наличием трех грамматических категорий: 1) категории грамматического рода, представленной словами мужского, женского и среднего рода, имеющими соответствующее морфологическое оформление; 2) категории числа, представленной двумя числами — единственным и множественным и 3) категории падежа, представленной парадигмой склонения в составе 6 падежей в русском и украинском языках.

В отличие от вышеназванных языков, имя существительное в таджикском языке характеризуется наличием трех грамматических категорий: 1) категории числа, представленной двумя формами числа — единственным и множественного; 2) категории детерминативности (определенности — неопределенности), представленной артиклем в позиции в английском и постпозитивной морфемой *-e* в таджикском языке; 3) категории принадлежности, выражаемой в таджикском языке аффиксами принадлежности.

Имя прилагательное в русском, украинском, белорусском и литовском языках характеризуется согласованием с существительным в роде, числе и падеже, а также категорией степеней качества.

В противоположность перечисленным выше языкам имя прилагательное в английском, таджикском, армянском и всех тюркских языках не имеет согласования с существительным, а только примыкает к нему, что следует рассматривать как характерную типологическую черту этой группы языков.

Не останавливаясь за недостатком места на характеристике остальных частей речи, мы перейдем к более подробному разбору грамматических категорий как более отчетливо характеризующих типологические черты структуры родного и изучаемого языков.

ТИПОЛОГИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ В РОДНОМ И ИЗУЧАЕМОМ ЯЗЫКАХ

Категория падежа

Среди различных грамматических категорий, характеризующих несколько частей речи, категория падежа занимает достаточно важное место. Под категорией падежа обычно понимается грамматическая категория, представляющая собой единство значения отношения обозначаемого предмета к другим предметам, действиям, признакам и средств его материального выражения.

Реальной формой выражения категории падежа служит падежная форма, или форма падежа, представляющая собой морфему или морфемы, состоящие из твердо зафиксированного звукоряда, которые вместе с корневой морфемой образуют словоформу, передающую определенное содержание. Совокупность падежных форм, представленных в системе изменений, образует парадигму склонения данного слова.

Как уже отмечалось выше, количество падежей и их семантика значительно различаются по языкам, и этот факт может рассматриваться как один из критериев типологической характеристики морфологической структуры данного языка.

Число падежей и их семантика также служат показателем для отнесения того или иного языка к определенной типологической группе. Так, в эстонском языке имеется 18 падежей, в большей части тюркских языков — 6, в английском, французском, итальянском именных частях речи падежи отсутствуют вовсе.

В качественном отношении падежи также отличаются один от другого: наряду с падежами грамматическими, передающими определенные чисто грамматические отношения принадлежности, объекта и т.д., существуют в ряде языков падежи пространственные, выражающие местонахождение предмета в чем-либо, на поверхности чего-либо, объект движения к чему-либо или удаления от чего-либо.

Анализ сопоставляемых языков позволил разбить их с точки зрения категории падежа на три типологические группы, что изложено в таблице № 7.

Таблица № 7

Языки, не имеющие падежей	Языки, имеющие падежи	
	только грамматический падеж	падеж пространственный
английский	русский	эстонский и другие финно-угорские языки
французский	белорусский	татарский
итальянский	украинский	башкирский
болгарский		азербайджанский
таджикский		чувашский
		казахский
		узбекский и другие тюркские языки
		армянский
		грузинский
		бурятский

В языках, имеющих пространственные падежи, предложная система обычно отсутствует или представлена очень слабо, так как в ней нет никакой необходимости; ср. эст. *kann kувшин* — *kannis в кувшине*, *парк* — *парк* — *pargis в парке*; каз. *тоғай лес* — *тоғай-да в лесу* и т.д.

В противовес языкам с пространственными падежами языки, не имеющие этих падежей, широко используют различные предлоги, как, например, англ. *at the factory на заводе*, *to the factory на завод*, *from the*

factory с завода и т.д. Носители языков с пространственными падежами не испытывают необходимости употреблять в своей речи предлоги, так как они отсутствуют в их родном языке, заменяясь аффиксальными морфемами, стоящими на конце знаменательных слов; ср. in (the) class — эст. klassis; to school — эст. kooli; from school — эст. koolid и т.д. Все это приводит к тому досадному явлению, что учащиеся — носители языков этого типа, как правило, опускают предлоги в своей речи — трудность, которую необходимо преодолеть, например, преподавателям английского или французского языка.

Приведенная выше типологическая таблица падежей в различных языках нашей страны дает возможность заранее предсказать, какие учащиеся будут пропускать предлоги, а какие из них будут употреблять предлоги, но не те, которые нужны в данном речевом образовании.

Рассматривая значение каждого отдельного падежа как отдельной грамматической категории, мы можем установить, что оно имеет комплексный характер и складывается из ряда более мелких сознаний, которые далее не могут быть разложены. Так, в качестве одного из таких сознаний можно назвать предметность, поскольку категория падежа свойственна именам существительным, обозначающим предметы и явления действительности. Другим сознанием является принадлежность существительного к определенному грамматическому роду — мужскому, женскому или среднему в тех языках, где категория грамматического рода представлена. Третьим сознанием может быть значение числа — единственного или множественного. Четвертым сознанием следует назвать одушевленность или неодушевленность, получающую свое выражение теми или иными средствами, и т.д.

Все эти сознания мы вслед за Е.И. Шендельс называем семами. Итак, под понятием «сема» мы подразумеваем минимальный, далее не делимый элемент грамматического значения [66, с. 52].

В русском языке категория падежа существительного характеризуется наличием следующих сем: предметности, рода, числа, одушевленности — неодушевленности.

Помимо сем, входящих в значение падежа вообще, в семантическую структуру каждого отдельного падежа входят семы, свойственные только ему. Так, в структуру сем винительного падежа в русском языке входит сема «направленность действия». В значение родительного падежа входит сема «принадлежность», отсутствующая в составе сем винительного падежа, и т.д.

В отношении категории падежа английских имен существительных существуют различные точки зрения. Согласно наиболее распространенной точке зрения в английском существительном выделяются два падежа — именительный и possessивный (родительный), оформляемый морфемой -s. Однако материал языка достаточно явно указывает на наличие двух совершенно четко выраженных классов существительных: 1) одна группа существительных, которые: а) обозначают одушевленные предметы, б) могут принимать морфему -s, в) соотносятся с личными местоимениями he или she, г) имея придаточные предложения,

определяющие их, вводятся относительным местоимением *who* *который*; 2) вторая группа существительных, которые: а) обозначают предметы неодушевленные, не-лица, б) не принимают морфемы *-s*, в) соотносятся с личным местоимением *it*, г) имея придаточные предложения, определяющие их, вводятся относительными местоимениями *that*, *which* *которые*.

Учитывая эти четко выраженные признаки, А.М. Мухин предложил считать, что в системе существительных современного английского языка категория падежа больше не существует [48, с. 19–30]. Она прекратила свое существование еще в среднеанглийский период. Морфема же *-s*, восходящая к древнеанглийскому периоду, представляет собой ничто иное как притяжательный аффикс наподобие аффиксов притяжательности, широко распространенных в тюркских и финно-угорских языках. Этот притяжательный аффикс вследствие своей однозначности (сема притяжательности и способность присоединяться к корневой морфеме без ее видоизменения) очень напоминает так называемые аффикс-сыприлепы агглютинативных языков.

Если признать эту точку зрения верной, соответствующей современному состоянию структуры английского языка, то следует неизбежно сделать вывод о том, что категория падежа в системе имени существительного фактически не существует. Одновременно нужно признать, что в системе английского существительного сложилась новая грамматическая категория – категория притяжательности, имеющая свое материальное выражение в виде морфемы *-s*.

Если так обстоит дело с категорией падежа в системе имени существительного, то совершенно иную картину мы наблюдаем в системе личных местоимений, где еще существует двухпадежная система в составе именительного и объектного падежей, причем последний имеет сему предметности, числа и направленности действия.

Категория числа

Как в родном, так и в изучаемом языках существует лексико-грамматическая категория числа. Категория числа выражает количественные отношения, существующие в реальной действительности, отраженные в сознании носителей данного языка и имеющие морфологическое выражение в соответствующих формах данного языка.

В большей части языков нашей страны категория числа представлена семами единичности и множественности.

Сема единичности в большей части этих языков в именительном падеже выражена нулевой морфемой, т.е. существительное в тюркских, финно-угорских, армянском, бурятском и таджикском языках представлено одной корневой морфемой, если существительное простое, и корневой + аффиксальная словообразовательная морфема, если слово производное; ср. тат., башк. баш, каз. бас, кирг. баш *голова*.

В русском, украинском, белорусском, литовском и латышском сема единичности получают свое морфологическое выражение в ряде

морфем: *-й* — для существительных мужского рода, *-а (-я)* — для женского, *-о, -е* — для среднего; ср. *край, ручей, тесть, гость*; лит. *-as, -us, -is*; ср. *pienas молоко, genys дятел, buolis брат*.

Семы единичности выражены также в морфемах падежных словоформ, куда они входят вместе с семами падежа и рода; ср. русск. *двор-á, зим-ы, окн-á*. В словоформе *дворá* представлены семы единичности, предметности, принадлежности, мужского рода; в словоформе *зимы* — семы единичности, предметности, принадлежности, женского рода. Сопоставляя набор сем этих двух существительных, отражающих предмет и явление объективной действительности, мы можем сделать вывод, что морфема *-а* выражает сему мужского рода, морфема *-ы* — сему женского рода.

Если же мы возьмем словоформы *двором — дворами*, то мы можем легко заметить, что в морфеме *-ом* представлены семы единичности, предметности, падежа, рода, в морфеме же *-ами* — семы множественности, предметности, падежа. Сопоставляя этот набор сем, мы можем видеть, что в семе *-ом* представлена сема единичности, а в морфеме *-ами* — сема множественности.

В отличие от ряда языков нашей страны, например, русского, украинского, белорусского, литовского и латышского, сема единичности в английском языке, так же как, впрочем, в тюркских языках, в бурятском, эстонском и таджикском представлена только нулевой морфемой, например, англ. *door*, тат. *ишек*, чув. *алăк*, эст. *uks* и т.д.

Для более полной сопоставительно-типологической характеристики категории числа в родном и изучаемом языках мы должны выяснить место этой лексико-грамматической категории в системе того или другого языка или же целой группы языков, в которых она занимает сходное место.

В русском, белорусском и украинском языках категория числа представлена во всех основных частях речи — существительном, прилагательном, местоимении (притяжательные, указательные, вопросительные), порядковых числительных, глаголе (личные формы, причастия).

В языках прибалтийско-финских — финском, эстонском категория числа представлена более ограниченно: в существительном, прилагательном, местоимении (только указательном) и в глаголе.

В тюркских языках категория числа представлена только в существительном и глаголе (личные формы). При этом в большей части этих языков категория числа не имеет морфологического выражения в словосочетаниях с количественными числительными и со словами неопределенной множественности *много, мало* и наречием *сколько*. Ср. англ. *a cat кот*, тат. *мәче*; англ. *two (three, four, ten, many) cats*, тат. *ике (өч, дүрт, ун, күп) мәче*; англ. *a bird птица*, тат., башк. *кош*; *two (four, five, ten, many) birds*, тат. *ике (дүрт, биш, ун, күп) кош две (четыре, пять, десять, много) птицы*.

Наличие этой типологической черты в тюркских языках служит источником постоянных и устойчивых ошибок учащихся — носителей этих языков, которые, не имея навыка оформлять существительные в

сочетании с числительными количественными и словами неопределенной множественности *много, мало* и наречием *сколько*, не используют в английских словосочетаниях этой же структуры морфему множественного числа -s или -es и упорно говорят: I have two English book (? !) или How many student (?) are there in the classroom?

В армянском, таджикском и бурятском языках категория числа представлена только в системе существительного и глагола.

Наконец в английском языке, который имеет категорию числа только в системе существительного, а в системе глагола — только в форме 3-го лица настоящего времени, эта категория максимально ограничена по сравнению с другими языками.

Предыдущее рассмотрение показывает, что языки русский, белорусский и украинский представляют собой полярные системы числа по сравнению с английским языком. Эти черты несомненно отразятся на процессе овладения русскими учащимися английского языка. Также будут испытывать большие трудности и носители тюркских языков. Значительное число ошибок будет у носителей тюркских языков в отношении правильного употребления форм числа указательных местоимений, которые в английском языке имеют категорию числа. В тюркских языках в системе местоимений (в том числе указательных) категория числа никак не представлена; ср. англ. this meadow *этот луг*, these meadows *эти луга*, тат. бу болы *этот луг*, бу болылар *эти луга*.

Изучение категории числа в родном и изучаемом языках дает основания для следующих выводов:

1. Категория числа наиболее ограничена в английском языке, где она составляет часть характеристики имени существительного, в незначительной части глагола и указательных местоимений.

2. В русском, белорусском и украинском языках широко распространено согласование в числе, в английском же языке оно практически отсутствует.

3. Изучение категории числа в русском языке в силу перечисленных характеристик представляет более серьезные трудности для англичан, чем изучение этой же категории в английском языке русскими учащимися.

4. Изучение категории числа учащимися — носителями тюркских языков будет наталкиваться на большие трудности в связи с отсутствием в этих языках оформления морфемами числа существительных, сочетающихся с числительными количественными и словами со значениями *много, мало, сколько*.

Категория числа в германских языках представлена двумя формами, в противовес большей части древних индоевропейских языков — санскриту, древнеперсидскому, древнегреческому, древнеславянскому и общегерманскому языку-основе, где категория числа имела три формы — единственное, множественное и двойственное, следы которого сохранились в древнерусском языке и в XV в. были переосмыслены как формы множественного числа с морфемой, ударным -á (ср. *берега́, плеча́* и др.). Однако средства выражения семы множественности крайне разно-

образны по отдельным языкам; ср. русск. *-и, -ы, -а*; англ. *-es, -s, -en*; нем. *-e, -er, -en*; шв. *-og, -ar, -er, -en, -ϕ*; норв. *-er, -e, -ϕ*; исл. *-ar, ug, ig*; фар. *-ar, -ur, -ig, -ϕ*.

Разнообразие морфем множественного числа напоминает о более древнем состоянии индоевропейских языков, когда все существительные соответствующего языка распределялись по совершенно иному принципу — по основообразующим суффиксам. Это распределение следует признать типологическим, поскольку оно было общезыковым, т.е. охватывало все существительные данного языка и, следовательно, носило «массовидный» характер; это распределение особенно четко ощущается в готском языке; в древнесеверном и его наследнике — древнеисландском оно также было достаточно четко представлено. В других германских языках — древневерхненемецком и древнеанглийском — наметились известные сдвиги, приведшие к изменению типологии структуры существительного и к замене деления существительных по основам делением по грамматическому роду, причем древние морфемы, характеризовавшие основы, перераспределились по категории грамматического рода, чем и объясняется их современное разнообразие и в известной степени несовпадение. Аналогичное изменение типологии системы существительных пережил и русский язык, у которого его древнее деление по основам также сменилось типологически новым для своего времени делением по принципу грамматического рода, вследствие чего, например, существительные мужского рода имеют различные показатели: основа *ϕ* (бывший *-ъ*), основы на мягкий согласный (бывшая основа на *-i*) и бывшая основа на *-и*; следы этой основы еще сохраняются до настоящего времени в формах предложного падежа на ударное *-у*: *в лесу, на мосту, и народная форма в дому*.

Категория числа как отражающая количественные отношения между реальными предметами естественно привязана к имени существительному. В сопоставляемых языках категория числа представлена семами единичности и множественности, находящими свое выражение в формах единственного и множественного числа.

Сема единичности представлена различно: а) нулевой морфемой: английский и немецкий языки; б) флективными морфемами: исландский, фарерский; в) смешанно, с преобладанием флективных морфем: русский язык. Сема множественности выражена во всех языках специальными морфемами.

В отличие от русского языка во всех германских языках наблюдаются случаи, когда сема множественности представлена чередованием гласных заднеязычной — переднеязычной. Это рефлекс существовавшего в древний период истории этих языков закона переднеязычной перегласовки. Но в современных языках это явление отразилось по-разному: во всех германских языках, кроме немецкого, это явление сохранилось как пережиточное, утратившее свой массовый характер, и потому оно не может быть отнесено к числу типологических признаков, характеризующих категорию числа в этих языках.

Только в немецком языке это древнее фонетическое изменение приобрело широкие масштабы, превратившись в морфологическое средство образования форм множественного числа, и получило массовое распространение, в силу чего мы отнесем его к типологическим признакам категории числа в этом языке.

Для более полной сопоставительно-типологической характеристики этой категории необходимо выяснить, какое место эта категория занимает в системе каждого из сопоставляемых языков.

Необходимо отметить, что крайние позиции занимают русский и английский языки. В русском языке согласование в числе проходит в прилагательных, местоимениях притяжательных и указательных, глаголах, порядковых числительных. В английском языке нет согласования ни в одной из перечисленных частей речи, кроме указательных местоимений; в немецком, исландском и фарерском языках согласование проходит в прилагательных, местоимениях и глаголах; в шведском, норвежском и датском языках согласование проходит в прилагательных и местоимениях, но в глаголе не представлено.

Приводимая таблица № 8 может дать наглядное представление о распределении категории числа по языкам.

Таблица № 8

Части речи \ Язык	Язык								
	русск.	англ.	нем.	шв.	норв.	дат.	исл.	фар.	
Прилагательные	+	-	+	+	+	+	+	+	
Местоимения	+	-	+	+	+	+	+	+	
притяжательные	+	-	+	+	+	+	+	+	
указательные	+	+	+	+	+	+	+	+	
Глагол	+	-	+	-	-	-	+	+	
Порядковые числительные	+	-	+	-	-	-	-	-	

Исследование категории числа в сопоставляемых языках позволяет сделать следующие выводы:

1. Категория числа представлена во всех языках, но функции ее по отдельным языкам различны: шире и глубже всего она представлена в русском и немецком языках, где она отражается в четырех частях речи; в исландском и фарерском она представлена слабее — отсутствует согласование в порядковых числительных; еще слабее представлена она в шведском, норвежском и датском, где она проникает только в две части речи — прилагательные и местоимения притяжательные и указательные. Практически категория числа не охватывает ни одной части речи в английском языке, за исключением указательных местоимений. Эта черта английского языка сближает его с тюркскими языками, где категория числа ограничена только именем существительным и достаточно слабо представлена в глаголе.

2. Сема множественности выражается различными словоизменительными морфемами, которые отражают деление и классификацию существительных по их принадлежности к категории грамматического рода.

3. Немецкий язык по способам образования форм множественного числа занимает среди германских языков особое место, так как в нем типологически важным является способ образования множественного числа путем изменения корневого гласного (умлаута), прием, наблюдаемый во всех германских языках, но имеющий крайне ограниченный характер и потому не подлежащий рассмотрению как типологический признак, характеризующий категорию числа в этих языках.

Категория грамматического рода

Грамматический род представляет собой лексико-грамматическую категорию, характеризующую существительное как особую часть речи. Свое материальное выражение она получает в виде различных морфем, составляющих парадигму соответствующего существительного. Категория грамматического рода проявляется в способности существительных уподоблять себе в выражении грамматических значений формы зависимых от них слов — прилагательных, притяжательных и указательных местоимений и т.д.

Категория рода присуща далеко не всем языкам. Она имеется только в большей части индоевропейских и семитских языков и полностью отсутствует в тюркских, финно-угорских, некоторых индоевропейских (армянский, таджикский) языках.

Существующие в нашей стране языки и изучаемые в нашей средней школе иностранные языки четко делятся на два типа в зависимости от наличия или отсутствия в их структуре категории грамматического рода (см. таблицу № 9).

Таблица № 9

Языки	Наличие категории рода	Отсутствие категории рода
Английский		+
Русский	+	
Белорусский	+	
Украинский	+	
Латышский	+	
Азербайджанский		+
Алтайский		+
Башкирский		+
Казахский		+
Каракалпакский		+
Киргизский		+

Языки	Наличие категории рода	Отсутствие категории рода
Кумыкский		+
Молдавский	+	
Немецкий	+	
Татарский		+
Туркменский		+
Узбекский		+
Хакаский		+
Чувашский		+
Якутский		+
Бурятский		+
Армянский		+
Грузинский		+
Таджикский		+
Французский	+	
Эстонский		+

Эта категория шире всего представлена в русском, белорусском и украинском языках. Каждое существительное в этих языках в составе своих сем, определяющих его грамматическую сущность, обязательно имеет сему рода — мужского, женского или среднего.

Для более полной сопоставительно-типологической характеристики категории грамматического рода в тех языках, где она имеется, необходимо установить место этой категории в структуре соответствующего языка.

Эта категория отчетливо проявляется почти во всех знаменательных частях речи: прилагательном — ср. *круглый стол — круглая голова — круглое отверстие*; местоимении притяжательном — *мой (наш) дом — моя (наша) комната — мое (наше) мнение*; местоимении указательном — *этот город — эта деревня — это село*; числительном порядковом — *второй урок — вторая книга — второе занятие*; глаголе (причастии) — *цветущий сад — цветущая роза — цветущее дерево*.

Во всех приведенных выше примерах категория рода представлена определенными, четкими морфемами: в русском языке — твердым или мягким согласным и морфемой *-ий* для мужского рода; морфемой *-а, -е* или конечной мягкой согласной, например, *дверь, площадь* и т.д., для женского рода и морфемами *-о, -е* или *-мя* для среднего рода.

Категория рода настолько устойчива в русском языке, что существительные, заимствованные из других языков, относятся к определенному роду. Так, неодушевленные существительные иноземного происхождения, имеющие морфему *-о*, отнесены в русском языке к среднему роду; ср. *кино, лото, трюмо, пальто* и т.д. Более того, два варианта одного и то-

го же существительного, как, например, *метрополитен* и *метро*, наделяются носителями русского языка различными семами рода в зависимости от их морфемного оформления; ср. *московский метрополитен* (сема мужского рода), но *новое московское метро* (сема среднего рода).

Во французском языке категория рода, представленная двумя разновидностями — мужским родом и женским родом, обладает способностью уподоблять себе только прилагательные: ср. *un arbre vert, une feuille verte*; местоимения притяжательные: ср. *mon frère, ma soeur*; местоимения указательные: ср. *ce village, cette ville*.

Так же как в немецком языке, категория рода во французском языке не имеет четко выраженных морфем рода, и сема рода устанавливается на основании использования артикля: *un (le) garçon мальчик, une (la) fillette девочка* и т.д.

Категория грамматического рода — мужской, женский, средний — была некогда присуща существительным германских языков древнего периода. Однако историческое развитие морфологии этих языков привело к тому, что категория грамматического рода оказалась представленной по-разному в современных германских языках, являясь типологическим показателем каждого из современных германских языков. Различаются: а) языки, имеющие категорию рода в составе трех: немецкий, исландский и фарерский, норвежский (лансмол); б) языки, имеющие категорию рода в составе двух — общего и среднего: шведский, норвежский (риксмол), датский; в) языки, не имеющие категории рода: английский.

В современном немецком языке категория рода представлена тремя разновидностями: мужским, женским и средним, т.е. так же как и в русском языке. Но ее удельный вес и занимаемое ею место в структуре немецкого языка значительно более ограничены, чем в русском языке. И ее способность уподобления других частей речи также более ограничена, поскольку она может уподоблять себе несколько прилагательных в неопределенной форме; ср. *ein schöner Garten ~ eine schöne Blume ~ ein schönes Mädchen*. Прилагательное в определенной форме категорию рода не отражает; ср. *der schöne Garten ~ die schöne Blume ~ das schöne Mädchen*. Местоимения притяжательные; ср. *dein Onkel ~ deine Tante ~ dein Buch*. Местоимения указательные; ср. *dieser Junge ~ diese Schwester ~ dieses Haus*.

В отличие от русского языка, категория рода не может уподоблять себе порядковые числительные и причастия, что и служит доказательством ее большей ограниченности по сравнению с соответствующей категорией в русском языке. Кроме этого, категория рода в немецком языке не имеет четких материальных средств своего выражения; ср. существительные *Land страна* и *Hand рука* или *Maus мышь* и *Haus дом*, имеют полное сходство в своем звуковом составе, кроме первых звуков, и определить их семы рода можно только по наличию при них артикля; ср. *das Land* (ср. р.), *die Hand* (жен. р.), *die Maus* (жен. р.), *das Haus* (ср. р.).

Историческое развитие существительного в английском языке привело к тому, что морфологическая категория рода, лишенная морфоло-

гических средств выражения, была полностью утрачена в языке. На смену ей сложилась новая категория, которую В.Н. Ярцева назвала категорией активности – пассивности.

Сущность этой новой категории состоит в выделении в системе существительных двух классов слов: активных существительных и пассивных существительных. Активные – это те существительные, которые, выступая в функции подлежащего, управляют дополнением; кроме этого, они соотносятся с личными местоимениями *he, she*, присоединяют притяжательную морфему *-s* и замещаются относительным местоимением *who*. Сюда могут относиться как лица, т.е. люди, так и не-лица, т.е. предметы, живые существа, которые в силу сложившейся ситуации рассматриваются говорящими как активные.

Пассивные – это те существительные, которые, будучи субъектом предложения, дополнения не требуют; они соотносятся с личным местоимением *it*, не присоединяют притяжательную морфему *-s* и могут замещаться относительным местоимением *which*.

Подводя итог рассмотрению категории рода, мы можем констатировать, что эта категория в составе трех разновидностей рода – мужского, женского и среднего – составляет типологическую черту русского языка, а также белорусского и украинского языков, систематически проявляясь в различных сторонах структуры языка, везде находя свое последовательное морфологическое выражение.

Наличие категории рода в родном языке учащихся, как, например, в русском языке, и ее отсутствие в изучаемом (например, английском) языке не будет создавать дополнительных трудностей для учащихся, так как будет снят вопрос о том, к какому грамматическому роду следует относить то или иное существительное. Не будет при этом возникать и проблемы согласования в роде, поскольку категории рода в английском языке не существует.

Совсем иное положение возникает в том случае, если изучаемый язык имеет категорию рода, как, например, немецкий или французский. В этом случае возникает ряд трудностей, которые учащийся должен преодолеть: прежде всего, учащийся должен будет научиться определять род существительного, особенно если нет совпадения рода существительного изучаемого языка с родом существительного в родном языке; ср. нем. *der Stern* (муж. р.) = русск. *звезда* (жен. р.); нем. *die Stadt* (жен. р.) = русск. *город* (муж. р.); фр. *la maison* (жен. р.) = русск. *дом* (муж. р.); фр. *la fenêtre* (жен. р.) = русск. *окно* (ср. р.) и т.п. Вторая трудность состоит в том, чтобы научиться правильно согласовывать существительное с относящимися к нему словами других частей речи – прилагательных, местоимений и т.д. Третья трудность заключается в неумении правильно оформлять так называемые зависимые слова в плане согласования, для чего, вероятно, потребуется разработка системы упражнений на согласование.

Наибольшие трудности возникнут у учащихся, в структуре языка которых вообще отсутствует категория грамматического рода. Здесь преподавателю потребуется, помимо прочего, создать у учащегося пра-

вильное понятие грамматической категории рода, неизвестной ему из его родного языка. Необходимо выделить дополнительное время, которое должно быть учтено при планировании, для выполнения соответствующих упражнений, во-первых, на правильное понимание иностранного текста и, во-вторых, на правильное воспроизведение языкового материала в устной и письменной речи. Все эти факты следует учитывать при планировании прохождения учебного материала и разработке наиболее эффективной методики обучения иностранному языку.

Категория определенности – неопределенности (категория детерминативности)

Во всех германских и романских, а из славянских – в болгарском и македонском языках – система имени существительного характеризуется категорией определенности – неопределенности. Эта категория имеет свое морфологическое оформление. Чаще всего она бывает оформлена артиклем, как в немецком или английском языке. В других случаях она может получить свое выражение в виде морфем, так называемых постпозитивных артиклей, прибавляемых к концу существительного, как в болгарском, румынском и скандинавских языках. Ср. болг. момче *мальчик* – момчето – *мальчик* (данный); болг. планина *гора* – планината *гора* (данная); болг. град *город* – градът *город* (данный); шв. bro *мост* – bron *мост* (данный); норв. skib *корабль* – skibet *корабль* (данный); дат. vindu *окно* – vinduet *окно* (данное).

Кроме постпозитивного артикля, столь характерного для всех скандинавских языков и не представленного ни в английском, ни в немецком языке, категория определенности может быть выражена формами определенного препозитивного артикля, который возникает во всех скандинавских языках всякий раз, когда перед существительным появляется определение, выраженное прилагательным в «определенной» форме, т.е. когда мы имеем качественное атрибутивное словосочетание.

Определенный препозитивный артикль имеет формы, которые соответствуют категории рода и числа существительного и сигнализируют о ее наличии. Как в случае постпозитивного, так и в случае определенного препозитивного артикля можно отметить также признаки, которые позволяют разделить скандинавские языки на две группы: 1) шведский, датский, норвежский (риксмол); 2) исландский, фарерский и норвежский (лансмол). Но в отличие от норвежского языка (лансмол), где препозитивный артикль сигнализирует о наличии категории рода в одной из трех форм, мужском, женском и среднем, препозитивный артикль в исландском и фарерском языках изменяется еще и по падежам, сигнализируя об отношении данного слова к другим словам в предложении.

В семантику как препозитивного артикля, как в немецком или английском языке, так и постпозитивного артикля, как в скандинавских языках, входят: 1) сема индивидуализации, благодаря которой существительное, имеющее при себе артикль, выделяется из класса однородных

с ним предметов; 2) сема рода: шв. *ön остров, hav-et море*; 3) сема уникальности, сигнализирующая о том, что предмет, обозначаемый соответствующим существительным, является единственным в своем роде; ср. англ. *the sun*, шв., норв., дат. *solen солнце*; 4) сема указательности, являющаяся общей с соответствующей семой указательных местоимений; 5) сема обобщения, дающая возможность воспринимать значение данного слова как обобщенное значение всех предметов данного класса; ср. англ. *The horse is a domestic animal*; нем. *Das Pferd ist ein Haustier*; шв. *Hästen är ett husdjur Лошадь (всякая лошадь) – домашнее животное*.

В семантическую структуру неопределенного артикля англ. *a, an*, шв., норв., дат. *en, -et(t)* входят: 1) сема классификации, относящая предмет, с которым она связана, к тому или другому классу предметов; 2) сема единичности, поскольку существительные, имеющие неопределенный артикль, всегда мыслятся в единственном числе.

В изучаемых в нашей средней школе иностранных языках – английском, немецком и французском – система имени существительного характеризуется категорией определенности – неопределенности, получающей свое морфологическое выражение в соответствующих формах артикля. При этом во всех трех языках система артикля оказывается совершенно различной. Артикль может быть двух видов: определенный и неопределенный.

В английском языке определенный артикль *the* и неопределенный *a (an)* примыкают к существительному, образуя с ним единый звуковой комплекс; ср. *the teacher /ð 'ti:tʃə/ учитель (данный) – a teacher /ə 'ti:tʃə/ учитель (какой-то)*; английский артикль практически представляет собой как бы неизменяемую морфему, находящуюся в препозиции к существительному.

Во французском языке оба артикля – определенный и неопределенный – изменяются по категории рода – мужского и женского – и числа – единственного и множественного: *le village деревня – un village, мн. ч. les villages – des villages; la ville город – une ville, мн. ч. les villes – des villes*.

В немецком языке наблюдается более сложная картина: оба артикля – определенный и неопределенный – изменяются по роду, числу и падежу, что делает овладение формами артикля в этом языке и правильное употребление его форм в речи особенно трудным для учащихся.

В семантику артикля в этих языках входят следующие семы: 1) сема индивидуализации, благодаря которой существительное, имеющее при себе определенный артикль – англ. *the*, франц. *le (la)*, нем. *der (die, das)*, выделяется из класса однородных предметов; ср. англ. *the book is on the table ~ нем. das Buch liegt auf dem Tisch ~ фр. le livre est sur la table ~ русск. книга (лежит) на столе*; тат. китэп өстәлдә ятад ~ кирг. китеп столде жатат; англ. *at two o'clock the lesson began ~ кирг. саат экиде сабак баштанды ~ нем. um zwei Uhr die Stunde begann*; 2) сема уникальности, сигнализирующая о том, что предмет, обозначенный соответствующим существительным, является единственным в своем роде; ср. англ. *the sun, the moon, the earth ~ нем. die Sonne, der Mond, die*

Erde ~ фр. le soleil, la lune, la terre, но русск. *солнце, луна, земля* ~ тат. кояш, ай, жир ~ чув. хёвел, уйӑх, сыр ~ кирг. күн, ай, жир и т.д. — все без артикля; ср. the sun rises at eight j'clock ~ тат. кояш сигез сагаттә чыгый; 3) сема указательности, которая является общей с соответствующей семой указательных местоимений; ср. англ. I know the man about whom you phoned me a couple of days ago, нем. ich kenne den Mann, von welchem Sie mit mir gesprochen haben, фр. je connais l'homme dont vous m'avez telephoné il ya quelques jours; 4) сема обобщения, дающая возможность воспринять данный предмет как обобщенное обозначение всех предметов данного класса; ср. англ. the dog is a domestic animal, нем. der Hund ist ein Haustier, фр. le chien est un animal domestique, русск. *собака — домашнее животное*.

Приведенные примеры из трех западноевропейских языков показывают значение и функции определенного артикля в этих языках. В противоположность им русский и другие языки в нашей стране, за исключением армянского и молдавского, определенного артикля как грамматической формы не имеют, что и служит одним из весьма серьезных источников наиболее типичных устойчивых ошибок наших учащихся при работе над устной речью и при чтении и понимании текста на изучаемом языке.

В противоположность английскому, немецкому и французскому языкам в русском, украинском и белорусском, финском и эстонском языках категория определенности — неопределенности не имеет морфологического выражения и, как правило, выражается преимущественно лексически; ср. эст. õpetaja ja õpilased on klassis, англ. the teacher and the pupils are in the classroom, русск. *учитель и ученики в классе*.

Средства, используемые в этих языках для выражения определенности, следующие: 1) частица *то* в русском языке, прибавляемая к существительному, которое нужно индивидуализировать; ср. «В гимназию-то, мол, тихо идешь, а из гимназии домой бегом, а надо, милый, наоборот». (А.Н. Островский. На всякого мудреца довольно простоты. I, 4). Особенно широко используется эта частица в русском разговорном стиле речи: «Ф е о н а. Вот от глупых-то ты отстал, а к умным-то не пристал, так и мотаешься». (А.Н. Островский. Не все коту масленица. III, 1); «Е ф р о с и н ь я П о т а п о в н а: Ну и положил бы чуточку для духу, а он валит зря; сердце-то и мрет, на него глядя». (А.Н. Островский. Бесприданница. III, 3);

2) указательные местоимения: русск. *этот, эта, это, эти* или *тот, та, то, те* ~ укр. цей, це, ця, ці или той, та, те, ті и т.д., у которых в этом случае сема указательности гасится и активизируется сема индивидуализации;

3) неопределенное местоимение: русск. *какой-то, какая-то, какое-то, какие-то*; ср. «Какой-то повар-грамотей с поварни побегал своей в кабак». (И.А. Крылов. Кот и повар);

4) числительное *один*, соответствующее по своей функции неопределенному артиклю англ. a(an). Аналогичное явление мы можем увидеть в различных тюркских языках, где одним из средств выражения неопределенности служит слово бир (бер); башк., тат. бер, узб. бир, хак. бір, як.

бир и т.д., возникшие из количественного числительного соответствующей звуковой формы *один*; ср. тат. бер кеше (какой-то) (один) *человек*, бер бала (какой-то) *ребенок* и т.д.;

5) инвертированный порядок слов, когда подлежащее предложения находится в постпозиции к своему сказуемому: « — Должно быть треснуло дерево, — сказал Пахомов. — От мороза». (К. Паустовский. Дым отечества. I); «На козлах сидел лакей в ливрее...» (А.П. Чехов. Степь, III).

Рассмотрение категории определенности — неопределенности показало существенные расхождения в этом плане в структуре родного и изучаемого языков. Отсутствие морфологически выраженной категории определенности — неопределенности в русском и подавляющем большинстве языков нашей страны не создает для учащихся — носителей этих языков твердой опоры на свой родной язык. А это служит серьезной причиной и активным источником многочисленных грамматических ошибок в речи студентов на иностранных языках. Чтобы их избежать, необходимо изучить их типологию, тщательно сопоставить родной и изучаемый языки в плане данной категории и разработать многоэтапную методику обучения артиклю на различных уровнях обучения данному иностранному языку.

Категория принадлежности

Во многих языках народов нашей страны существует грамматическая категория принадлежности. Н.К. Дмитриев определяет эту категорию как такую грамматическую категорию, «которая выражает одновременно и предмет обладания, и лицо обладателя» [28, с. 72].

Категория принадлежности имеет свои морфологические средства выражения. Это так называемые аффиксы принадлежности, которые могут присоединяться как к имени существительному, например, тат. баш *голова*, но башым *моя голова*, башын *твоя голова*, башы *его голова*; тадж. сар *голова*, но сарам *моя голова*, сарат *твоя голова*, сараш *его голова*; фин. *kirja книга*, *kirjani моя книга*, *kirjasi твоя книга*, *kirjansa его книга*.

В зависимости от формы аффиксов принадлежности все языки нашей страны можно разделить на следующие группы, что видно из таблицы № 10.

Таблица № 10

Число	Принадлежность лицу	Тип притяжательных суффиксов				
		тюркский	финно-угорский	бурятский	таджикский	армянский
Единственное	1-му лицу	-ым	-ni	-мни	-ам	-с
	2-му лицу	-ын	-si	-шни	-ат	
	3-му лицу	-ы	-nsa(-nsä)	-нинь	-аш	

Число	Принадлежность лицу	Тип притяжательных суффиксов				
		туркский	финно-угорский	бурятский	таджикский	армянский
Множественное	1-му лицу	-ымыз (-ыбыз)	-mme		-амон	
	2-му лицу	-ыңыз (-ыгыз)	-mpe		-атон	
	3-му лицу	-лары (-тары, -дары)	-nsa (-nsä)		-ашон	

В русском, белорусском, украинском и английском языках принадлежность (притяжательность) не имеет грамматического выражения и передается лексическим и синтаксическим способом через притяжательное словосочетание; ср. *мой дом* – *my house*, но узб. уйим ~ тат. өйем. Это различие в передаче значения принадлежности в одних языках через притяжательное словосочетание, а в других – одной лексемой, как правило, вызывает всякого рода ошибки учащихся – носителей тех языков, где категория принадлежности имеет морфологическое выражение.

Категория степени качества

Основным средством выражения этой категории в сопоставляемых языках служат имена прилагательные. По своим типологическим признакам прилагательные значительно отличаются по языкам. В русском языке прилагательные по своему составу делятся на три разряда: 1) прилагательные качественные, обозначающие качественный признак предмета непосредственно; эти прилагательные в сопоставляемых языках образуют ряд семантических групп – размера, объема, вкуса, температуры, оценки и т.п.; 2) прилагательные относительные, обозначающие признак предмета через его отношение к другому предмету или действию; относительные прилагательные в русском языке являются производными от именных основ; 3) прилагательные притяжательные, обозначающие принадлежность предмета лицу или живому существу.

В отношении выражаемых ими грамматических категорий прилагательные в русском и германских языках также значительно различаются: русские прилагательные обладают способностью согласования с существительными, которые они определяют, в роде, числе и падеже; из германских языков только немецкий, исландский и фарерский обладают той же способностью; шведский, норвежский и датский языки обладают этой способностью в очень ограниченной степени, отсутствует согласование в падеже; в этих языках существуют две парадигмы прилагательного,

сохранившиеся от древнего состояния — сильная и слабая парадигмы, причем согласование в роде сохранилось только в сильной парадигме; например, шв. *en stor stad* (общ. р.) — *ett stort land* (ср. р.); норв. *en ny skjort* (общ. р.) — *ett nytt hus* (ср. р.).

В слабой парадигме наблюдается отсутствие согласования в роде и числе. В английском языке прилагательные согласования ни в роде, ни в числе, ни в падеже не имеют.

В армянском, таджикском и всех тюркских языках прилагательное с определяемым им существительным ни в каких грамматических категориях также не согласуется; ср. англ. *a red banner* — *red banners* ~ арм. кармир грошак — кармир грошакнер; тадж. байрақи сурх — баиракхой сурх; тат. кызыл байрак — кызыл байраклар и т.д.

Следующим дифференциальным признаком русских прилагательных необходимо назвать наличие у качественных прилагательных двух форм: полной и краткой, причем обе формы прилагательных приобрели свои особые функции в русском языке; качественные прилагательные в полной форме выполняют атрибутивную функцию в предложении, в то время как краткие прилагательные выполняют предикативную функцию в предложении; ср. *черный ворон* (атрибутивная функция), но *черен, а не ворон* (из русской загадки).

Деление на полные и краткие прилагательные составляет типологическую черту русского языка и в других языках нашей страны не представлено.

В германских языках также отсутствует деление на полные и краткие формы. Однако есть различие в согласовании прилагательных в предикативной функции: прилагательные английского, немецкого и датского языков согласования с подлежащим не имеют; в шведском, исландском, фарерском и норвежском, наоборот, прилагательные в предикативной функции согласуются с подлежащим в числе.

1. Качественные прилагательные во всех языках могут показывать большую или меньшую степень данного качества. Как отмечают Е.В. Гулыга и Е.И. Шендельс, качественным именам прилагательным присущи две семы: 1) сема «качество вне сравнения», т.е. качество, взятое как таковое, и 2) сема «компаративность» [22, с. 116].

Сема «компаративность» имеется у всех качественных прилагательных, но морфологические ее формы значительно различаются.

В русском языке сравнительная степень образуется синтетическим путем, т.е. прибавлением к основе прилагательного в положительной степени морфемы *-ее* (или *-ей*; ср. *длинный* — *длинней*) или же малопродуктивных морфем *-е* или *-ше*; ср. *старый* — *старше*, *короткий* — *короче* и т.д.

Русской морфеме сравнительной степени *-ее* (*-ей*) соответствует морфема *-рак/-рек* в большей части тюркских языков; ср. башк. кала ауылдан зуррак *город больше деревни* (зур *большой*); тат. ул сезгә караганда олырак *он старше вас*; кирг. жай өтө кеч башталып, кыскараак болот *лето начинается поздно и бывает короче* (кыска *короткий*).

Кроме морфологического способа образования степеней сравнения в тюркских языках существует синтаксический способ образования степеней сравнения: в исходном падеже ставится предмет, с признаком которого происходит сравнение + прилагательное с аффиксом *-рак/-рек* или без него; тат. арыслан юлбарыстан көчле лев сильнее тигра (букв. «лев от тигра сильный» — көчле).

Другим способом образования сравнительной степени является аналитический способ, при котором перед прилагательным в положительной степени используются слова *более* или *менее*; ср. *более сильный*, *менее сильный*.

Превосходная степень прилагательных в русском языке образуется аналитически, путем прибавления к положительной форме прилагательного слова *самый*; ср. *самый сильный* и т.д.

В английском языке, как и в других германских языках, существуют два ряда форм образования степеней сравнения: 1) синтетические формы с морфемами *-er* для форм сравнительной степени и *-est* для форм превосходной степени. Синтетический способ образования степеней сравнения используется для односложных и некоторых двусложных прилагательных: *quick — quicker — (the) quickest*; 2) аналитические формы, образуемые словами *more* и *most*, прибавляемые к неизменяемым формам положительной степени; ср. *obedient — more obedient — (the) most obedient*.

Сравнительная и превосходная степени сравнения некоторых прилагательных могут выражаться при помощи супплетивных форм, образованных от различных корней, например: русск. *хорошо — лучше*, англ. *good — better*, нем. *gut — besser*. Поскольку такие формы имеются в большинстве индоевропейских языков, их следует рассматривать как типологические; они носят общий характер, но реализуются по-разному в каждом отдельном случае.

В русском языке существует особая форма превосходной степени, называемая элатив, с семой «предельность», обозначающей высокую степень качества безотносительно к чему-либо. Эта форма в русском и украинском языках образуется синтетическим путем — прибавлением аффиксальных морфем *-ейш-* (*-ий, -ая, -ее*) и *-айш-* (*-ий, -ая, -ое*), если основа прилагательного оканчивается на заднеязычные согласные *г, к, х*; ср. *ближайший, интереснейший* и т.д. В английском языке элатив выражается аналитически.

2. Относительные прилагательные представлены не во всех языках; они имеются в русском, украинском, белорусском, в финском и эстонском и в тюркских языках, где они образуются при помощи прибавления к основам существительных аффиксов *-лы/-ле* и отрицательного аффикса *-сыз/-сиз*, как в татарском и башкирском. Наряду с относительными прилагательными в тюркских языках используются атрибутивные словосочетания, известные в тюркологии как *изафет I*.

В германских языках, в том числе в английском, прилагательные относительные представлены очень ограниченным числом лексических единиц, из числа которых большая часть относится к области науки; ср. *geographical, logical, philosophical* и т.д.

Это отсутствие полноценного разряда относительных прилагательных, без которых очень трудно обойтись в речевом общении, в английском языке восполняется атрибутивными словосочетаниями, состоящими из двух существительных, из которых первое существительное выступает в атрибутивной функции, определяя и уточняя второе существительное, т.е. фактически выполняет функцию относительного прилагательного, в немецком и скандинавских языках — сложными словами, образованными по определенным моделям.

Это типологическое свойство английского языка представляет большие трудности для изучающих этот язык как в плане понимания читаемого текста, так и в плане овладения речью, поэтому учащиеся постоянно ищут определяющее прилагательное, которое во всех флективных языках имеет особую форму, как, например, *школа — школьный*, в английском же языке будет иметь одну и ту же форму, что и существительное, но строго определяться как отдельная часть речи, не меняя своей внешней формы; ср. *school girl* *ученица средней школы*, *girl school* *женская школа*. Простота формы и легкость перестановок в этом случае находятся в редком противоречии с теми нормами, к которым привык учащийся в своем родном языке флективного типа.

3. Прилагательные притяжательные имеются только в русском, украинском и белорусском языках. Они обозначают принадлежность предмета лицу или животному; ср. *братнин, сестрин*; укр. *батькова шапка, отцова шапка* и т.д.

В тюркских и балтийско-финских языках этим притяжательным прилагательным совместно с определяемым ими существительным соответствуют изафетные словосочетания II или III типа.

Притяжательные прилагательные как особый разряд также отсутствуют в германских языках. Это отсутствие восполняется словосочетаниями, в которых русскому прилагательному соответствует атрибутивное словосочетание со структурой $N_{gen} + N$ (ср. англ. *my father's house*, шв. *min fars hus*), а в немецком языке — атрибутивное постпозитивное словосочетание со структурой $N + N_{gen}$: *das Haus meines Vaters*.

Особенности категории степени качества в германских языках представлены в сопоставительной таблице № 11.

Таблица № 11

Признаки	Язык							
	русск.	англ.	нем.	шв.	норв.	дат.	исл.	фар.
I. Качественные прилагательные	+	+	+	+	+	+	+	+
Полная форма	+	—	—	—	—	—	—	—

Признаки	Язык							
	русск.	англ.	нем.	шв.	норв.	дат.	исл.	фар.
Общая форма	—	+	+	—	—	—	—	—
Определенная форма	—	—	+	+	+	+	+	+
Неопределенная форма	—	—	+	+	+	+	+	+
Сравнительная степень:								
а) синтетическая	+	+	+	+	+	+	+	+
б) аналитическая	+	+	+	+	+	+	+	+
II. Относительные прилагательные	+	—	—	—	—	—	—	—
III. Притяжательные прилагательные	+	—	—	—	—	—	—	—
Согласование	+	—	+	+	+	+	+	+
Супплетивность	+	+	+	+	+	+	+	+

Категория вида и времени

В индоевропейских языках, так же как и в тюркских, семитских и других языках, грамматическая категория времени выделяется в системе глагола как особой части речи. Эта категория выражает отношения действия к моменту речи, принимаемому за точку отсчета. Хотя эта категория носит универсальный характер, поскольку она отражает деятельность людей, тем не менее языковые средства ее выражения в отдельных языках бывают весьма различны. В языках других систем глагольная категория времени не представлена, например, в индонезийском, а также и в полинезийских языках, где предикация выражается особыми служебными словами, так называемыми глагольными частицами, или предикативными определителями, сообщающими сказуемому то или иное видо-временное или модальное значение [4, с. 43—44; 9, с. 43].

Как правило, в различных языках различаются три основных временных плана — план настоящего, план прошедшего и план будущего времени.

В пределах каждого из временных планов совершаемые действия могут носить различный характер: в них может быть выражено отношение к внутреннему пределу, к результату действия, к длительности

и повторяемости и т.д. Все эти характеристики действия во времени составляют категорию вида. Категорию времени и категорию вида, характеризующие глагол — наиболее крупный лексико-грамматический разряд слов, объединенных общими семантическими и морфологическими признаками, следует рассматривать как две соотнесенные друг с другом типологические величины.

Под категорией вида обычно понимается такая лексико-грамматическая категория, которая передает характеристику протекания действия или процесса, обозначенного глаголом, — повторяемость, длительность, многократность, мгновенность действия, результативность, завершенность, незавершенность или, наконец, предельность, т.е. отношение действия к его внутреннему пределу, образуя такие соотносительные ряды форм, которые пронизывают всю систему глагольных форм при тождестве их лексических значений.

В русском, украинском и белорусском языках основные видовые различия проходят по линии выражения отношения действия к своему внутреннему пределу, в связи с чем в этих языках выделяются два вида: несовершенный и совершенный.

Несовершенный вид выражает действие в его течении, в процессе его совершения без какого-либо указания на его предел; ср. русск. глаголы *писать, читать, говорить*; укр. писати, сідати, робити и т.д.

Совершенный вид выражает действие, ограниченное пределом совершения в какой-либо момент его осуществления или же сообщающее результат данного действия или процесса; ср. русск. *написать, прийти, сказать*; укр. написати, сісти, виробити, зробити и т.д.

Система в перечисленных выше трех славянских языках имеет свой отличительный признак — наличие соотносительных пар глаголов, образующих соотносительные ряды форм, пронизывающих всю систему глагольных форм при тождестве их лексического значения; ср. русск. *вести — привести, веду — приведу, вёл — привёл* и т.д.; укр. лягати — лягти.

Для выражения видовых значений в русском, белорусском и украинском языках существует своя особая система морфологических средств:

1) префиксы: русск. *с-, за-, на-, о-, от-, по-* и т.д.; укр. *в-, від-, од-, ви-, до-* з-(с-), *за-, на-, над-, о-(об-)* и т.д.; ср. русск. *резать — нарезать, отрезать*;

2) суффиксы *-ыв-, -ив-, -ов* с чередованием гласных или согласных, прибавляемые к глагольной основе, при этом образуются глаголы несовершенного вида от глаголов совершенного вида; ср. *открыть — открывать, сравнить — сравнивать*; укр. *надписати — надписувати*;

3) суффикс *-ну*, прибавляемый к глагольной основе, при этом образуются глаголы совершенного вида от глаголов несовершенного вида; ср. *плевать — плюнуть, свисать — свиснуть*; укр. *грюкати — грюкнути*;

4) изменение гласных корня, в отдельных случаях сопровождающееся чередованием гласных в глагольной основе; ср. *решать — решить, кон-*

чать — кончить; укр. стирати — стерти, умирати — умерти, выпікати — выпекти, замітати — замести;

5) изменение места ударения при том же фонетическом составе слова; ср. насыпáть — насыпáть, разрушáть — разрушítить; укр. вивóдити — вйводити, винóсити — вйносити.

Кроме однокоренных видовых пар глаголов имеется еще некоторое, очень ограниченное, число видовых пар, образованных от разных основ супплетивно; ср. брать — взять, говорить — сказать, класть — положить; укр. брати — взяти, ловити — піймати.

Категория вида в названных языках, в частности в русском языке, сложилась в XVI—XVII вв. [70, с. 240].

Перечисленным выше трем славянским языкам, в типологическую характеристику которых входит наличие грамматической категории вида, противостоит подавляющее большинство родных языков, тюркских, финно-угорских и других, а также изучаемый английский или немецкий язык.

Как показывает история этих языков, в древнегерманский период они имели категорию вида, материальным выражением которого была частица — префикс перфектности гот. ga-, днв. gi-, да. ze-, а также другие префиксы [23, с. 171—172]. Но уже в древнеанглийский период можно обнаружить ряд случаев, когда прибавление префикса ze- влекло за собой не образование глагола совершенного вида, а образование новой лексической единицы, т.е. словоизменительный префикс перерос в префикс словообразовательный; от этого периода сохранились отдельные лексемы; ср. to come *приходить* ~ to become *становиться*; to get *получать* ~ to beget *порождать*.

На смену исчезнувшей категории вида пришла сложная система временных форм, которая уже в ранненовоанглийский период дала начало новым видовым характеристикам действия и процесса, что получило в современной англистике неоднозначное толкование [56, с. 321 и след.; 31, с. 200].

В отличие от русского языка, где глаголы несовершенного и совершенного вида образуют соотносительные пары лексических единиц, обладающих каждая своими морфологическими признаками и характеристиками и образующих два ряда соотносительных форм, в английском языке глаголы общего и длительного вида таких пар не образуют. Каждый глагол в английском языке, за немногими исключениями, может принимать как форму общего, так и форму длительного вида, иными словами, глаголы в английском языке соотносительных видовых пар не образуют, т.е. признака, характерного для русского языка, не имеют.

Столь же неоднозначное толкование категории вида мы находим и среди специалистов по тюркским языкам, хотя все же подавляющее большинство специалистов по этим языкам отрицает наличие категории вида в этих языках.

В то же время все авторы грамматических трудов по отдельным тюркским языкам устанавливают в своих языках наличие особых

грамматикализованных словосочетаний со структурой «деепричастие на -а/-е (-ә) или на -ып смыслового глагола + форма одного из широко распространенных вспомогательных глаголов», с семантикой движения — *кел-* (*кил-*), *кет-* (*кит-*), *бар-* (*бор-*), *юр-* (*йор-*), *чик-*, или глаголов состояния — *отур-* (*утыр-*), *тур-* (*тор-*), *кал-* (*қол-*) *бол-* (*бул-*) и т.д. Эти глаголы, распространенные во всех тюркских языках нашей страны, образуют грамматикализованные сочетания с деепричастной формой основного глагола, сообщают ему дополнительные значения характера протекания действия, т.е. изменяют лексическое значение первого глагола, осложняя его видовыми оттенками — мгновенности, длительности, краткости, направленности действия к говорящему или от говорящего, возможности или невозможности совершения действия.

Для более четкого изложения содержания и структуры некоторых из словосочетаний мы дадим их в форме моделей.

Модель V + -а/-е + *ал-* передает значение возможности; ср. башк. Әхмәт килә алды *Ахмед мог прийти*. Эта модель представлена как в тюркских языках Поволжья, так и Средней Азии; ср. кирг. бу бала окуп алат *этот ребенок умеет читать*. Этой модели соответствует английское сочетание глагола can + V_{inf}; ср. this boy can read *этот мальчик может (умеет) читать*.

Ряд моделей словосочетаний передает видовое значение продолженного характера действия; ср. модель V + -а/-е (-ә) + *бер-*: тат. у сөйләп бирде *он рассказывал*; V + -а/-е (-ә) + *тур-* (*тор-*) указывает на временную продолжительность действия: кирг. колхоздо иштей тур *пока работай в колхозе*; тат. эшчеләр икенче яктап чыгып торалар *рабочие все время входят с другой стороны*.

Некоторые словосочетания указывают на заверченный или результативный характер действия; ср. модель V + -ып + *кал-*: башк. йөзө болот кеуек ағарып кала *его лицо белеет как облако*; узб. узақдан катта бир уй кўриниб қолди (*вдруг*) *вдали показался большой дом*.

Модель V + -ып + *чик-* указывает на законченный характер действия: тат. Гафиятулла бу китапни укып чыкты *Гафиятулла прочел эту книгу*.

К сожалению, проблема семантики этих грамматикализованных сочетаний и их соответствий формам английского языка еще не изучена и пока ждет своего исследователя.

Категория времени

Как уже отмечалось выше, категория времени, имеющая универсальный характер, т.е. свойственная всем языкам, тесно переплетается с категорией вида, выражающей характер протекания действия или процесса.

Именно вследствие своего универсального характера категория времени имеет совершенно различные формы и средства своего выражения в отдельных языках, а иногда группах языков.

Говоря о категории грамматического времени, выделяют так называемые абсолютные формы времени, которые не зависят от других вре-

менных форм в предложении и определяются соотношением с моментом речи: форма настоящего времени, обозначающая действие, совпадающее с моментом речи; эта грамматическая форма представлена во всех языках, и ее усвоение связано исключительно с усвоением и практическим овладением формами, в которых реализуется эта грамматическая форма; форма прошедшего времени, выражающая действие, совершившееся до момента речи, также представленная иногда весьма по-разному в различных языках, и, наконец, форма будущего времени, передающая действие, которое совершится после момента речи.

Наряду с абсолютными грамматическими формами времени, в языках существуют так называемые относительные формы времени, обозначающие действия и процессы, рассматриваемые не с точки зрения момента речи, а с точки зрения другой временной формы или момента, принятого за точку отсчета.

В древнерусском языке категория времени характеризовалась большим числом форм глагольного времени, чем в современном русском языке, что можно объяснить меньшей степенью развитости категории вида в тот далекий период существования русского языка. Категория же времени в древнерусском периоде складывалась из следующих форм: настоящего времени; имперфекта — *несяхъ, несяше, несяте, несяхом, несяте, несяху*, выражавшего действие длительное или повторяющееся в прошлом; аориста — *несохъ, несе, несе, несохомъ, несосте, несоша*, выражавшего мгновенное действие в прошлом; перфекта — *неслъ есмь (еси, есть), несли (есьмы, есте, суть)*, передававшего результативный характер действия; давнопрошедшего — *бяхъ (бяше, быше) неслъ, бяхом, бясте, быша (несли)*; будущего, которое реже было простым, и преждепрошедшего, называвшего действия в будущем и соотношенного с ним.

Последующее развитие форм несовершенного и совершенного вида привело к постепенному отмиранию форм имперфекта и аориста и к расширению семантики форм перфекта, который приобрел способность выражать значение совершенного вида, если глагол имел приставку, например, *принесъ* и т.д., и значение несовершенного вида, если глагол не имел приставки, например, *несу* и т.д.

Следует подчеркнуть, что категории вида и времени в русском, украинском и белорусском языках соответственно выражены как в личных, так и в неличных формах глагола, таких как причастия (*несущий, несший, принесший*), так и в формах деепричастия (*несши, принесши*). Эти формы ярко подчеркивают то категориальное и формальное развитие, какое наблюдается между двумя видами — несовершенным и совершенным — в этих языках.

В отношении вида и времени перечисленные выше языки изменили свою типологию за счет сокращения форм времени и развития форм категории вида, которая, как было показано выше, пронизывает все формы глагола, с одной стороны, и за счет исчезновения ряда форм категории времени, с другой.

В противовес истории развития форм категории вида и времени в славянских языках, развитие тех же категорий в германских языках шло

в обратном направлении. В древних германских языках было две формы времени – настоящее и претерит. Поэтому система времен в составе двух, существовавшая во всех германских языках, т.е. бывшая для них общей, и в то же время представленная в каждом германском языке, может считаться типологически значимой для группы германских языков. В процессе исторического развития во всех германских языках возникли и сложились новые временные формы, причем во всех этих языках системы временных форм, развиваясь независимо друг от друга, пополнялись изоморфными образованиями – перфектом, плюсквамперфектом и будущим I и II.

В древнегерманских языках существовало деление всех глаголов на три группы: так называемые «сильные» глаголы с чередованием гласного корня, «слабые» или глаголы с дентальным суффиксом и глаголы претерито-презентные, представляющие собой своеобразную закрытую группу числом 10–12 глаголов, у которых настоящее время совпадает по форме с формой прошедшего времени «сильных» глаголов, а прошедшее время образуется с помощью дентального суффикса. Так как это деление представлено во всех древнегерманских языках и следовательно носит общегерманский характер, а с другой стороны, представлено в каждом индивидуальном германском языке, то мы считаем возможным. учитывая их распространение по языкам, рассматривать это деление глаголов как отчетливый типологический признак германской группы языков в целом. В русском языке это деление на сильные и слабые глаголы не представлено. Для всех германских языков типологической константой следует признать регулярное и неуклонное уменьшение числа сильных глаголов, частично за счет перехода ряда глаголов этого типа в группу слабых глаголов, как в норвежском, частично за счет вытеснения их глаголами иноземного происхождения, как в английском. Этот процесс начался уже очень давно, и в настоящее время группа сильных глаголов постепенно теряет свою типологическую значимость, превращаясь в элемент старого качества, отражающий некогда существовавшую закономерность, а вместе с ней и важный типологический показатель.

Наличие в родном языке учащихся ограниченного числа форм времени и их обилие в изучаемом иностранном языке создают большие трудности, во-первых, в понимании значения этих форм и еще большие трудности в правильном их употреблении. Особенности трудности вызывает, например, правильное употребление английской формы Present Continuous и Present Perfect, поскольку для глубокого и правильного их усвоения в родном языке учащихся нет достаточной языковой опоры.

Если мы обратимся к системе временных форм родных языков народов нашей страны, то все их можно разделить на две большие группы:

- 1) языки, в которых существует только одна форма настоящего времени;
- 2) языки, в которых существует раздельное выражение действия обычного, привычного, повторного и действия, совершаемого в момент речи, что можно видеть из таблицы № 12.

Приведенная ниже таблица позволяет прогнозировать те трудности, с которыми столкнется учащийся, в родном языке которого представлена только одна форма настоящего времени. Не имея опоры в своем родном языке, учащиеся должны будут преодолевать большие трудности при овладении формой Present Continuous как в плане ее понимания в тексте, так, тем более, в плане ее практического использования в речи, что обязательно должно быть учтено методистами и преподавателями языка.

Таблица № 12

Язык	Выражение обычного, повторяемого, привычного действия	Выражение действия, совершаемого в данный момент, в момент речи
Английский	+	+
Русский	+	-
Белорусский	+	-
Украинский	+	-
Латышский	+	-
Литовский	+	-
Азербайджанский	+	+
Алтайский	+	-
Башкирский	+	-
Казахский	+	-
Каракалпакский	+	-
Киргизский	+	-
Кумыкский	+	-
Молдавский	+	-
Немецкий	+	-
Татарский	+	-
Туркменский	+	+
Узбекский	+	+
Хакасский	+	+
Чувашский	+	-
Якутский	+	-
Армянский	+	-
Грузинский	+	-
Таджикский	+	+
Французский	+	-
Финский	+	-
Эстонский	+	-

Во всех языках народов нашей страны имеется ряд глагольных временных форм для выражения различных временных характеристик

действий или процессов, происходивших до момента речи. Это многообразно, а в некоторых случаях обилие морфологических средств выражения отдельных, весьма частных временных характеристик действий, как, например, совершенный характер действия в прошлом, в достоверности которого говорящий не сомневается, законченность и однократность действия, действие в прошлом, результат которого ощущается в настоящем, незавершенность, длительность или повторность действия в прошлом, многократность и повторность действия в прошлом и многое другое (см. ниже таблицу № 13).

Как показывает таблица, в родных языках народов нашей страны имеет место обилие форм прошедшего времени, не соотносящихся с формами прошедшего времени английского языка. Поэтому единственной возможностью найти какие-либо общие величины, которые бы создали благоприятные условия для сопоставления форм прошедшего времени родных языков с равнозначными формами английского языка, следует признать установление общих значений (т.е. сем), выражаемых этими формами в родном и в английском языках.

Таблица № 13

Язык	Формы прошедшего времени	Прошедшее несовершенного вида	Прошедшее совершенного вида	Категорическое законченное	Перфектное (результат)	Субъективное	Давнопрошедшее	Предпрошедшее	Неопределенное (имперфект)	Определенное	Длительное
Английский							+				+
Русский		+	+								
Белорусский		+	+								
Украинский		+	+				+				
Башкирский				+	+		+				
Киргизский				+	+	+					+
Немецкий				+	+		+				
Татарский				+	+	+	+				
Туркменский				+		+	+		+	+	
Узбекский				+	+	+	+	+	+	+	+
Хакасский				+	+	+	+	+		+	
Якутский					+			+			
Таджикский				+	+		+	+	+		+
Французский				+			+				+

Это уже начали осознать многие педагоги, преподающие иностранный (английский) язык учащимся, родным языком которых является язык иной структуры. Так, исследования Т. Турсукалиева [62],

Л.Р. Беньяминова [15] и Т.Б. Меерович [42] уже ощущаются как предвестники семического подхода к выявлению общих величин, с помощью которых можно было бы установить соответствия многообразных форм прошедшего времени в родном и английском языках.

Семический подход позволил Л.Р. Беньяминову показать на материале сопоставления переводов ряда произведений английских и американских писателей на узбекский язык, что английская форма Past Indefinite для выражения единичного факта в прошлом соответствует узбекской форме прошедшего категорического времени на *-ди*; в случае выражения двух или более последовательных действий в прошлом — узбекской форме на *-(и)б + -ди*; наконец, для выражения повторного, многократного, длительного действия в прошлом (сема краткости и длительности) соответствует узбекской форме неопределенного имперфекта.

В первом исследовании по сравнительной типологии татарского и английского языков [19, с. 64–73] показано, что английская форма Past Indefinite для выражения единичного факта в прошлом (сема однократности) в татарском языке соответствует прошедшему категорическому на *-ды/-де*; ср. англ. *yesterday we went to the cinema* ~ тат. кичэ без кинога бардык; в случае выражения ряда последовательных действий в прошлом (сема многократности) соответствует прошедшему категорическому; ср. англ. *I got up, washed and had my breakfast* ~ тат. мин тордым, юндым, ашадым да киттем; для выражения многократных действий (сема краткости); ср. англ. *last summer I often went to the forest* ~ тат. узган э йне мин бик еш урманга йердем [19, с. 65–69].

Нам представляется, что проведение подобных сопоставительных исследований столь сложной системы форм прошедшего времени родного и изучаемого (английского) языков явится ценным вкладом в лингвистическое обоснование методики преподавания английского языка в средней школе с различными родными языками учащихся.

Категория залога

Категория залога представляет собой глагольную категорию, выражающую различные отношения между субъектом и объектом действия, имеющие свое морфологическое выражение в форме глагола.

Отношение субъекта к действию в большей части языков получает свое выражение в личных окончаниях глагола; отношение же действия к объекту может быть выражено падежным управлением или примыканием в зависимости от типологии языка, которая в этом случае дает себя очень отчетливо чувствовать. Как в свое время показал И.И. Мещанинов, большая часть родных языков народов нашей страны относится к языкам с номинативным строем, т.е. к языкам, в которых подлежащее выражается одинаково именительным падежом независимо от переходности или непереходности глагола-сказуемого, а прямое дополнение принимает форму винительного падежа в языках, имеющих парадигму склонения. Это языки славянские, германские, тюркские, финно-угор-

ские и некоторые другие. Но на территории нашей страны существуют такие языки, как аварский, лакский, даргинский, отчасти грузинский, в которых активный деятель при переходном глаголе вместо именительного падежа, как в языках номинативного строя, ставится в особом, так называемом эргативном падеже. Подлежащее же при переходном глаголе, выражающем состояние, а также объект действия, выраженного переходным глаголом, ставится в особом прямом падеже, обычно совпадающем по форме с именительным падежом. Для языков эргативного строя винительный падеж, как правило, отсутствует и прямое дополнение выражается не винительным, а именительным падежом. Очень отдаленным по своим формам, но все же дающим некоторое понятие об эргативном строе, является русское предложение *его сшибло машиной*, где фактическим деятелем служит *машина* — существительное в творительном падеже; сказуемое не согласуется с подлежащим и принимает довольно странную форму среднего рода прошедшего времени.

Принимая во внимание те морфологические данные, которые используются в ряде языков для выражения залоговых отношений, мы можем отметить вместе со специалистами по отдельным тюркским языкам, что в этих языках выделяются пять залогов — основной, не имеющий особых морфологических показателей; страдательный, средством выражения которого служит в данном типе языков морфема *-л/-ыл/-ел* или *-н/-ин/-ен*, с соответствующими алломорфами по языкам: ср. тат. юу *мыть*, ю-ылу *быть вымытым*; узб. ол-моқ *брать*, ол-ин-моқ *браться*; кирг. ач *открывать*, ачыл *открываться*; возвратный с морфемами *-н/-ын/-ин (-ен)*; ср. узб. юв-моқ *мыть*, юв-ин-моқ *умываться*; тат. юу *мыть*, ю-ын-у *мыться*; взаимный, характеризуемый морфемой *(-и)ш*; ср. кирг. жаз *писать*, жаз-ыш *писать друг другу*; тат. йөр *ходить*, йөреш *ходить друг к другу*; и понудительный, образуемый морфемой *-дир/-тир-*; ср. тат. ал-у *брать*, ал-дыр-у *упустить*; узб. ёз-моқ *писать*, ёз-дир-моқ *заставить писать*.

В русском, украинском и белорусском языках категорию залога имеют только переходные глаголы, вследствие чего эта категория имеет более частный характер, чем категория вида или времени, так как охватывает лишь часть глаголов, на которые распространяется категория вида и времени. Всего же в русском языке имеется три залога: действительный, возвратно-средний и страдательный. Действительный залог выражается определенными синтаксическими структурами, охватывающими переходные глаголы, обозначающие действие, направленное на прямой объект, в форме винительного падежа без предлога.

Возвратно-средний залог, морфологическим показателем которого служит морфема *-ся (-сь)*, прибавляемая к основе переходного глагола; ср.:

Лиш зібрався вечеряти Гнат —
Як приносять записку до хати:
«Зараз буде у вас дипломат».
Приготуйтеся, мовляв, зустрічати!
(Ст. Олійник)

В зависимости от своей семантики глаголы возвратно-среднего залога образуют несколько групп, из которых назовем лишь основные: 1) глаголы собственно возвратного значения, обозначающие действие, распространяющееся на носителя действия, т.е. действие, при котором субъект и объект представляются одним и тем же лицом; ср. *обуваться, умываться* и т.д.; в английском языке эта группа глаголов относится к числу глаголов переходных; ср. *to wash*, и никаких особых морфологических показателей не имеет; 2) глаголы взаимовозвратного значения, обозначающие действие двух или нескольких лиц, из которых каждое является и производителем, и объектом того же действия со стороны другого лица: *ругаться, обниматься, целоваться*; глаголы английского языка, соответствующие по своей семантике этой группе глаголов, относятся к числу переходных глаголов и никаких морфологических признаков не имеют; 3) глаголы общевозвратного значения, обозначающие сосредоточенность действия в самом производителе; ср. *образоваться, рассердиться, оскандалиться*; в английском языке для выражения глаголов этой семантики используются глаголы-связки, например, *to get angry*, или же устойчивые нефразеологизованные словосочетания, например, *to fly into a passion разгневаться, рассердиться*.

Из сказанного следует, что русскому возвратно-взаимному залогу нет формального соответствия в английском языке. Каждый глагол этого залога, имеющийся в русском языке, должен быть передан по-английски своими индивидуальными средствами, так как соответствий в обобщенной форме, каких-либо морфем — показателей этого залога — в английском языке не существует.

Совершенно иное положение можно наблюдать в обоих языках относительно страдательного залога.

В русском и украинском языках морфологическим показателем страдательного залога служит аффикс *-ся*, присоединяемый к основам глаголов действительного залога, или же формы страдательного причастия, образуемые от основ переходных глаголов с помощью суффиксов *-м-, -н- (-нн-), -т-* в сочетании с личными формами глагола *быть*. Существительное, обозначающее лицо или предмет, являющееся субъектом действия, принимает форму творительного падежа, так называемого творительного действующего лица; ср. П а р а т о в (показывая обручальное кольцо): «Вот золотые цепи, которыми я скован на всю жизнь» (А.Н. Островский. Бесприданница. VII). В тюркских языках субъект действия принимает форму исходного падежа на *-дан/-ден*; ср. кирг. пахта пахтачылардан өстүрүлөт хлопок *выращивается хлопкоробами* (пахтачы хлопкороб, пахтачылардан хлопкоробами — тв. п.). В некоторых случаях для выражения субъекта в этих языках используется словосочетание, в котором субъект действия принимает форму родительного падежа, и послелог: тат. тарафыннан ~ узб. тарафидан; ср. тат. атамнын тарафыннан әителгән һ збер сүз *каждое слово, сказанное моим отцом* ~ узб. бу аскарнинг тарафидан ёзилган хат *письмо, написанное этим солдатом*.

В английском языке морфологически выраженные признаки имеют два залога: действительный, или активный залог, существующий в

формах индикатива и входящих в него форм времени и связанных с прямым или предложным дополнением, и страдательный, или пассивный залог, выраженный аналитическими формами, состоящими из форм глагола *to be* и причастия II спрягаемого глагола, т.е. $V_{bc} + V_{pt2}$.

Предполагаемые два других залога, о которых говорилось выше — взаимный и возвратный — не имеют никаких особых морфологических средств, их характеризующих, и поэтому не могут рассматриваться как особые формы залога.

В связи с категорией залога следует подчеркнуть особый характер структуры английского глагола как части речи.

Как и в ряде других языков, формы залога как особой грамматической категории представлены только у переходных глаголов. Глаголы же непереходные, к которым относятся, например, глаголы передвижения (*to go, to run, to creep, to swim*), глаголы положения в пространстве (*to sit, to lie, to stand*), глаголы физического состояния (*to rest*), глаголы нравственного состояния (*to cry, to weep*), специальных форм не имеют. Однако, если в этих глаголах активизируется сема переходности, т.е. они развивают значение переходности, то в этом случае они требуют объект в виде прямого дополнения и приобретают все признаки переходного глагола, т.е. включаются в парадигму этих глаголов, имеющих оба залога. При этом в морфологической структуре этих глаголов не происходит никаких изменений: изменяется лишь семантика (т.е. активизируется сема переходности) и его сочетаемость с членами предложения; ср. *to drive ехать (на машине)*, но *to drive a car вести машину*; *the car was driven by an experienced driver машину вел опытный водитель*; *to grow расти*, но *to grow wheat (rye) выращивать пшеницу (рожь)* и т.д.; *wheat (rye) is grown in these parts пшеницу (рожь) выращивают в этих краях*.

В других современных германских языках представлены морфологически выраженные два залога: 1) действительный (активный), существующий в формах изъявительного наклонения и входящих в него формах времени и связанных с прямым или предложным дополнением; 2) страдательный (пассивный), выраженный в немецком языке, как и в английском, аналитическими формами, состоящими из форм глагола *werden* и причастия II спрягаемого глагола, т.е. $V_{werden} + V_{pt2}$.

В современных скандинавских языках имеется два типа форм выражения страдательного залога. С одной стороны, сохраняется в несколько упрощенном виде форма пассива с морфемой шв., норв., дат. *-s < sk* (аналогия с русским *-ся, себя*); в то же время языки, имеющие эту так называемую флективную форму, создали аналитическую форму пассива, состоящую из глагола шв. *bli*, дат. *blive*, норв. *bli(ve)* и причастия II знаменательного глагола, структурно изоморфную английской и немецкой. Это, как видим, языки шведский, датский, норвежский. С другой стороны, в исландском и фарерском языках сложилась форма страдательного залога, изоморфная английской, по модели: глагол *vera быть* в соответствующей форме + причастие II; ср. исл. *að taka — að vera takin быть взятым*. Древнеисландская форма с морфемой *-sk < sik (себя)* получила новый звуковой вид *-st* и стала выразителем среднего залога, сохранив-

шего семы соответствующей древнеисландской формы на -sk, т.е. семы взаимности, возвратности и пассивности. Ср. исл. *klæðast одеваться* < *klæða sik*, *talast беседовать* < *talask* < *tala hvort við annað беседовать (друг с другом)*.

Всё сказанное о категории залога в русском и германских языках позволяет сделать следующие выводы. По числу залогов сопоставляемые языки делятся на две группы: в одной группе отчетливо выделяются два залога — действительный и страдательный, имеющий два ряда форм: а) флективную, образованную путем прибавления морфемы -ся (русский язык) и -sk к форме действительного залога (исландский, фарерский), и б) аналитическую, образованную сочетанием соответствующих форм действительного залога: русск. *быть*, шв. *bli*, дат., норв. *bli(ve)* и причастием II знаменательного глагола; во второй группе выделяются три залога — действительный, средний и страдательный; средний залог, сохраняя основные семы древнеисландского языка, изменил древнеисландскую морфему -sk на -st. Форма пассива образована по модели, отличающейся от модели пассива в первой группе языков. Поэтому, говоря о типологии форм залога в сопоставляемых языках, мы можем сказать, что эти языки включают два типа: 1) двухзалоговые языки — русский, английский, немецкий, шведский, датский, норвежский; 2) трехзалоговые языки — исландский и фарерский (см. таблицу № 14).

Таблица № 14

Языки Форма залога	Двухзалоговые						Трехзалоговые	
	русск.	англ.	нем.	шв.	дат.	норв.	исл.	фар.
Действительный	+	+	+	+	+	+	+	+
Страдательный	+	+	+	+	+	+	+	+
Флективная форма	+	—	—	+	+	+	+	+
Аналитическая форма с вспомогательным глаголом <i>быть</i>	+	+	—	—	—	—	+	+
Аналитическая форма с глаголом <i>werden</i>	—	—	+	—	—	—	—	—
Аналитическая форма с глаголом <i>bli(ve)</i>	—	—	—	+	+	+	+	+
Средний	—	—	—	—	—	—	+	+

Тот факт, что в родном и изучаемом языках существуют сходные грамматические категории, хотя и имеющие различия в структурном плане, не всегда свидетельствует об типологическом подобии.

Необходимо, как и вообще в области языка, учитывать их дистрибуции и функциональное использование [72, с. 207].

Сопоставление случаев употребления форм страдательного залога в родном и изучаемом языках показывает, что их функционирование в речи иногда бывает резко различным. При сопоставлении функциональных различий в русском и английском языках мы легко обнаруживаем, что английский язык предпочитает использовать формы пассива в предложениях, где лицо или предмет в функции подлежащего испытывает на себе чье-либо воздействие, в тех случаях, где в русском языке используется форма действительного залога с прямым дополнением, оформленным винительным падежом в позиции перед сказуемым; ср. *the railway line nearby was built by the students of our Institute* *железнодорожную линию построили студенты нашего института*.

Так как предложения приведенного выше типа встречаются в текстах, особенно технической литературы, довольно часто, то отсюда следует заключение, что удельный вес страдательного залога в русском и английском языках совершенно различен. Это различие имеет свои корни в типологии обоих языков и, в частности, в различном характере и структуре выражения категории падежа в обоих языках; в отсутствии падежной системы и, следовательно, отсутствии способов морфологического выражения этой категории в английском и в наличии этой категории, морфологически оформленной, в русском языке, что создает вполне реальные возможности варьирования членов предложения в речи. В связи с этим можно назвать ряд случаев, когда русским предложениям со сказуемым в форме действительного залога в английском языке соответствуют предложения со сказуемым в пассивной форме. Эти случаи следующие:

1. Сказуемое неопределенно-личных предложений в форме действительного залога в русском языке соответствует сказуемому в форме пассива соответствующих предложений в английском языке; ср. *we were informed about his visit next week* *нам сообщили о том, что он придет на будущей неделе*.

2. Сказуемое главного предложения, выраженное глаголами речи или суждения в форме 3-го лица множественного числа (*говорят, считают, полагают, предполагают*), обычно соответствует форме пассива тех же глаголов в английском языке. Особенно часто наблюдается это соответствие в научно-технической и газетно-политической литературе.

Случаи несоответствия употребления форм пассива можно обнаружить в родных (тюркских) языках и в английском языке. Это происходит в тех случаях, когда непереходные глаголы с аффиксом страдательного залога *-(и)л* начинают функционировать в качестве сказуемого неопределенно-личного предложения, причем в этой функции они могут иметь только форму 3-го лица единственного числа; ср. тат. буген озак йөрелде — англ. *today there was much walking*; узб. *иккинчи масалага ўтилди* — *the second question was tackled*.

Необходимо подчеркнуть, что перечисленные выше случаи функциональных различий в употреблении форм страдательного залога в английском, русском и тюркских языках служат постоянным источником устойчивых ошибок в речи учащихся с родным русским и некоторыми тюркскими языками.

Категория модальности

Категория модальности представляет собой лексико-грамматическую категорию, выражающую отношение действия к действительности, устанавливаемое говорящим лицом.

В различных языках категория модальности выражается различными средствами. Во всех языках, в том числе в английском и русском, модальность может быть выражена как грамматическими, так и лексическими средствами: а) формами наклонений; б) модальными словами – русск. *возможно, вероятно, наверное, кажется* и т.д., англ. *certainly, maybe, perhaps, possibly* и т.д.; в) модальными глаголами – *мочь, уметь, хотеть, желать, долженствовать* и т.д., *can, may, must* и т.д.; г) модальными частицами – *авось, едва ли, пожалуй*, а также интонацией.

Для типологической характеристики языка важное значение имеют грамматические средства выражения модальности, элементы структуры языка. Поэтому сопоставление категории модальности в родном и изучаемом языках будет в дальнейшем проводиться в плане сопоставления грамматических средств ее выражения.

Отношение действия к действительности может быть различным; если действие мыслится как реальное, то мы имеем модальность действительности; если же действие мыслится как нереальное, возможное или невозможное, как желательное или вероятное, то мы имеем модальность недействительности.

Основным грамматическим средством выражения модальности действительности служит изъявительное наклонение, или индикатив, представленный во всех языках в виде различного числа временных форм. Изъявительное наклонение обозначает действие, которое мыслится говорящим как соответствующее реальной действительности. Отсюда наличие во всех формах модальности действительности семы «реальность» [22, с. 78].

Изъявительное наклонение как в родном, так и в изучаемом языке обозначает реальное действие, происходящее в плане настоящего времени, происшедшее в прошлом или действие в будущем, вследствие чего это наклонение получает свое выражение в соответствующих формах времени, числа и лица.

Поэтому, хотя модальность действительности по своему содержанию сходна как в родном, так и в изучаемом языке, т.е. носит универсальный характер, тем не менее способы ее выражения зависят от системы видо-временных форм, которые, как известно, имеют значительные расхождения по языкам. Так, например, в русском, украинском, белорусском, латышском, армянском, таджикском и других языках модальность действительности, относящаяся к настоящему времени, выражается одной формой настоящего времени; в азербайджанском, туркменском, узбекском, хакасском модальность действительности, относящаяся к настоящему времени, получает свое выражение в двух формах: так называемого настоящего данного момента и настоящего общего.

Такое различие в составе глагольных временных форм чревато трудностями для учащихся как в отношении правильного выбора глагольной формы для употребления в речи, так и для адекватного понимания прочитанного или услышанного речевого материала. Совершенно очевидно, что носители узбекского языка, где имеются две формы настоящего времени, легче усвоят употребление и значение обеих английских глагольных форм, имея опору в родном языке, чем носители белорусского языка, где представлена лишь одна глагольная форма настоящего времени.

Значительно большие расхождения наблюдаются в системе грамматических средств, имеющих в различных языках для выражения модальности недействительности.

В русском и украинском языках существует лишь одно сослагательное наклонение (укр. умовний спосіб), которое иногда называют условным, или предположительным. Оно обозначает действие, которое мыслится говорящим как нереальное и лишь только как возможное или желательное.

Сослагательное наклонение в русском, белорусском и украинском языках образуется аналитическим путем — сочетанием глагола в личной форме прошедшего времени с частицей *бы* (укр. *би*), возникшей из древнерусской формы причастия на *-ль, -ла, -ло, -ли* смыслового глагола и аориста вспомогательного глагола *быть* (укр. *бути*). Эта в настоящее время неизменяемая во всех трех языках частица может находиться как перед, так и после формы глагола непосредственно или же на расстоянии. Она может также присоединяться к некоторым односложным словам типа *что*, образуя сложные по своему составу слова-союзы, например, *чтобы* (укр. *щоб*):

Л а р и с а (Огудаловой): Бежала б я отсюда куда глаза глядят. (А.Н. Островский. Бесприданница. III, 3)

укр. «Коли б рибаяки розчарувались при кожній невдачі, давно б вони перевелись на світі». (Ю. Збанацький)

Модальная недействительность во многих родных языках народов нашей страны представлена формами нескольких наклонений, имеющих обычно две-три временные формы; эти наклонения следующие: повелительное, условное и желательное (узбекский язык); повелительное и сослагательное (киргизский язык); сослагательное, предположительное и условное (татарский язык); повелительное, желательное и условное (башкирский язык); повелительное, повелительно-желательное, условное (каракалпакский язык); повелительное, условное, сослагательное, желательное, предположительное (хакасский язык); повелительное, условно-сослагательное, предположительное (таджикский язык); желательное, условное или сослагательное, побудительное, повелительное (армянский язык); условное (финский язык).

Такое многообразие форм выражения модальной недействительности в родных языках вызывает необходимость использовать семический анализ, что дает возможность обнаружить те общие величины, которые создадут подходящие условия для сопоставления перечислен-

ных выше форм выражения категории недействительности в родных языках народов нашей страны и изучаемого языка.

Сослагательное наклонение сочетает в себе ряд сем: сему «условие», сему «нереальность», сему «желание», сему «гипотетичность», сему «намерение» и др.

Одной из структурных особенностей сослагательного наклонения в русском, белорусском и украинском языках является ее вневременной характер, т.е. то, что оно может выражать недействительность, относящуюся как к плану настоящего, так и к плану прошедшего и будущего.

В противоположность структуре русского, белорусского и украинского языков, модальность недействительности имеет в английском четыре так называемых косвенных наклонения: сослагательное I, сослагательное II, предположительное и условное [56, с. 346–352].

Сослагательное наклонение I, как и русское сослагательное наклонение, имеет вневременной характер. Оно не имеет выражения категории лица или категории числа; ср. if I (he, she) go... и т.д. В качестве основной семы сослагательное I имеет сему «гипотетичность», «неуверенность» в реальности данного явления, но в то же время оно не выражает никакой противоположности тому, что имеет место в реальной действительности. Сема «гипотетичность» содержится в формах *ёз-ол-сам* (форма возможности в узбекском языке); в татарской форме на *-р иде*; ср. "шамакай гына булса бик ярар иде эле" – дип өстәп тә куйды Фабрици; англ. I wish I could think she was only that. (E. Voynich. The Gadget)

Сослагательное наклонение II в английском языке имеет в качестве основной сему «нереальность» и занимает прямо противоположное положение по отношению к формам изъявительного наклонения, в котором имеется противоположная по характеру сема «реальность». В отличие от сослагательного I, к основной семе «нереальность» присоединяется сема «настоящее» или «будущее» или же сема «прошедшее», вследствие чего в сослагательном II различаются формы настоящего времени (ср. if I were, if I saw) и формы прошедшего времени (ср. if I had been, if I had seen).

В русском, белорусском и украинском языках этим формам соответствует одна форма условного наклонения: *если бы я был, если бы я видел* и т.д.

В тюркских и некоторых других языках имеется форма прошедшего времени условного наклонения *ёз-сам эди* (узбекский язык), *жаз-ган болсом* (киргизский язык), *дия-р иде* (татарский язык), *кэкардам, кэкардас* (армянский язык), *нависам* (таджикский язык).

Предположительное наклонение, как показывает само название, имеет в качестве основной сему «предположение». Его морфологическая структура складывается из глагола should + V_{inf}. Таким образом, это наклонение в английском языке не имеет никаких грамматических категорий. Этому наклонению в русском, белорусском и украинском языках соответствует форма сослагательного наклонения. В других языках предположительному наклонению английского языка соответ-

ствуют формы предположительного наклонения на *-ай* (*-гай*): (узб. *ёз-ай-ин*), (кирг. *жаз-са экэн*), (тат. *яз-ый-м*), (арм. *грем, грес, гри*).

Категория модальности находит свое выражение также в формах повелительного наклонения. Это наклонение, как и следовало ожидать, во всех языках выражает волю, просьбу, приказание говорящего или побуждение собеседника к действию, в связи с чем основной семей форм этого наклонения служит сема «побудительность». Если формы этого наклонения соединены с отрицательной частицей *не*, то сема «побудительность» гасится и на ее место появляется сема «запрещение».

Повелительное наклонение в большей части родных языков имеет категорию лица и числа, 2-е лицо единственного и множественного числа во всех языках народов нашей страны выражается синтетическим путем; ср. русск. *рисуй – рисуйте; сиди – сидите*; фин. *lerää odдыхай – levätkää оддыхайте*; тат. *эшлэ работай – эшлэтез работайте*; узб. *ёз пиши – ёз (и)нгиз пишите* и т.д.

В английском языке в отличие от русского и других языков существует только одна форма для 2-го лица обоих чисел: *take возьми – возьмите*; тат. *ал – алыгыз; геад читай – читайте*; узб. *ўки – ўкингиз* и т.д.

Форма 1-го лица множественного числа, обращенная как к одному, так и к нескольким собеседникам, может быть выражена двояким способом в русском языке: если глагол совершенного вида, то это форма, выраженная синтетически (*пойдем, напишем, сделаем* и т.д.); если глагол несовершенного вида, то эта форма выражается аналитически (*будем читать, будем писать, будем делать* и т.д.).

Этим двум русским формам в английском языке соответствует только одна аналитическая форма *let us (let's) write, let us (let's) speak, let us (let's) sing* и т.д.

Форма 1-го лица в других языках нашей страны там, где она вообще есть, выражается синтетически; ср. фин. *ottaa брать – ottaаamme давайте возьмем*; тадж. *мо нависем давайте напишем*.

Форма 3-го лица обоих числе выражается аналитически во всех языках, кроме тюркских; ср. *пусть он придет – let him come; пусть они придут – let them come*.

В тюркских и балтийско-финских языках этой аналитической форме 3-го лица соответствует синтетическая форма, образуемая в тюркских языках с помощью морфем *-син* для ед. с. и *-синлер* для мн. ч.; ср. узб. *ёз-син, тат. яз-сын пусть он пишет*; хак. *чёр-зін пусть он ходит*; турк. *гелсин пусть он придет, голсинлер пусть они придут*; в финском с помощью морфемы *-koot (-kööt)*, присоединяемой к основе глагола: *otта брать – otтакoot пусть они берут; levätä оддыхать – levätkööt пусть они оддыхают*.

Наряду с основной семей «побудительность», представленной в значениях повелительного наклонения, в смысловой структуре русского повелительного наклонения имеется ряд сем, отсутствующих в структуре значений английской формы и составляющих их большое отличие. Так, например, в русской форме можно обнаружить сему «условие»; ср.

работай я на этом заводе, я бы освоил несколько смежных профессий; это предложение может быть заменено равнозначным предложением: *если бы я работал на этом заводе, я освоил бы несколько смежных профессий*. В предложении *хоть убей, не помню* выступает сема «предположение».

Все изложенное выше позволяет нам раскрыть смысловую структуру повелительного наклонения в русском и других языках нашей страны, а также в изучаемом английском языке и показать, что смысловая структура этого наклонения в русском языке оказывается более сложной по сравнению с английской, несмотря на тождество основной семы «побудительность».

Категория лица

Во всех языках народов нашей страны существуют особые морфемы для обозначения лица, т.е. субъекта речи, так называемые личные аффиксы, или окончания. Они используются для того, чтобы выразить отношение действия и его субъекта к говорящему лицу. Личные аффиксы глагола служат, таким образом, морфологическим средством выражения грамматической категории лица.

Наряду с языками, имеющими личные аффиксы в глаголе, существуют такие языки, как японский, китайский, индонезийский и некоторые другие, у которых морфологические средства выражения лица, т.е. личные аффиксы, отсутствуют. В таком случае категория лица выражается только лексическим путем с помощью личных местоимений или существительных, которые в любом случае должны быть употреблены в предложении, чтобы избежать недопонимания высказываемого.

Как свидетельствуют отдельные языки, личные окончания глаголов сложились в результате прибавления личных местоимений, которые некогда помещались после слов, обозначающих действия и процессы; ср. тат. мин киламен *я прихожу*, син килэсин *ты приходишь*, без килэбез *мы приходим*, сиз килэсез *вы приходите*; фин. me kysymme *мы спрашиваем*, te kysytte *вы спрашиваете*; укр. ми пишемо (робимо, кроїмо и т.д.).

В дальнейшем развитии каждого отдельного языка личные формы постепенно упростились и стали по своему звуковому виду отличаться от форм соответствующих личных местоимений; ср. тат. килэм *я прихожу*: морфема первого лица -м представляет собой упрощенную форму личного местоимения 1-го лица единственного числа -мән (мин) *я*.

Личные формы глагола содержат следующие семы: сему «субъект речи», выявляющуюся в морфеме 1-го лица, сему «адресат речи» — в морфеме 2-го лица, сему «неучастник речи» — в морфеме 3-го лица. Кроме этого, имеется некоторый дополнительный набор сем, включающихся в те или иные морфемы лица. Так, сема «безличность» выявляется во всех трех личных формах глагола; ср. *поспешишь — людей насмешишь* (поговорка); *что имеем не храним, потерявши плачем* (поговорка); *по одежке встречают, по уму провожают* (поговорка); сема «повторность действия»; ср. *я перелистываю журнал*.

В русском и других языках нашей страны категория лица выражается личными формами глагола – особой формой для каждого лица в настоящем времени несовершенного вида, в настоящем – будущем времени изъявительного наклонения и в форме повелительного наклонения: *-й* (*-и*, мягкий согласный), *-те*.

В прошедшем времени несовершенного и совершенного вида и в сослагательном наклонении в русском языке категория лица личными формами не выражается.

В английском языке имеются два способа морфологического выражения категории лица: 1) с помощью морфемы *-es (-s)* в 3-м лице единственного числа утвердительной формы настоящего общего времени (*John goes to the cinema every other day*); 2) с помощью вспомогательных глаголов *have (has)* для разряда Perfect, *am (is, are)* для разряда Continuous, *do (does)* для вопросительной и отрицательной форм разряда Indefinite.

Сопоставляя способы выражения категории лица в различных языках, можно заметить, что типологической характеристикой выражения этой категории в русском и других языках наших народов служат личные окончания глагола; в английском же языке, в противоположность русскому и другим языкам народов нашей страны, типологической характеристикой категории лица служит выражение ее с помощью вспомогательных глаголов (ср. *I am sitting, he is sitting, I have read..., he has read..., I shall come, he will come* и т.д.) и отсутствие личных окончаний.

Эти расхождения в типологии средств выражения категории лица в родном и в изучаемом языках служат постоянной причиной того, что изучающие английский язык с большим трудом овладевают формой 3-го лица единственного числа настоящего общего времени; они, как правило, «забывают» про морфему 3-го лица *-es (-s)*, единственную морфему лица во всей системе глагола, что и служит очень устойчивой причиной их многочисленных ошибок как в устной, так и в письменной речи на английском языке, особенно на первом этапе обучения. Эти ошибки не могут быть объяснены влиянием и интерференцией родного языка, где имеются личные аффиксы; они непосредственно отражают влияние типологии английского языка на процесс обучения и овладения этим языком.

Г Л А В А 4. ТИПОЛОГИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Синтаксический уровень по сравнению с морфологическим представляет собой более сложный уровень.

В отличие от морфологического уровня, единицами которого, как было отмечено ранее, являются цельнооформленные величины — морфемы, корневые и аффиксальные, синтаксический уровень имеет дело с величинами большими, чем морфема или слово; такими единицами являются словосочетание и предложение.

СЛОВСОЧЕТАНИЕ

Изучение словосочетания имеет свою историю и разработка его теории была проведена преимущественно отечественными учеными, начиная с В.В. Виноградова, четко отграничившего словосочетание от предложения и установившего нормативный характер первого и предикативный характер второго; была проведена подробная разработка всей системы словосочетания для русского языка [17, с. 10–64, 115–355; 52, с. 189, 389].

Словосочетание представляет собой соединение двух или более знаменательных слов, объединенных на основе определенного вида синтаксической связи и выполняющих номинативную функцию, например: *зеленое дерево* ~ a green tree — тат. яшел агач; тадж. дарахти сабз; эст. roheline puu и т.д.; *писать письмо* ~ to write a letter — тат. бер хат яззу; тадж. мактуб навиштан и т.д.

Таким образом, словосочетание, так же как слово, выполняет одну и ту же функцию: оно называет предмет, явление, качество, действие, процесс. Но, в отличие от слова, которое представляет собой цельнооформленную единицу лексического уровня, словосочетание состоит по меньшей мере из двух, а иногда и большего числа знаменательных слов, причем каждое из знаменательных слов, входящих в состав словосочетания, может получить расширение по существующим в данном языке законам, например: *большой город* — *очень большой промышленный город* ~ a large town — a very large industrial town (city).

В отличие от словосочетания, выполняющего, так же как и слово, номинативную, т.е. назывную функцию, 1) предложение выражает суждение, побуждение или вопрос; 2) грамматическую основу предложения составляет предикативность, т.е. выражение с помощью языковых средств отношения содержания высказывания к действительности, и наконец, 3) предложение может состоять как из одного, так и из нескольких знаменательных слов.

Словосочетания бывают свободными, если сохраняются самостоятельные лексические значения всех входящих в него знаменательных слов, соединенных на основе живой, существующей в данном языке синтаксической связи, и несвободными, если лексическая самостоятельность одного из двух или нескольких входящих в него компонентов ослаблена или полностью утрачена и оно по характеру своего значения целиком приближается к отдельному слову. Несвободные словосочетания в речи не создаются, а воспроизводятся в готовом виде; свободные же словосочетания создаются в речи по определенным, сложившимся в данном языке и активно функционирующим в речи моделям, отражающим, как правило, типологические особенности структуры данного языка. Поэтому они естественно становятся объектом типологического изучения.

Так как свободные словосочетания представляют собой синтаксически организованные по законам данного языка и семантически цельные соединения двух или нескольких знаменательных слов, то между компонентами таких словосочетаний, естественно, возникает определенная синтаксическая связь.

Свободные словосочетания в каждом языке строятся по определенным моделям, которые можно рассматривать как некоторые обобщенные величины, которые в речи наполняются различным лексическим материалом, придающим данному словосочетанию реальный содержательный характер.

Одним из основных признаков словосочетания, без которого оно фактически существовать не может, служит тип синтаксической связи, соединяющей компоненты словосочетания. Если последняя соединяет два или более компонента словосочетания, синтаксические функции которых в предложении совпадают с функцией всего предложения в целом, то такая синтаксическая связь называется сочинительной, а словосочетания, организованные на ее основе, носят название «сочинительные словосочетания». Проверить наличие сочинительного словосочетания легко: если его содержание не изменится от перестановки его компонентов, то такое словосочетание следует считать «сочинительным»; ср. англ. *fork and knife* или *knife and fork*; кроме этого следует еще помнить, что в приведенных типах словосочетаний его компоненты соединены чаще всего союзами *and*, *but* и др.

Если же в словосочетании, состоящем из двух компонентов, лишь один имеет ту же синтаксическую функцию, что и все словосочетание, а другой ее не имеет, то такой тип синтаксической связи получает название «подчинительной синтаксической связи», а словосочетания, организованные на основе такой связи, называются «подчинительными словосочетаниями».

Компоненты подчинительного словосочетания находятся в неравных отношениях друг к другу, что делает невозможной перестановку компонентов; ср. *новый мост*, англ. *a new bridge* ~ тат. *яңа купер*, узб. *янги кўприк* и т.д. — безусловно атрибутивное словосочетание; в случае же перестановки компонентов данного словосочетания, т.е. *мост новый*,

англ. *the bridge new, тат. купер яңа, узб. кўприк янги, мы получим в русском, татарском и узбекском языках предложения, выражающие суждение; для английского же языка такая перестановка просто невозможна, так как полученное сочетание слов ничего не значит, т.е. не передает никакой информации.

Особым видом синтаксической связи следует считать предикативную синтаксическую связь, которая в целом характеризует собой отношение между подлежащим и сказуемым и, следовательно, имеет непосредственное отношение к предложению. Тем не менее, в различных языках существуют словосочетания, в которых подчиненный компонент несет особую функцию: он придает предмету некоторый признак, который мыслится не как постоянный, а лишь как временный, возникающий во время совершения действия, обозначенного сказуемым предложением. Такую синтаксическую связь называют предикативной; ср. *солнце взошло красное*, англ. they sat pale *они сидели бледные*, шв. Tallskogen stod dystert (S. Lagerlöf) *Сосновый бор стоял мрачный*. Синтаксическая связь, соединяющая компоненты словосочетания типа *сидели бледные*, иллюстрирует предикативную связь.

Сравнительная типология языков среди многих других проблем разрабатывает проблему основных понятий своей науки; к числу этих основных понятий относится также понятие «тип словосочетания как единица сопоставления». Для того чтобы точнее определить это понятие, следует, прежде всего, исходить из признаков и свойств, присущих словосочетанию как особой синтаксической единице, которую можно найти в любом языке. Только тогда определение интересующего нас понятия, его объем и границы будут адекватными и достаточно универсальными.

Определяя эти основные признаки, необходимо помнить, что одним из основных признаков всякого подчинительного двучлена следует считать те синтаксические отношения, которые выявляются между компонентами двучлена. Это могут быть предикативные, атрибутивные, объектные и обстоятельственные отношения. Эти синтаксические отношения получают свое материальное выражение в виде различных конкретных приемов, с помощью которых передаются синтаксические отношения. Эти приемы следующие: 1) согласование, 2) примыкание, 3) управление. Они зависят, как отмечает В.Н. Ярцева, от морфологической структуры языка и изменяются вместе с ней [71, с. 16].

К этому следует еще добавить, что способы (приемы) выражения синтаксических связей, входя как составная часть в структуру данного языка, с одной стороны, отражают ее типологию, а с другой, несут в себе такие признаки, которые дают возможность определить типологические характеристики языка на уровне словосочетаний. Это можно наглядно показать на приводимых ниже примерах. Известно, что русский язык относится к числу языков с сильно развитой системой словоизменения, с согласованием ряда частей речи (прилагательных, порядковых числительных, притяжательных, указательных, неопределенных и других местоимений) с существительными в роде, числе и падеже. Согласование

как особый тип синтаксической связи составляет один из важных признаков словосочетания и служит одним из критериев отнесения двучлена к тому или другому типу словосочетаний.

Если для русского языка согласование служит важным типологическим показателем, то для английского языка согласование в роде, числе и падеже ни в какой степени не может служить подобным показателем, так как в этом языке перечисленные выше грамматические категории не представлены.

Не представлены эти категории и во многих других языках нашей страны; так, например, во всех тюркских языках не существует согласования ни в одной из названных категорий в системе существительного. Прилагательные, порядковые числительные, указательные местоимения в армянском, таджикском и во всех тюркских языках не согласуются с именем существительным в категории рода, числа и падежа. Единственные случаи согласования в этих языках наблюдаются в категории числа и лица в личных формах глагола, что можно показать на следующих примерах; ср. тат. (мин) *бара-м я иду*, (без) *барабыз мы идем*, (син) *бара-сын ты идешь*, (сиз) *барасыз вы идете* и т.д.; тадж. *меравам я иду*, *меравим мы идем*, *мерави ты идешь*, *меравид вы идете* и т.д.

Для определения понятия «тип словосочетания» важное значение имеют те приемы передачи синтаксических связей, которые используются в данном языке. Так, для английского языка определяющим является примыкание; а в русском языке, хотя примыкание и используется, однако, оно не имеет столь большого удельного веса и масштаба, как в английском, и потому оно не может служить признаком, который следовало бы учитывать при типологической характеристике структуры словосочетаний.

Для характеристики понятия «тип словосочетания» необходимо учитывать и такой критерий, как способы выражения синтаксических отношений в двучлене.

Как мы отмечали ранее, всякий двучлен, построенный на основе подчинительной связи, состоит из двух компонентов — из основного (стержневого) слова (или ядра) К (от английского слова *kernel* — *ядро*) и зависимого (или адъюнкта) А (от английского слова *adjunct* *определение*).

Зависимое слово (или зависимый компонент) может либо предшествовать стержневому слову (компоненту), т.е. находиться в препозиции, либо следовать за ним, т.е. находиться в постпозиции к нему. О значении порядка слов было сказано выше (с. 99).

В английском языке порядок следования компонентов словосочетания также имеет существенное значение, принимая во внимание широко распространенную в этом языке конверсию: всякое существительное, стоящее перед другими существительными, выполняет атрибутивную функцию и, следовательно, образует атрибутивное словосочетание; ср. *a tobacco pouch кист для табака*.

Роль порядка слов в структуре словосочетания была отмечена еще в XIX в. Ф. Мистели и особенно И.И. Мещаниновым [45, с. 3–13], а в недавнее время — В.М. Солнцевым [57, с. 69].

Это тем более существенно, когда положение зависимого компонента имеет постоянный характер, как, например, в английском языке, а также а тюркских языках, где зависимый компонент всегда предшествует стержневому.

Подводя итог всему вышесказанному, мы можем сделать следующий вывод: двучлен, образованный с помощью подчинительной связи, может быть охарактеризован следующими признаками, взятыми в их взаимосвязи: 1) типом синтаксических отношений — атрибутивные, объектные, обстоятельственные; 2) способом выражения синтаксических отношений — согласование, управление, примыкание, предложная связь; 3) положением зависимого компонента по отношению к стержневому — в препозиции или же в постпозиции.

Сочетание этих критериев, взятых в системе, образует ту устойчивую совокупность признаков, которая может быть положена в основу определения «тип словосочетания как единица сопоставления».

Понятие «тип», рассматриваемое по отношению к любым явлениям, в том числе и к словосочетаниям, представляет собой некоторое обобщенное понятие об особенностях данной группы фактов, явлений и т.д. В отношении словосочетаний мы также можем говорить о типе словосочетаний как об обобщенном представлении об особенностях структуры соответствующих словосочетаний, причем все общие признаки отдельного словосочетания находят свое выражение в типе словосочетания. Это дает нам возможность сформулировать наше понимание типа словосочетания как некоторой двучленной (реже трехчленной) модели, имеющей номинативную функцию, организованной на основе подчинительной связи с устойчивым сочетанием синтаксических отношений, выраженных определенным образом, и с постоянным размещением компонентов.

Типы атрибутивных словосочетаний в родном и изучаемом языках

Двучлен (или трехчлен), составленный на основе атрибутивной связи, представляет собой свободное атрибутивное словосочетание. Характер синтаксической связи в данном случае, естественно, должен быть учтен как один из основных критериев, определяющих тип данного словосочетания. Атрибутивная связь, как, впрочем, и всякая синтаксическая связь, всегда получает то или другое материальное выражение в языке. Поэтому способы (приемы) ее выражения, входя как неотъемлемая составная часть в структуру данного языка, несут в себе все признаки, которые дают возможность определить типологические характеристики языка на уровне словосочетаний. Поэтому в качестве второго критерия определения типа словосочетаний мы принимаем способы (приемы) выражения атрибутивной связи в соответствующих словосочетаниях.

Положение стержневого компонента по отношению к главному играет очень важную роль в характеристике атрибутивных словосо-

четаний. Этот критерий также должен быть принят во внимание при определении типа словосочетания.

Учет всех названных выше критериев, т.е. типа синтаксической связи, способов (приемов) ее выражения и положения зависимого компонента, служит достаточной теоретической основой для установления типов атрибутивных словосочетаний в перечисленных ниже языках.

Тип атрибутивно-препозитивный с согласованием, т.е. со структурой (A + K)¹. К этому типу относятся атрибутивные словосочетания, у которых зависимый компонент А, находящийся в препозиции к стержневому К, обладает способностью уподобляться стержневому компоненту в выражении грамматических значений, т.е. иметь согласование. Как показывают наблюдения над языками, согласование может осуществляться как по линии нескольких грамматических категорий, получающих свое материальное (морфологическое) выражение в виде определенных языковых средств – флексий, так и по линии только одной категории.

Так как наличие грамматических категорий служит одним из критериев типологической характеристики структуры языка [24, с. 22–34], согласование по линии грамматических категорий как один из важных показателей типологии языка должно быть положено в основу определения подтипов, на которые распадается этот тип. В связи с этим в нем мы можем выделить следующие подтипы атрибутивных словосочетаний:

1. Подтип с согласованием в четырех категориях (A^a + Kⁿ)₄ – роде, числе, падеже и детерминативности. Словосочетания этого подтипа представлены только в немецком языке. Хотя мы не ставим перед собой цели рассмотреть типологию немецкого языка, но, поскольку этот язык является учебным предметом в средней школе и представляет в силу особенностей своей типологии много трудностей для учащихся, мы решили остановиться именно на этом подтипе. По своей семантике словосочетания, относящиеся к этому подтипу, могут быть названы «качественными», поскольку зависимый компонент А всегда выражает качество предмета, обозначенного стержневым компонентом К.

Качественные словосочетания имеют структуру (A^a + Kⁿ). Особенность структуры немецкого языка, резко отличающая его от всех языков народов нашей страны, заключается в том, что зависимый компонент, выраженный прилагательными, принимает (согласуется) две различные формы в зависимости от того, мыслится ли стержневой компонент (существительное) как известный предмет, выделяемый из класса однородных с ним предметов, что получает свое материальное выражение в наличии определенного артикля (der, die, das) или же указательных

местоимений (dieser, diese, dieses). Или же он мыслится как предмет, принадлежащий к данному классу предметов, что материально выражается неопределенным артиклем (ein, eine, ein); ср. der neue Park — die neue Brücke — das neue Haus; ein neuer Park — eine neue Brücke — ein neues Haus.

Отсутствие словосочетаний этой структуры в родных языках народов нашей страны, даже в тех, где существует согласование в нескольких категориях, таких, как русский, украинский, белорусский или литовский и латышский, создает особенно большие трудности для учащихся, и учитель немецкого языка не может не обратить на это должного внимания.

2. Подтип с согласованием в трех категориях ($A^a + K^n$)₃ — роде, числе и падеже. Словосочетания этого подтипа очень широко и отчетливо представлены в русском, украинском, белорусском, латышском и литовском языках, где мы легко обнаруживаем атрибутивные словосочетания со структурой ($A^a + K^n$), которые мы назовем «качественными» в связи с той семантикой, которую они имеют; ($A^p + K^n$), куда входят притяжательные и указательные словосочетания; ($A^{nu} + K^n$), которые можно назвать «порядковыми», и словосочетания ($A^v + K^n$) со значением временного состояния или признака.

Уже этот перечень групп словосочетаний свидетельствует об их значении и удельном весе в структуре перечисленных выше языков и о значении согласования как типологического признака, характеризующего эти языки.

Качественные словосочетания образуют особую структурно-семантическую группу, в которой зависимый компонент А выражен преимущественно качественными прилагательными со значением размера (*большой, маленький*), объема (*узкий, широкий, низкий, высокий*), цвета (*черный, красный*) и других физических качеств (*хороший, плохой*) и психических состояний (*злой, добрый, веселый, грустный*), а стержневой компонент К выражен существительным. В структурном плане качественные словосочетания могут быть названы адъективно-именной группой. Примеры на согласование в роде: русск. *новый дом — новая улица — новое здание*; укр. *великий будинок — велика пауза — велико гніздо* и т.д.

Попутно отметим, что в литовском языке, где также имеется согласование как типологический признак, существуют только два рода — мужской и женский. Поэтому согласование в роде в этом языке происходит только по линии двух родов; ср. лит. *jaunas vyras молодой мужчина — jauna moteriške молодая женщина*.

Наличие согласования в трех категориях в перечисленных выше языках свидетельствует о том, что морфемы, образующие падежные флексии, содержат каждая три семы с грамматическим содержанием: сему рода, сему числа и сему падежа.

3. Подтип с согласованием в двух категориях ($A^a + K^n$)₂ :

а) Группа, в которой согласование проходит по линии категории рода и числа; ср. фр. *un petit garçon — une petite fille; les petits garçons — les petites filles*.

В финском и эстонском языках согласование проходит по линии категории числа и категории падежа.

б) Группа местоименно-именная со структурой ($A^P + K^n$), или притяжательная, в которой зависимый компонент A^P выражен местоимением личным, указательным, неопределенным; ср. *мой портфель – моя ручка – мое перо; мои портфели – мои ручки – мои перья*.

Русским словочетаниям этой структуры соответствуют две модели английских словосочетаний: 1) ($A^P + K^n$), т.е. словосочетание с примыканием, причем зависимый компонент выражен притяжательным или неопределенным местоимением; ср. *my bag – my penholder – my pen; my bags – my penholders – my pens*; 2) ($A^P + K^n$), т.е. словосочетание с согласованием в числе; ср. *этот город – эти города ~ this town – these towns; тот город – те города ~ that town – those towns*.

в) Группа нумеративно-именная, или «порядковая» со структурой ($A^{nu} + K^n$), где зависимый компонент A^{nu} – порядковое числительное; ср. *первый поезд – первая платформа – первое выступление* (категория рода); *первые поезда – первые платформы – первые выступления* (категория числа); *с первым поездом ~ на первой платформе ~ в первом выступлении* (категория падежа). Этим русским словосочетаниям соответствуют английские словосочетания со структурой $A^{nu} + K^n$, где зависимый компонент не согласуется со стержневым, т.е. с примыканием; ср. *the first row – the first person – the first lady*.

г) Группа причастно-именная, или группа временного состояния или признака со структурой ($A_{pt}^V + K^n$); ср. укр. *працюючий робітник – працююча робітниця – сяюче сонце* (категория рода). Словосочетания этой модели, которая имеется и в русском языке, соответствуют в английском языке словосочетаниям со структурой $A_{pt}^V + K^n$, т.е. с примыканием, где зависимый компонент выражен причастием.

Рассмотрение всех групп и подтипов атрибутивно-препозитивного типа словосочетаний с согласованием и его сопоставлений с соответствующими им типами словосочетаний в английском языке свидетельствует о том, что в русском, украинском и белорусском языках, а также в латышском и литовском красной нитью проходит согласование в трех категориях, в то время как в английском языке во многих случаях согласованию соответствует примыкание. Из этих данных вытекает одна из возможных типологических характеристик родного и изучаемого языка: для русского языка типично согласование, для английского – примыкание.

4. Подтип с согласованием в одной категории, категории числа, со структурой ($A_{poss}^P + K$)₁. Этот подтип представлен только в английском языке. Языковым средством выражения согласования служит морфема *-(e)s* множественного числа существительных. Зависимый компонент представлен двумя указательными местоимениями *this* и *that* и формами их множественного числа; ср. *this wood – these woods; that wood – those woods*.

Этот подтип совершенно не соответствует общей типологии английского языка, где, как мы видели раньше, основным видом синтакси-

ческой связи служит примыкание, а согласование зависимого и стержневого компонентов занимает очень скромное место. Поэтому он не может служить показателем какой-либо типологической характеристики структуры английского языка и при определении его типологических признаков в расчет приниматься не может.

Так как этот подтип построен на не характерном для данного языка виде синтаксической связи, то он по существу противоречит общей типологической характеристике английского языка, что и вызывает многочисленные ошибки учащихся. Эти ошибки требуют разработки особой методики обучения указательным местоимениям.

Тип атрибутивно-препозитивный с управлением, т.е. со структурой $A_c^n + K^n$. Этот тип словосочетаний очень широко распространен в большей части языков народов нашей страны, а также в английском языке, но не представлен ни в русском, ни в других восточнославянских языках.

Синтаксическая связь в этом типе словосочетаний получает свое морфологическое оформление в виде падежных морфем (падежных окончаний).

Стержневым компонентом служит, как правило, существительное; зависимым компонентом также является существительное в форме родительного (притяжательного) падежа.

По своей семантике словосочетания этого типа выражают притяжательность, почему они и могут быть названы «притяжательными словосочетаниями».

Поскольку управление, выраженное формой родительного падежа, служит одним из критериев типологической характеристики языка, представляется возможным в основу определения подтипов положить именно форму падежа зависимого компонента. Однако наличие однотипного оформления зависимого компонента в данном случае еще не является определяющим. Здесь приходится еще принимать во внимание оформление стержневого компонента, который во всех тюркских языках получает дополнительную морфему *-и* (*-ы, -у, -ү*) или *-си* (*-сы, -су, -сү*), так называемый тюркский изафет, что можно рассматривать также и как случай замыкания; ср. тат. кешенең башы *голова человека*.

Наличие изафета в тюркских языках служит основанием для выделения в притяжательном типе двух подтипов: 1) подтипа словосочетаний без изафета; 2) подтипа словосочетаний с изафетом.

В подтипе без изафета зависимый компонент — существительное — принимает соответствующие морфемы падежа: англ. 's для существительных активной категории, способных обладать чем-либо; ср. фин. -n, арм. -ի.

Различие между языками нашей страны и английским языком заключается в том, что в первых зависимым компонентом может быть любое существительное, как лицо, так и не-лицо, в то время как в английском языке в качестве зависимого компонента может быть только лицо, т.е. существительное, относящееся к активной категории; ср. англ. my brother's wish *желание моего брата*; фин. kaupungin väestö *население города* (kaupunki *город*).

Данный подтип словосочетаний представлен в английском языке следующими лексико-семантическими моделями:

1) принадлежность лицу (учреждению, коллективу), т.е. $A_{\text{poss}}^n + K^n$, ср. *my friend's hat шляпа моего друга*.

В русском, украинском и белорусском языках в разговорном стиле речи возможны словосочетания сходной структуры, например, *его сестры муж, отцов совет*; укр. *сестрина хустка платок сестры (сестрин платок)*, *батьків кожух* и т.д. Однако они не считаются нормой для современного состояния этих языков и ограничены лишь лицами в украинском языке, не носят общезыкового характера и, следовательно, их следует рассматривать как речевые варианты словосочетаний со структурой $K^n + A_{\text{gen}}^n$, входящих в состав атрибутивно-постпозитивного типа с управлением;

2) отрезок времени и его значение: *a three hours' ride, a ten minutes' talk* и т.д.; имеет весьма ограниченное употребление в языке и поэтому не учитывается здесь как типологический факт.

В русском языке словосочетаниям этой структуры и семантики соответствуют словосочетания со структурой ($A^a + K^n$), т.е. словосочетания с согласованием и зависимым компонентом — прилагательным; ср. *трехчасовая поездка; десятиминутная беседа*.

В подтипе словосочетаний с изафетом, как и в предыдущем, зависимый компонент — существительное в форме родительного падежа, в то время как стержневой компонент, как уже отмечалось ранее, получает дополнительную морфему *-и* (*-ы, -у, -ю*) или *-си* (*-сы, -су, -сү*), если основа существительного оканчивается на гласный. По данному морфологическому признаку этот подтип отличается от первого подтипа, хотя в семантическом отношении различий с первым подтипом не наблюдается; ср. тат. малайның китабы *книга мальчика*; узб. ўқувчининг китоби *книга ученика*. Словосочетания с этой структурой, т.е. $A_{\text{тьц}}^n + K_{\text{ы(сы)}}^n$, существуют во всех тюркских языках, т.е. составляют один из существенных типологических признаков этих языков, что и позволило выделить их в особый подтип словосочетаний рассматриваемого типа атрибутивных словосочетаний.

Тип атрибутивно-препозитивный с примыканием, т.е. со структурой $A + K$. Словосочетания этого типа характеризуются отсутствием какого-либо морфологического оформления синтаксической связи между стержневым и зависимым компонентами. Эту связь осуществляет порядок расположения компонентов, при котором зависимый компонент обязательно находится перед стержневым, т.е. находится в препозиции к нему.

К этому типу относятся атрибутивные словосочетания в английском, армянском и всех тюркских языках. В русском языке этот тип практически отсутствует, за исключением немногих сохранившихся от далекой древности словосочетаний, например, *жар-птица*.

Словосочетания, входящие в данный тип, не имея морфологических показателей, подразделяются на подтипы в зависимости от состава

входящих в них компонентов, точнее от принадлежности зависимого компонента к той или иной части речи. В связи с этим можно выделить именной, адъективный, местоименный и глагольный подтипы.

1. **Именной подтип.** Этот подтип со структурой $A^n + K^n$ охватывает большое число словосочетаний. В нем как стержневой, так и зависимый компонент выражен существительным, причем существительное зависимого компонента выполняет в словосочетании атрибутивную функцию.

Словосочетания именного подтипа охватывают ряд лексико-семантических моделей со значением:

а) предмета и материала, из которого он сделан; ср. англ. a silver spoon, тат. көмөш кашык *серебряная ложка*;

б) продукт и место его изготовления, например, англ. Dandee cake *кекс данди* (сорт кекса, который первоначально выпекался в г. Данди, Шотландия).

Этим двум группам словосочетаний в русском, белорусском и украинском языках соответствуют словосочетания со структурой $(A^a + K^n)$, т.е. словосочетания с согласованием стержневого компонента — существительного с зависимым компонентом — прилагательным в роде, числе и падеже; ср. *серебряная ложка — серебряные ложки — серебряных ложек* и т.д.

2. **Адъективный подтип.** К этому подтипу относятся словосочетания со структурой $(A^a + K^n)$, т.е. словосочетания, у которых зависимый компонент выражен прилагательным; ср. англ. a small town, тат. кечкенә кала *маленький город*. Соответствующие им словосочетания в русском и других восточнославянских языках имеют структуру $(A^a + K^n)$, т.е. относятся к атрибутивно-препозитивному типу с согласованием.

Обращаем также внимание на то, что указанному подтипу словосочетаний в английском языке соответствуют два типа словосочетаний $A^a + K^n$ и $A^n + K^n$; ср. a nice picture *красивая картина*; Oxford University *Оксфордский университет*; a picture gallery *картинная галерея*.

3. **Местоименный подтип.** К этому подтипу относятся словосочетания со структурой $A^P + K^n$, в которых зависимый компонент выражен местоимением притяжательным или неопределенным; ср. my stick *моя палка*, your overcoat *ваше пальто* и т.д. В тюркских языках существуют два способа передачи содержания принадлежности: морфологический способ, наиболее распространенный, с помощью аффиксов принадлежности, присоединяемых к существительному, названию предмета обладания; ср. узб. дафтар + им, англ. my notebook, дафтар + инг — your notebook, дафтар + и ego (ee) *тетрадь*. Наличие этих форм, выражающих категорию принадлежности и употребляемых в составе цельнооформленного слова, создает ряд трудностей для носителей тюркских и балтийско-финских языков, изучающих английский или немецкий язык: вследствие малой употребляемости в их родном языке отдельного притяжательного местоимения они обычно его опускают в своей речи на изучаемом иностранном языке, тем более что в английском языке притяжательные местоимения употребляются чаще, чем в русском; ср.

I put my hand into my pocket я *положил руку в карман*. Для речи на русском языке предложение «я положил мою (свою) руку в мой (свой) карман» звучало бы неестественно и даже вызвало бы насмешки, в то время как для английского языка предложение I put the hand into the pocket рассматривалось бы как абсолютно неправильное.

Соответствующие приведенным выше русские словосочетания относятся к атрибутивно-препозитивному типу с согласованием, т.е. со структурой ($A_{\text{Poss}}^{\text{P}} + K^{\text{n}}$)_з; ср. *мой сад – мои сады, ваша записка – ваши записки* и т.д.

Другим менее распространенным способом выражения притяжательности в тюркских языках является использование притяжательных местоимений, например, тат. миным (сының, уның и т.д.), которое функционирует как зависимый компонент при стержневом, выраженном существительным, что дает модель $A_{\text{Poss}}^{\text{P}} + K^{\text{n}}$, также входящую в рассматриваемый подтип; ср. тат. минем (синең) *китап моя (твоя) книга*.

4. Наречный подтип. В этом подтипе зависимый компонент выражен наречием, а стержневой может быть выражен как прилагательным, так и глаголом. В связи с этим в данном подтипе можно выделить две группы словосочетаний:

а) группа наречно-адъективная, если стержневой компонент – прилагательное, и б) группа наречно-глагольная, если стержневой компонент – глагол.

Для большей части языков нашей страны структура словосочетаний, относящихся к этой группе, включая и русский язык, оказывается сходной; ср. *very heavy очень тяжелый, very large очень большой* ~ тат. бик зур и т.д.

В наречно-глагольной группе, имеющей структуру ($A + K$), зависимый компонент – наречие – уточняет стержневой компонент – глагол в личной или неличной форме; ср. *красиво писать, быстро читать* и т.д. Русским словосочетаниям этой группы в английском языке соответствуют словосочетания с постпозицией, относящиеся к атрибутивно-постпозитивному типу, например, *to write well, to read quickly*. В других языках нашей страны наблюдается структурное сходство аналогичных наречно-глагольных словосочетаний с русским языком; ср. тат. ялгыз утыру *сидеть в одиночку*.

Приводимая ниже таблица № 15 дает наглядное представление о типологических особенностях атрибутивно-препозитивных словосочетаний в различных языках.

Тип атрибутивно-постпозитивный с управлением, т.е. со структурой $K^{\text{n}} + A_{\text{C}}^{\text{n}}$. В этом типе словосочетаний синтаксическая связь выражается с помощью падежных морфем. Стержневым компонентом служит существительное, имеющее форму, соответствующую функции всего словосочетания в предложении. Зависимый компонент находится в постпозиции к стержневому, и выражен он чаще всего бывает также существительным в форме одного из косвенных падежей, имеющих в данном

Языки	Типы	(A + K) с согласованием				$A_C^n + K^n$ с управлением			A + K с примыканием			
		под- типы	$(A^n + K^n)_4$	$(A^n + K^n)_3$	$(A^a + K^n)_2$	$(A_{poss}^p + K^n)_1$	$A_{poss}^n + K^n$	$A_{poss} + K_{poss}$	$A^n + K^n$	$A^a + K^n$	$A^p + K^n$	$A \frac{dK^a}{K^v}$
Английский							+			+	+	+
Русский			+		+							+
Белорусский			+		+							+
Украинский			+		+							+
Латышский			+			+						+
Литовский			+			+						+
Азербайджанский								+	+	+	+	+
Алтайский								+	+	+	+	+
Башкирский								+	+	+	+	+
Казахский								+	+	+	+	+
Каракалпакский								+	+	+	+	+
Киргизский								+	+	+	+	+
Кумыкский								+	+	+	+	+
Немецкий		+			+							+
Татарский												+
Туркменский								+	+	+	+	+
Узбекский								+	+	+	+	+
Хакасский								+	+	+	+	+
Чувашский								+	+	+	+	+
Якутский								+	+	+	+	+
Бурятский						+						+
Армянский						+			+			+
Грузинский												+
Таджикский												+
Французский				+	+							+
Эстонский				+		+			+	+		+

языке. Как отмечалось ранее, управление, выраженное падежной флексией, рассматривается нами как один из критериев типологической характеристики словосочетаний; поэтому представляется вполне возможным в основу определения подтипов этого типа положить именно форму падежа зависимого компонента.

В рассматриваемом типе большой удельный вес имеет **генетивный подтип** словосочетаний со структурой $K^n + A^n$, широко распространенный в русском, белорусском, украинском, литовском и латышском языках. В нем зависимый компонент A^n_{gen} в форме так называемого несогласованного родительного падежа стоит в постпозиции к стержневому компоненту.

Семантические модели этих словосочетаний достаточно разнообразны; часть их дается ниже:

а) принадлежность лицу; ср. *собака охотника, дом лесника*; укр. одяг брата.

Соответствующая ей модель в английском языке относится к атрибутивно-препозитивному типу с управлением и, следовательно, резко отличается от рассматриваемой русской модели, что влечет за собой возможность появления у учащихся устойчивых ошибок; ср. *my friend's room комната моего приятеля; the hunter's dog собака охотника*.

б) часть и целое: *улицы города, склоны гор, поверхность земли*; укр. шматок сала; лит. *knygos puslapiai страницы книги, Lietuvos sostinė столица Литвы*;

в) предмет или лицо и его качественная характеристика: *платье черного шелка, шкаф красного дерева, человек высокого роста*; укр. людина високого росту; лит. *aukso žiedelis золотое кольцо*;

г) признак — носитель признака; ср. *белизна снега, темнота ночи*; укр. харобрість воша;

д) отношение к учреждению, коллективу: *директор завода, командир полка*; укр. начальник колони, дивізія піхоти;

е) мера и количество вещества: *чашка чаю, стакан кофе, ложка сахара*; укр. центнер пшениці, кілограм цукру и т.д.;

ж) относительный признак предмета: *дружба народов*; укр. робота студентів;

з) отношение между действием и его производителем: *песня жаворонка* (= жаворонок поет), *болезнь артиста* (= артист болеет); укр. рух руки (= рука движется);

и) отношение между действием и его объектом: *валка леса* (= валят лес), *постройка моста* (= строят мост); укр. читати листа (= читают письмо), вбити звіра (= убивают зверя).

Всем перечисленным выше моделям в немецком языке, кроме модели е), соответствуют модели аналогичной структуры: *der auto des Vaters, die Tiefe des Meeres, das Lesen der Zeitung*.

В английском языке всем перечисленным выше моделям, кроме модели а), соответствует одна модель атрибутивно-предложного типа с примыканием со структурой $K^n + of + A^n$; ср. *the felling of the trees, the building of the house*.

Более скромное положение в системе словосочетаний этого типа занимают дативный подтип со структурой $K^n + A^n_{dat}$, например, *телеграмма ректору, наказ правлению* и т.д., и инструментальный подтип со структурой $K^n + A^n$. Среди небольшого числа лексико-семантических моделей этой структуры следует подчеркнуть модель, обозначающую способ передвижения, в которой стержневой компонент выражен существительным со значением средства транспорта или способа передвижения; русск. *поездка – поездом (самолетом, машиной)*. Этой русской модели в английском языке соответствует модель $K^n + by + A^n$, относящаяся к атрибутивно-предложному типу словосочетаний с примыканием; ср. *поездка на машине*; англ. a trip by car (train и т.д.).

Тип атрибутивно-постпозитивный с примыканием, т.е. со структурой $K + A$. В этом типе словосочетаний синтаксическая связь выражается простым порядком слов, или так называемым изафетом, т.е. особой частицей *и*, которая прибавляется к стержневому компоненту для указания на его связь с зависимым компонентом-прилагательным, местоимением и т.д., находящимся в постпозиции к стержневому слову.

Так как в этом типе словосочетаний его компоненты не имеют морфологического оформления, которое соответствовало бы их реальной функции в составе словосочетания, то единственным возможным средством их подразделения на подтипы является принадлежность зависимого компонента к той или другой части речи. На этой основе в рассматриваемом типе выделяется ряд подтипов. Наибольшее употребление имеет, по нашим наблюдениям, **субстантивно-адъективный подтип** со структурой $K^n + A^a$, в котором зависимый компонент выражен прилагательным. Этот подтип в зависимости от своей семантики мог бы быть назван «качественным», так как зависимый компонент выражает качество предмета, обозначенного стержневым компонентом. Качественный подтип с постпозицией представлен только в таджикском языке; ср. тадж. *байрақ-и сурх красное знамя* (букв. «знамя красное»), *хона-и нав новый дом* (букв. «дом новый»). Словосочетаниям этой структуры в английском и других языках нашей страны соответствуют словосочетания со структурой $A^a + K^n$, т.е. словосочетания адъективно-именные; ср. тадж. *байрақ-и сурх* ~ тат. кызыл байрақ ~ англ. the red banner ~ русск. *красное знамя*.

Это весьма значительное различие в структуре качественных словосочетаний в родном (таджикском) и изучаемом (английском) языках служит постоянным источником многочисленных устойчивых ошибок таджиков, изучающих английский язык, и эту структурную особенность таджикского языка необходимо постоянно учитывать преподающим английский язык в таджикских средних школах и вузах.

Другой подтип рассматриваемого типа словосочетаний со структурой $K^n + A^P_{pers}$, называемый в соответствии со своей семантикой **притяжательным**, также широко распространен в таджикском языке; ср. дастбанд-и мак *мой браслет*; қишлоқ-и шумо *ваш кишлак*. Словосочетания этого типа, так же как и предыдущего, по своей структуре зна-

чительно отличаются от английских словосочетаний той же семантики; ср. тадж. дастбанд-и ман, англ. my bracelet.

Субстантивно-именной подтип имеет структуру $K^n + A^n$; стержневой компонент K^n — существительное с более общим значением; зависимый компонент A^n — существительное с более узким значением, чаще всего имя собственное, географическое и т.д.; ср. *город Москва, река Дунай*; тадж. шаҳри Душамбе, дарё-и Панҷ *река Пандж*; в английском языке наблюдается некоторое различие в структуре словосочетаний данной семантики; так, в отношении названий городов используется предложный тип словосочетаний со структурой $K^n + of + A^n$; ср. the city of Manchester, the town of Norwich *город Норидж*. Словосочетания, содержащие названия рек, имеют ту же структуру рассматриваемого типа; ср. the river Thames *река Темза*. В тюркских языках словосочетания этой семантики имеют структуру $A^n + K^n$, т.е. как раз обратную той, которая была описана выше; ср. Казан шәһ әре *город Казань*, Идель елгәсы *река Волга*.

Поскольку структура словосочетаний типа $K^n + A^n$ значительно расходится в ряде родных языков и в английском, то этот факт следует учесть преподавателям английского языка.

Глагольный тип словосочетаний имеет структуру $K^v + A^v$; здесь зависимый компонент выражен формой инфинитива глагола, функционирующего как дополнение к стержневому компоненту, выраженному существительным; ср. *желание петь* — a wish to sing; *обещание выступить* — a promise to speak и т.д.

Если стержневой компонент выражен инфинитивом глагола в пассивной форме, например, a book to be sent, a letter to be read, то такое словосочетание соответствует русскому сложноподчиненному предложению с придаточным определительным; ср. *книга, которую нужно отослать; письмо, которое нужно прочесть* и т.д.

В тюркских языках этому словосочетанию соответствует словосочетание с препозицией, т.е. со структурой $A_{pp}^v + K^n$; ср. турк. уградылжак хат; словосочетанию a book to be read соответствует турк. словосочетание окалжак китап.

Субстантивно-нумеративный подтип со структурой $K^n + A^{nu}$, в котором зависимый компонент выражен количественным числительным, а стержневой — существительным. Этот тип включает две лексико-семантических модели со значением:

а) предметов в порядке счета; ср. room 60, chapter 10, lesson 21 и т.д. Из числа существующих в нашей стране языков только таджикский располагает сходной с английским структурой; ср. дар. сол-и як ҳазару пуҳсаду сию сейум *в 1933 году*; дарс-и бисту якум *двадцать первый урок*. Все же остальные языки имеют словосочетания этой же семантики с препозицией; ср. тат. бишенче бул мә *комната № 51*; унынчы булек *десятая глава*; башк. егерме беренче сабак *двадцать первый урок*.

В русском языке этот подтип словосочетаний представлен незначительно. Его заменяют словосочетания, входящие в состав нумеративно-именной группы подтипа с согласованием в трех категориях, атрибутивно-препозитивного типа с согласованием.

б) летосчисления, даты: year 1981, June 15. В таджикском языке имеем: сол як ҳазеру нуҳсаду хаштабу якум 1981 год.

В русском языке возможен вариант словосочетания со структурой ($K^V + A^d$); ср. год 1981-й, июнь 15-й. Однако словосочетания этой структуры не могут считаться нормой для русского языка и поэтому не могут быть учтены в типологическом плане.

Глагольно-наречный подтип. В этом подтипе, имеющем структуру $K^V + A^d$, зависимый компонент — наречие A^d , уточняющее процесс, действие, обозначенное стержневым компонентом K^V ; ср. англ. to work hard много работать; to run quickly быстро бегать (бежать).

В отличие от английского языка, не допускающего изменения порядка следования компонентов атрибутивного двучлена, русский язык допускает в равной мере словосочетания той же семантики со структурой $A^d + K^V$, т.е. $K^V + A^d = A^d + K^V$; ср. быстро читать и читать быстро; медленно ходить и ходить медленно и т.д.

В тюркских языках глагольно-наречному подтипу довольно устойчиво соответствуют препозитивные словосочетания со структурой $A^d + K^V$; ср. англ. to work well ~ узб. яхши шиламоқ.

Тип атрибутивно-предложный с примыканием и постпозицией, т.е. со структурой $K^n + pr + A^n$. Для словосочетаний этого типа характерным является отсутствие какого-либо морфологического оформления синтаксической связи, вследствие чего порядок расположения компонентов словосочетания выполняет основную грамматическую функцию.

Словосочетания этого типа широко представлены в английском языке, а из языков нашей страны — в таджикском. В других же языках народов СССР им, как правило, соответствуют различные атрибутивные словосочетания со структурой $K^n + pr + A^n$, т.е. словосочетания предложно-атрибутивного типа с управлением.

В зависимости от той части речи, какой выражен стержневой компонент, в этом типе выделяются два подтипа словосочетаний: предложно-именной и атрибутивно-предложный. В предложно-именном подтипе стержневой и зависимый компоненты выражены существительными, соединенными предлогом, например, английскому словосочетанию со структурой $K^n + in + A^n$ соответствуют русские словосочетания с различной структурой; англ. the square in the town — русск. площадь в городе, т.е. структура словосочетания $K^n + в + A^n_{prep}$.

Атрибутивно-предложный тип с постпозицией и примыканием со структурой $K^n + pr + A^n$ и тип атрибутивно-предложный с постпозицией и управлением со структурой $K + pr + Ac$ были подробно рассмотрены в книге автора [7, с. 161–169].

Типы объектных словосочетаний

Типология объектных словосочетаний была подробно рассмотрена автором ранее [6; 7, с. 170–183], поэтому здесь остановимся лишь на критериях установления типов объектных словосочетаний, которые применимы к языкам различной типологии.

Свободные объектные словосочетания представляют собой двучлен или трехчлен, у которого оба компонента, стержневой и зависимый, соединены с помощью подчинительной объектной связи. Объектные отношения получают свое материальное выражение в форме ряда конкретных приемов, которыми в этом случае служат: 1) управление — падежное, беспредложное или предложное; 2) примыкание; 3) валентность глагола — одно- или двухвалентность; 4) положение зависимого слова по отношению к стержневому — препозиция или постпозиция.

Для объектных словосочетаний особое значение имеет валентность глагола, под которой понимается способность глагола сочетаться с другими словами в предложении. Из числа различного рода валентностей, известных современному языкознанию, объектная и предикативная валентности имеют важное значение, поскольку они имеют прямое отношение к составу и структуре объектных словосочетаний. В зависимости от валентности стержневого компонента — переходного глагола — объектное словосочетание может быть двучленным или трехчленным; если глагол одновалентный, то объектное словосочетание представляет собой двучлен: *to get a package* *получить посылку*; если глагол двухвалентный, то объектное словосочетание превращается в трехчлен: *Jack sent his wife a telegram* *Джек послал своей жене телеграмму*. Если отбросить адресат (*Jack sent his wife* *Джек послал своей жене или свою жену*) или прямой объект (*Jack sent a telegram...* *Джек послал телеграмму...*), то нарушается смысловая цельность высказывания — возникает иной смысл в первом случае и впечатление незавершенности высказывания во втором. На основании сказанного мы можем определить объектное словосочетание как двучлен или трехчлен, образованные по типу подчинительной связи и характеризующиеся следующими критериями, взятыми в их взаимосвязи: 1) объектной синтаксической связью; 2) управлением или примыканием; 3) валентностью глагола; 4) препозицией или постпозицией зависимого компонента по отношению к стержневому [7, с. 171]. Сочетание этих критериев, взятых в системе, образует ту устойчивую совокупность признаков, которая может быть определена как тип объектного словосочетания, рассматриваемый в качестве единицы сопоставления.

Так как всякий тип представляет собой отвлеченное понятие, реализуемое в речи в виде некоторого множества конкретных речевых величин, то оказывается возможным сформулировать определение типа объектного словосочетания следующим образом: объектное словосочетание представляет собой двучленную или многочленную модель, имеющую номинативную функцию, организованную на основе объектной связи, являющуюся устойчивым сочетанием определенным образом выраженных синтаксических валентностных отношений и имеющую определенное размещение компонентов [7, с. 172].

Для всех типов объектных словосочетаний стержневым компонентом служит переходный глагол. В качестве зависимого компонента используются чаще всего существительные или личные и указательные местоимения, реже глаголы в одной из существующих в данном языке неличных форм, а также прилагательные и числительные.

Так как объектные словосочетания в русском и некоторых германских языках имеют типологически различные способы выражения объектной связи, вследствие чего в русском языке ведущим приемом ее выражения служит управление, а в английском, шведском, норвежском и датском языках — примыкание, то можно заранее предвидеть наличие в этих языках различий в типологии объектных словосочетаний.

Валентность переходного глагола также имеет значение для выделения типов объектных словосочетаний в рассматриваемых языках; в зависимости от этого мы различаем простые объектные словосочетания, если глагол одновалентный, и сложные объектные словосочетания, если глагол двух- и более валентный.

Есть все основания полагать, что предложенные критерии типов и подтипов объектных словосочетаний, проверенных на семи языках [6, с. 156—171], носят достаточно объективный характер и могут быть приложены для установления типов объектных словосочетаний в языках самой различной типологии.

Эти критерии были также использованы при определении типов объектных словосочетаний в самоанском [4, с. 70—72] и таитянском [9, с. 62—64] языках, где на основании предложенных критериев были выделены два типа объектных словосочетаний с подтипами. Таким образом, была найдена единица сопоставления объектных словосочетаний.

ТИПОЛОГИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В отличие от словосочетания, выполняющего, как было отмечено ранее, назывную (номинативную) функцию, предложение выражает суждение или побуждение к действию или же вопрос. Грамматическую основу предложения составляет, в отличие от словосочетания, предикативность, т.е. выражение с помощью различных средств того или иного языка отношения содержания высказывания к действительности. По своему составу предложение может состоять как из одного, так и из нескольких знаменательных слов.

Особенности предложения в разных языках

Материал различных в отношении своей типологии языков очень ясно и убедительно свидетельствует о том, что члены предложения, его составляющие, как по своей структуре, так и по своему грамматическому оформлению значительно различаются между собой по отдельным языкам. Так, в индоевропейских, в том числе в русском и в германских языках, подлежащее, как правило, имеет форму именительного падежа, как в русском, немецком, исландском, фарерском, или же форму так называемого «общего» или «субъектного» падежа, что мы имеем в английском, шведском, норвежском или датском языках. В то же время в ряде кавказских языков и в баскском языке падеж носителя действия при сказуемом — переходном глаголе — принимает форму так

называемого эргативного падежа, а при сказуемом — непереходном глаголе — форму именительного падежа. Сказуемое в том же баскском и в адыгейском языках включает в свой состав не только морфему, указывающую на носителя действия, но также и морфему адресата действия, вследствие чего личная форма глагола-сказуемого имеет значительно более осложненную форму, чем в германских языках: в шведском, норвежском и датском существуют только морфемы времени; в немецком, исландском и фарерском глагольные морфемы содержат семы времени, числа и лица подлежащего.

Эта особенность баскского и кавказских языков в свое время привлекла внимание наших отечественных ученых И.И. Мещанинова [43], М.М. Гухман [25, с. 19—35], В.Н. Ярцевой [73, с. 4—18] и ряда других, сделавших попытку разобраться в этой достаточно сложной проблеме. Как выяснилось, глагол-сказуемое в языках эргативного строя выражает синтаксические связи как бы с двух сторон — он присоединяет морфемы — показатели не только носителя действия, но также и объекта действия. Кроме того, оказалось, что сама форма подлежащего зависит от семантики сказуемого: если сказуемое выражено непереходным глаголом, то подлежащее, как уже отмечалось, принимает форму активного или эргативного падежа; при сказуемом — непереходном глаголе — подлежащее принимает форму именительного падежа; следовательно, в языках эргативного строя сказуемое обладает двойным управлением — оно управляет как подлежащим, так и дополнением.

В турецком и других тюркских языках существует различное оформление прямого дополнения в зависимости от того, выражает ли это дополнение известный, определенный предмет или же неопределенный, взятый как представитель данного класса предметов; ср. тур. *ben kitap okuyorum я читаю книги* (вообще), но *siz bana verdiginiz kitabi okumaga bittim я прочел книгу* (которую вы мне дали). Здесь существительное *kitabi (книгу)* выполняет функцию прямого дополнения, морфема *i* служит показателем определенности прямого дополнения.

Разработкой типологии синтаксических систем занимался И.И. Мещанинов, исследовавший языки различного строя и предложивший свою синтаксическую типологию языков: 1) языки пассивного строя; 2) языки эргативного строя; 3) языки номинативного строя [43].

Для типологии предложения важное значение имела «типология основного порядка», разработанная Дж. Гринбергом, привлечшим к исследованию 30 языков и положившим в ее основу следующие критерии: 1) наличие в языке предлогов или послелогов; 2) относительный порядок подлежащего (S), сказуемого (P) и дополнения (O) в повествовательных предложениях с именным подлежащим и дополнением; 3) позиция определяющих прилагательных по отношению к определяемому ими существительному [20, с. 114—162]. На основании анализа «типологии основного порядка» в упомянутых 30 языках Дж. Гринберг установил, что в большинстве обследованных им языков структура предложения оказалась построенной по одному из следующих трех типов: S + P + O, S + O + P, P + S + O.

В качестве дополнительного критерия Дж. Гринберг привлек данные так называемого «генетического порядка», т.е. положение существительного в форме родительного падежа в тех языках, где он есть, по отношению к управляющему существительному. Последний критерий, как хорошая лакмусовая бумажка, может служить одним из показателей типологической характеристики языка: так, в турецком языке, как, впрочем, и в других тюркских языках, определение, какой бы частью речи оно ни было выражено, всегда предшествует своему определяемому; ср. *уені saat новые часы*, *altın saat золотые часы* (букв. «золото-часы»), *babamın saati часы моего отца* (букв. «отца мой часы»). Иной порядок этих членов предложения оказывается просто невозможным, зависимый генетив предшествует управляющему существительному.

В противоположность этому типу предложений, существуют в некоторых языках структуры, в которых определяющие или ограничивающие члены предложения всегда располагаются после определяемых ими членов. Примером таких структур служат языки малайско-полинезийской семьи: индон. *rumah barak дом отца* (*rumah дом, barak отца*); малг. *ny trano ny mpiasa*; на mata по te tamaiti *глаза мальчика* (*na mata глаза, te tamaiti мальчик*).

При всех перечисленных выше случаях совпадения положения определения и определяемого в германских языках можно все же найти и расхождения, которые могут послужить критериями различия структуры предложения в рассматриваемых языках. Так, в шведском и датском языках определение, выраженное притяжательными местоимениями, всегда находится в препозиции к своему определяемому, например: «...Spande Per sin svarta hingst» (А. Strindberg) «Запряг Пер своего черного жеребца». В то же время в исландском, фарерском и норвежском языках картина будет иная; в этих языках притяжательное местоимение будет находиться в постпозиции, например: *De smilte når de gikk for bi sengen hans*. *Они улыбались, когда проходили мимо его кровати* (местоимение *hans его* стоит в постпозиции к существительному *sengen кровать*). Однако типологический анализ структуры словосочетаний в английском и исландском языках показал, что в первом из них — английском — синтаксическая связь, имеющая типологическую значимость, — примыкание, т.е. это именно тот основной вид синтаксической связи, которая лежит в основе всех синтаксических структур в этом языке и, следовательно, составляет основу структуры английского языка. В исландском же языке примыкание как вид синтаксической связи имеет ограниченное распространение; значительно более распространенным, т.е. имеющим более массовый характер, является согласование как вид синтаксической связи, имеющей типологическое значение. Между тем, в классификации Дж. Гринберга английский, немецкий и исландский языки попадают в одну и ту же рубрику [7, с. 197], что не соответствует истинному положению вещей. Этот факт заставляет признать, что критерии, определяющие типологию предложения, выдвинутые Дж. Гринбергом, явно недостаточны, для того чтобы

выявить те тонкие отличия, которые могли бы точнее выявить основные типологические признаки предложения.

При этом необходимо руководствоваться теми основными принципами, которые были использованы при установлении критериев типов словосочетания. Необходимо при этом исходить из тех признаков и свойств, которые присущи предложению как особой синтаксической единице, представляющей собой обязательный компонент структуры языка и поэтому бытующей в любом языке.

Критерии типов предложения

Теоретические соображения относительно определения и обоснования критериев определения типов повествовательного предложения были изложены ранее [7, с. 198–202]. Поэтому здесь нет необходимости их повторять. Выдвинутые критерии следующие: 1) составность предложения – односоставные, двусоставные предложения; 2) место сказуемого в предложении – в начале, в середине, в абсолютном конце предложения; 3) согласование – несогласование сказуемого с подлежащим; 4) препозиция или постпозиция определения по отношению к определяемому; 5) фиксированный или нефиксированный порядок слов.

Сочетание этих критериев, взятых в системе, образует ту устойчивую совокупность признаков, которая может быть положена в основу определения понятия «тип предложения как единица сопоставления». Под этим термином имеется в виду обобщенное представление об особенностях структуры соответствующих предложений, причем все общие признаки отдельного предложения находят свое выражение в типе предложения. Это дает нам возможность сформулировать определение «типа предложения» как некоторой структурно-семантической модели, выражающей законченное суждение, характеризуемой определенной структурой и порядком расположения составляющих ее компонентов.

В качестве первого критерия был предложен критерий «составности» предложения. Этот критерий, учитывающий наличие в предложении основных членов предложения – подлежащего и сказуемого, служит достаточным обоснованием выделения в качестве основных двух типов повествовательных предложений: а) тип односоставных и б) тип двусоставных предложений, в которых имеется и подлежащее, и сказуемое. Для большей части германских языков характерным следует считать ограниченное использование односоставных и наличие преимущественно двусоставных предложений. Этот признак отличает их от русского языка, где существует известное разнообразие типов односоставных предложений и вариативность их семантики. И если структура подлежащего в сопоставляемых языках не оказывает сколько-нибудь существенного влияния на типологию предложения, то структура сказуемого, служащего основным средством предикации, оказывает существенное влияние на определение типа предложения. Поэтому в дальнейшем в качестве критерия типологического анализа предложения будет взята структура сказуемого.

Типы двусоставных предложений

В двусоставном предложении сказуемое может быть двух типов в зависимости от того, какова его структура. Если сказуемое этих предложений выражено глаголом в личной форме, что является широко распространенным для русского и германских языков, то мы можем говорить о типе глагольных предложений; если же сказуемое состоит из связочного глагола и предикативной части, выраженной одной из знаменательных частей речи — существительным, прилагательным и т.д. — то мы будем иметь тип именных предложений. Таким образом, на основе учета структуры и формы выражения сказуемого двусоставные предложения делятся на два типа: 1) тип глагольных предложений; 2) тип именных предложений.

Анализ структуры предложения отчетливо показал, что место сказуемого в предложении в различных языках служит, как это ясно изложил Дж. Гринберг [20, с. 118—119], показателем типологической характеристики структуры данного языка. Например, в ирландском и уэльском диалектах глагольное сказуемое, как правило, занимает первое место в предложении; в то же время можно назвать ряд языков, в которых сказуемое занимает последнее место в предложении, фактически завершая его, как в японском, тюркских, персидском, армянском и др.

Поэтому место сказуемого в глагольном предложении должно быть учтено как типологический показатель и, следовательно, может быть положено в основу выделения типов глагольных предложений. Так как сказуемое входит в число членов так называемого «основного порядка» по Дж. Гринбергу, то мы также в дальнейшем будем давать структуру только этой части предложения, а остальные члены предложения не будут учитываться, кроме тех, которые имеют для данного типа существенное значение. Поскольку основным признаком глагольного предложения является структура $S^n + P^v + O^n$, то мы можем выделить первый тип глагольных предложений по признаку наличия в нем «прямого» словопорядка.

Тип I. Предложения с «прямым» словопорядком: $S^n + P^v + O^n$. Этот тип предложений представлен как в русском, так и во всех германских языках, составляя основное наполнение любого речевого потока. В предложениях этого типа прямой объект (если он имеется) может быть выражен существительным в форме общего падежа, как в английском, шведском, норвежском и датском языках, или существительным (личным местоимением) в форме винительного падежа, как в русском, исландском и фарерском, или же, наконец, формой личного местоимения в форме объектного падежа, как в английском, шведском, норвежском и датском. В зависимости от этого в рассматриваемом типе можно выделить три подтипа:

1. Подтип со структурой $S^{n(p)} + P^v + O^n$ — английский, шведский, норвежский, датский.
2. Подтип со структурой $S^{n(p)} + P^v + O_{acc}^{n(p)}$ — русский, немецкий, исландский, фарерский.

3. Подтип со структурой $S^n + P^v + O_{obj}^p$ — английский, шведский, норвежский, датский.

По третьему критерию, выдвинутому выше, — согласование/несогласование подлежащего со сказуемым — можно выделить еще один подтип предложения:

4. Подтип без согласования со структурой $S^n + P^v + O^n + \dots$ — английский, шведский, норвежский, датский.

5. Подтип с согласованием в числе подлежащего и сказуемого со структурой $(S^n + P^v) + O^n + \dots$ — русский, немецкий, исландский и фарерский.

По четвертому критерию — положение определения перед или после своего определяемого, т.е. в препозиции или в постпозиции к определяемому — можно выделить следующие подтипы:

6. Подтип со структурой $(A_{+s}^s + K^n)$, или $A^n + K^n$, или $A_{poss}^p + K^n$, или $A_{dem}^p + K^n$.

Этот подтип достаточно устойчив в русском, шведском, немецком, английском и датском языках; определение, выраженное прилагательным, существительным в форме родительного падежа (так называемый генетивный словопорядок), притяжательным и указательным местоимением, всегда находится перед определяемым им словом.

7. Подтип со структурой $K^n + A_{gen}^n$ — немецкий и русский языки.

8. Подтип со структурой $K^n + A_{poss}^a$ — норвежский язык (особенно лансмол), исландский, фарерский.

Тип II. Предложения с «обратным» словопорядком. Предложения этого типа возникают всякий раз, когда в начальной позиции, т.е. перед подлежащим, появляется какое-либо обстоятельственное слово или же придаточное предложение (инверсия). В таком случае сказуемое занимает первое место перед подлежащим и основной словопорядок принимает структуру $D + P^v + S^n + O^n + \dots$. Эта черта строя предложения наблюдается во всех германских языках, составляя их типологический признак (кроме английского языка).

Тип III. Предложения со сложным инфинитивом. В числе повествовательных глагольных предложений следует выделить особый тип предложений — предложения со сложным дополнением, в состав которого обязательно входит глагол в форме инфинитива. Такие предложения представляют собой как бы два самостоятельных предложения, в первом из которых выражена основная мысль, переданная сказуемым глаголом восприятия (англ. *see*, норв., дат. *se* видеть, шв. *höra*, норв. *höre* и др.), а во втором выражено дополнительное суждение, как бы поясняющее причину возникшего внешнего раздражения; ср. шв. первое предложение *Far hör ...* и второе предложение *Sonen talar i telefonen*. Оба эти предложения могут быть легко объединены в одно — *Far hör sin son tala i telefonen* Отец слышит, что его сын говорит по телефону. В отличие от германских языков, предложения названной семантики передаются по-русски сложноподчиненными изъяснительными предложениями: *Отец слышит, что сын говорит по телефону*. Однако предложения, где в каче-

стве сказуемого используются глаголы пожелания или волеизъявления (*просить, приказать*), и в русском языке относятся к этому же типу, например: *Публика просила певицу повторить романс.*

Предложения со сложным инфинитивным дополнением включают следующие три подтипа в зависимости от той формы, которую принимает прямое дополнение:

1-й подтип: прямое дополнение выражено существительным в форме общего падежа со структурой $S^n + P^v + O^n + O_{inf}^v + \dots$ – английский, шведский, норвежский, датский;

2-й подтип: прямое дополнение выражено личным местоимением в форме объектного падежа: $S^{n(p)} + P^v + O_{obj}^p + O_{inf}^v + \dots$ – английский, шведский, норвежский, датский;

3-й подтип: прямое дополнение принимает форму винительного падежа: $S^{n(p)} + P^v + O_{acc}^{n(p)} + O_{inf}^v + \dots$ – исландский, фарерский, а с глаголами волеизъявления – также русский.

В именных предложениях сказуемое состоит из двух частей: глагола-связки, в котором, как отмечает Л.С. Бархударов [12, с. 149], выражены грамматические показатели – наклонение, лицо, число, и именной (предикативной) части, в которой заключено лексическое содержание. Последняя может быть выражена любой знаменательной частью речи или же словосочетанием. Так как сказуемое именных предложений состоит из двух компонентов – глагола-связки и именной части, то критерий согласование / несогласование может касаться обоих компонентов или же может получить выражение только в одном из них, практически в глаголе-связке. Это дает нам основание для выделения двух типов: типа с согласованием в обоих компонентах сказуемого и типа с согласованием в одном компоненте сказуемого.

Тип I. Согласование в двух компонентах: $S^n + P^v + Q^n$. Различие в составе именной части, которая может быть выражена существительным, прилагательным или причастием II, служит основанием для выделения в этом типе следующих подтипов:

1. Подтип с именной частью – существительным $S + P^v + Q^n$ выражает устойчивый признак подлежащего; этот подтип можно подразделить на группы в зависимости от того, по какой категории проходит согласование:

а) согласование в роде: русский, шведский, норвежский, датский;

б) согласование в числе: русский, шведский, исландский, фарерский.

2. Подтип с именной частью – прилагательным – $S^n + P + Q^a$ выражает постоянное качество подлежащего; согласование в роде, числе: русский, исландский, фарерский.

3. Подтип с именной частью – существительным в форме творительного падежа – $S^n + P^v + Q_{abl}^n$ выражает род деятельности, занятий, профессию, причем глагол-связка в большинстве случаев имеет форму прошедшего или будущего времени: «Это верно, что вы были рабочим?» – «Да, кочегаром ...» (Н.А. Островский. Мой день) – русский язык.

4. Подтип с именной частью – прилагательным в творительном падеже со значением временного или случайного признака – $S^n + P^v + Q_{abl}^a \dots$: «...И лицо жены стало казаться тоже противным, ненавистным...» (А.П. Чехов. Выигрышный билет) – русский язык.

5. Подтип с именной частью, выраженной причастием.

6. Подтип со структурой $S^n + P^v + Q_{pt2}^v$. Предложения этого подтипа характерны для скандинавских языков, но не представлены ни в английском, ни в немецком языке.

Тип II. Согласование в одном компоненте

Особое место в типологии двусоставных предложений в германских языках занимают предложения с так называемым «постоянным» подлежащим: нем., шв., дат. *man*; англ. безличным местоимением *it*, шв., норв., дат. *det*, исл. *það*, фар. *tað*.

Предложения с неопределенно-личным местоимением *man*, как правило, обозначают неопределенное действующее лицо и имеют структуру $man + P^v + \dots$, образуя особый тип двусоставных предложений (немецкий и скандинавские языки). В английском предложения этого типа не представлены. В русском языке этим предложениям соответствуют односоставные предложения со сказуемым в 3-м лице множественного числа: *говорят, сообщают, передают* и т.д.

Предложения с безличным местоимением *det* (англ. *it*) представлены несколькими моделями в германских языках.

Модель $det + P$ обозначает различные явления погоды. «Постоянное» подлежащее *det* (исл. *það*, фар. *tað*, нем. *es*, англ. *it*) обычно называют «формальным» подлежащим [58, с. 184–185], а предложения этого типа – безличными. В русском языке этим предложениям соответствуют двусоставные предложения, например: шв. *det regnar idet dojd*; *det haglar idet grad*.

Модель $det + P^v + pr + Q$ используется всякий раз, когда возникает необходимость подчеркнуть какой-либо факт, а не действующее лицо. Подлежащее таких предложений называется «формальным»: шв. *det ringer i telefonen* *звонит телефон*; “*Det skrek en gång till*” (А. Strindberg) «*Крик повторяется*»; фар. *tað banker á hurðina* *стучат в дверь*.

Модель $det + P^v + S^n + D$ – предложения с «мнимым» подлежащим [58, с. 185–186], встречающиеся в тех случаях, когда реальное подлежащее оказывается отнесенным со своего постоянного места служебным словом *det* (в датском и норвежском – *der*), не имеющим самостоятельного значения и используемым в функции «мнимого» подлежащего (*skinnsjekt*).

Модель $det + P^v + S_{inf}^v + \dots$ – предложения с «предваряющим» подлежащим [58, с. 186–187], которые употребляются всякий раз, когда нужно подчеркнуть действие или процесс, обозначенный инфинитивом глагола, или же если следует придаточное предложение, вводимое союзом: шв. *att*, норв., дат. *at*, исл. *ad*. Дат. “*Det bliver svært, – sagbe hon langsomt, – meget svært*”. (М.Е. Nielsen) «*Это трудно – сказала она медленно, – очень трудно*».

Модель $det + P^V + S + som \dots$ – предложения с «выделительным» придаточным предложением, употребляющиеся в том случае, когда подлежащее выражает «предваряющее» указание на последующее «выделение» [58, с. 187] : исл. *Það var hús-freyja som var kominn* *Пришла домой хозяйка*.

Типы односоставных предложений

Односоставные предложения занимают различное место в типологии предложений в русском и германских языках. В русском языке нетрудно обнаружить известное разнообразие типов односоставных предложений и вариативность их семантики. В германских же языках односоставные предложения занимают весьма скромное место, значительно уступая как в количественном, так и в структурно-типологическом отношении двусоставным предложениям.

Так как односоставные предложения, как это явствует из названия, содержат один главный член – подлежащее или сказуемое с зависящими от него словам и или без них, то естественно, что тип такого предложения будет определяться в зависимости от структуры единственного главного члена предложения. Поэтому в основу нашего определения типа односоставного предложения в сопоставляемых языках будет положен критерий принадлежности главного члена предложения к той или иной части речи. В сопоставляемых языках обнаружены следующие типы односоставных предложений:

1. **Глагольный тип**, в котором главный член – глагол. В зависимости от структуры (состава) и семантики главного члена – сказуемого – глагольный тип подразделяется на подтипы.

1. **Глагольно-переходный подтип** со структурой $P^V + O^n$: шв. “*Tag en stol och sitt*” (А. Strindberg) «*Возьмите стул и садитесь*».

Если же прямое дополнение выражено личным местоимением, то вследствие различия в их структуре по отдельным языкам этот подтип разделяется на две группы:

а) группа со структурой $P^V + O_{obj}^P$ – английский, шведский, норвежский и датский языки;

б) группа со структурой $P^V + O_{acc}^P$ – русский, немецкий, исландский и фарерский языки.

2. **Глагольно-непереходный подтип** со структурой P^V . Сюда относятся русские односоставные предложения:

а) со сказуемым в форме 2-го лица ед. числа: *Тише едешь – дальше будешь*.

б) предложения со сказуемым в форме 3-го лица, например:

«Смеркалось; на столе блистая, щипел вечерний самовар, китайский чайник нагревая». (А.С. Пушкин. Евгений Онегин)

в) предложения со сказуемым в форме 3-го лица мн. числа, например: «Сюда относили раненых и тут укладывали их на подушках из хвой». (Б. Полевой. Повесть о настоящем человеке)

3. Подтип с глаголами, выражающими состояние человека (физическое или психическое) – структура $O_{dat}^P + P^V + D + \dots$, причем дополнение выражено чаще всего формой дательного падежа личного местоимения, которое при этом приобретает субъектное значение, как в русском, немецком, исландском и фарерском языках: исл. *mig þirstir мне хочется пить*, исл. *még þukir*, фар. *mæg tykir*, нем. *es dünkt mir мне кажется*.

II. **Именной тип**, в котором главный член предложения – существительное. Этот тип предложения не имеет подразделений на подтипы. Структура P^n ; главный член предложения выражен существительным в общем падеже в английском, шведском, норвежском, датском и в именительном падеже в русском, немецком, исландском и фарерском.

Все вышеизложенное о типологии предложения можно представить в виде схемы типов предложения в сопоставляемых языках.

Двусоставные предложения

А. Типы глагольных предложений

Тип I.	$S^n + P^V + O^n + \dots$	все сопоставляемые языки английский, шведский, норвежский, датский русский, немецкий, исландский, фарерский английский, шведский, норвежский, датский русский, немецкий, исландский, фарерский
1.	$S^{n(p)} + P^V + O^n + \dots$	
2.	$S^{n(p)} + P^V + O_{acc}^{n(p)} + \dots$	
3.	$S^n + P^V + O^n + \dots$	
4.	$(S^n + P^V) + O_{acc}^n + \dots$	
Тип II.	$D + P^V + S^n + O + \dots$	германские языки, кроме английского шведский, норвежский, датский немецкий, исландский, фарерский шведский, фарерский, норвежский, датский шведский, норвежский, датский исландский, фарерский
1.	$D + P^V + S^{n(p)} + O^n + \dots$	
2.	$D + P^V + S^{n(p)} + O_{acc}^{n(p)} + \dots$	
3.	$D + P^V + S^n + O_{obj}^n + \dots$	
4.	$D + P^V + S^n + O^n + \dots$	
5.	$D + (P^V + S^n) + O_{acc}^n + \dots$	
Тип III.	$S^n + P^V + O^n + O_{inf}^V + \dots$	английский, шведский, норвежский, датский английский, шведский, норвежский, датский английский, шведский, датский, норвежский
1.	$S^n + P^V + O^n + O_{inf}^V + \dots$	
2.	$S^{n(p)} + P^V + O_{obj}^p + O_{inf}^V + \dots$	

3. $S^{n(p)} + P^v + O_{acc}^{n(p)} + O_{inf}^v$ русский, исландский, фарерский

Б. Типы именных предложений

Тип I.	$S^n + P^v + Q$	все сопоставляемые языки
1.	$S^n + P^v + Q^a$	все сопоставляемые языки
а)	$(S^n) + P^v + Q_{gen}^a$	шведский, норвежский, датский
б)	$(S^n) + P^v + (Q)^{nu}$	шведский, норвежский, датский
2.	$S^{n(p)} + P^v + Q_{pt2}^v$	все сопоставляемые языки
3.	$Det + P^v$	германские языки
4.	$Det + P^v + pr + Q$	германские языки
5.	$Det + P^v + S^n + D$	германские языки
6.	$Det + P^v + S_{inf}^v + \dots$	германские языки
7.	$Det + P^v + S^n + som + \dots$	германские языки

Односоставные предложения

Тип I.	<i>Глагольный тип</i>	
1.	$P^v + Q^n$	шведский, норвежский, датский
а)	$P^v + O_{obj}^p$	шведский, норвежский, датский
б)	$P^v + O_{acc}^p$	русский, немецкий, исландский, фарерский
2.	$P^v + Q^a$	скандинавские языки
3.	$O_{dat}^p + P^v + D + \dots$	русский, немецкий, исландский, фарерский

Тип II. Именной тип

1. P^n все сопоставляемые языки

Разнообразие типов и подтипов повествовательного предложения как единицы сопоставления, которые были рассмотрены нами в отдаленно родственных языках – русском и германских, в родственных языках – германских и близкородственных языках – скандинавских, убедительно показывает, что перед учащимися стоит трудная задача – овладеть правильным построением предложения на иностранном языке, даже если их родной язык относится к индоевропейской семье языков. Не приходится говорить о том, насколько усложняется эта задача для учащихся, родной язык которых относится к совершенно другому типу языков. Преподавателю предстоит кропотливая предварительная работа по сопоставлению структуры предложений в родном и изучаемом языках; основой могут служить предложенные выше модели.

Глава 5. ТИПОЛОГИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ

Для типологического сопоставления на уровне слова существенными являются его словообразовательные признаки, обусловленные определенной системой средств и способов образования новых слов данного языка.

Исследования словообразования в германских и в русском языках позволяют сделать вывод о том, что современные германские языки используют общие им всем способы образования новых лексических единиц (слов): а) словопроизводство, б) словосложение.

В каждом из этих способов можно обнаружить общие всем этим языкам, включая и русский язык, признаки, образующие ту устойчивую совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных характеристик, которую представляется возможным назвать «типом словообразования». Для определения понятия «тип словообразования» мы исходим, как и во всех предыдущих случаях, при выдвигании критериев единиц типологического сопоставления из самой сущности словообразования как особой подсистемы языка.

ПОНЯТИЕ ТИПА СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Как известно, слова могут состоять как из одной, так и из двух и более простых морфем; этими морфемами могут быть как корневая, или точнее «основная» морфема, так и аффиксальные морфемы, образующие производные слова. Причем число их является конечным, т.е. ограниченным для каждого отдельно взятого языка. Так, для турецкого и других тюркских языков число словообразовательных морфем ограничено тремя суффиксальными морфемами, для германских языков — двумя, для русского языка характерно наличие не более двух суффиксальных морфем. В то же время число морфем словосложения в германских языках, особенно в немецком и в скандинавских языках, может достигать трех и даже четырех; ср. шв. *hälso-vårds-nämnd* комиссия по санитарному надзору; нем. *Neubau-gebiet* район новостроек; норв. *sjöfarst-by* портовый город; в русском языке сложные слова могут состоять из трех морфем и соединительной морфемы *о*, например, *вод-о-провод-чик*.

Таким образом, содержание первого критерия — это состав (структура) новообразования, т.е. число компонентов (морфем или основ), его составляющих.

Новое слово может быть образовано либо путем прибавления аффиксальных морфем после корневой морфемы, т.е. суффиксов, либо путем прибавления аффиксальных морфем перед корневой морфемой,

т.е. префиксов, либо, наконец, путем прибавления сложной аффиксальной морфемы, так называемого конфикса, сочетающего в себе как суффиксальную, так и префиксальную морфемы, взятые в их единстве, что мы наблюдаем в языках индонезийской группы малайско-полинезийской семьи языков [3, с. 203–206; 2, с. 89–90]. Например, индон. *pe + didik воспитывать + an = pendidikan воспитание*; *peng- + kaluar выходить + an = pengeluaran издание, выпуск (книги)*; мал. *faha- + ratsy плохой + ana = faharatsiana порок*; *fana- + ozona проклятие + ana = fanazoana заклинание*.

Новое слово может быть также образовано способом словосложения, причем дополняющая морфема может находиться перед основной морфемой или после нее. Этот факт дает основание для выдвижения второго критерия типологической характеристики системы словообразования: положения основной и дополняющей морфем в препозиции или в постпозиции одна к другой.

Присоединяясь к корневой морфеме, аффиксальные морфемы при образовании производного слова могут не вызывать каких-либо изменений на месте присоединения аффиксальных морфем, в так называемом морфемном шве; ср. англ. *friend + ship = friendship*, шв. *vän + skap = vänskap*, нем. *Freundschaft*, русск. *дружба* (основа *друг-*). В этом случае возможно говорить о простом примыкании аффиксальной морфемы к корневой. При словосложении мы также можем наблюдать явление простого примыкания дополняющей морфемы к основной; ср. шв. *flyg самолет + fält поле = flygfält лётное поле*; дат. *rund- + kaste бросать, метать = rundkaste передавать по радио*; англ. *house + work = housework работа по дому*.

Наиболее четко этот прием представлен в языках агглютинативного строя, например, в тюркских [5, с. 20–26]; ср. тур. ак *белый + ucuв шарик = акучув белый кровяной шарик*; ал *красный + ucuв шарик = алучув красный кровяной шарик*. Не чужд этот прием и германским языкам, где, как будет показано ниже, он широко распространен как прием словообразования.

Новые слова в германских языках могут также быть образованы с помощью постановки одного из компонентов в одной из возможных для данного языка падежных форм.

Наиболее распространенной в этом случае во всех германских языках оказалась форма родительного падежа, характеризуемого морфемами *-s*, *-o*, *-a*; ср. шв. *moder + s + mål = modersmål родной язык*; *kvinn + o + arbete = kvinnoarbete женский труд*; исл. *viking + a + skip = vikingaskip корабль викингов*.

Однако на протяжении истории развития германских языков в связи с утратой падежных форм в ряде этих языков перечисленные падежные морфемы *-s*, *-o*, *-a* переосмысливались, их функции резко изменились, и в настоящее время их обычно рассматривают как особые соединительные морфемы, включающиеся между двумя компонентами сложного слова. В русском языке также широко распространен прием использования соединительных морфем при образовании сложных слов; ср. *сад + o + вод, стал + e + вар* и т.д.

Этот способ мы будем впредь условно называть управлением по прежней функции этих морфем в германских и русском языках; ср. шв. *kvinnorarbete женский труд* = *kvinnors arbete*; *сталевар* = *варить сталь*; *вод + о + провод* = *проводить воду* и т.д.

В отдельных германских языках, в частности в английском, можно обнаружить слова, представляющие собой как бы застывший отрезок предложения, превратившийся в самостоятельную лексическую единицу, например, англ. *will-o'-the-wisp блуждающий огонек*; а *good-for-nothing бездельник, никчемный человек*; шв. *iscensätta ставить пьесу* из словосочетания *sätta i scen инсценировать*; *pånyttfödelse возрождение* из словосочетания *födäas på nytt родиться вновь, возродиться*; дат. *i gangssätte пуск машины* из словосочетания *sætte i gang пустить машину*.

Этот способ может быть назван соединением с помощью служебных слов. Вступающие в соединение морфемы — компоненты сложного слова — располагаются в определенной последовательности, соответствующей синтаксическим отношениям, существующим в данном языке.

Как показывает анализ сложных слов в сопоставляемых языках, их компоненты могут находиться в отношениях различных видов синтаксической связи: предикативной, если отношения компонентов при их трансформации выявляют предикативную связь, например, англ. *sunrise трансформируется как the sun rises*; шв. *solnedgång* — как *solen går ned*; исл. *sola uppraus* — как *solin risur upp солнце восходит*; атрибутивной связи, если отношения компонентов выявляют атрибутивную определительную связь, например, англ. *redbreast малиновка*; шв. *rödhaке малиновка, höghus высотный дом*; дат. *grönsaget овощи*; русск. *краснобай, красноречие*; объектной связи, если отношения компонентов выявляют объектную связь, например, англ. *turnscrew отвертка (that turns the screw)*: шв. *rök fång дымоход*, что можно трансформировать как *som fånger röket* и т.д.

Все сказанное относительно особенностей словообразования дает возможность сделать следующий вывод. Под типом словообразования следует понимать такую устойчивую совокупность взаимообусловленных признаков, которые удовлетворяют рассмотренным выше критериям: 1) наличие определенного конечного числа компонентов (морфем или основ), составляющих новообразованное слово; 2) положение основной и дополняющей морфем (в препозиции или постпозиции одна к другой); 3) вид синтаксической связи, в отношениях которой находятся компоненты новообразования — предикативная, атрибутивная, объектная.

Эти общие критерии дают нам достаточно твердые научные основы для выделения в системе словообразования двух классов новообразований — производных слов (дериватов) и сложных слов (комползит).

ТИПЫ ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ

В приложениях к подсистеме словопроизводства изложенные выше типологические критерии реализуются в зависимости от числа и состава

компонентов, которые способна присоединять корневая морфема. Как показывают наблюдения над конкретным материалом, представляется возможным говорить об одно-, двух- и трехкомпонентных словах.

Необходимо подчеркнуть, что подавляющее большинство так называемых знаменательных слов — существительных, прилагательных, а также местоимений и служебных слов во всех германских языках, кроме исландского и фарерского, являются одноморфемными; ср. англ. house, man, town; шв., норв., дат. hus, man (дат. mand), stad и т.д. В исландском, фарерском, а также в русском языке начальная форма слова по большей части двухморфемная, т.е. она состоит из корневой морфемы и окончания словоизменительной морфемы, которое восходит к очень далекому прошлому — к древним периодам истории этих языков. Однако эта морфема не нарушает типологию словообразовательного процесса, так как новые слова образуются от корневой морфемы, несущей также функцию основы; ср. исл. vind-ug *ветер* состоит из корневой морфемы-основы vind- и словоизменительной морфемы именительного падежа ug; производные слова vindauga *окно*, vindmylna *ветряная мельница* и т.д. образованы от основы vind-, совпадающей в этих словах с корневой морфемой vind-. Аналогично этому в русском языке существительные 1-го и 2-го склонения (слова среднего рода) имеют двухморфемную структуру, например, *зим-а*, *лет-о*; производные слова *зим-н-ий*, *лет-н-ий*, *зим-овье*, *лет-ок*, так же как в исландском и фарерском языках, образованы от основы *зим-*, *лет-*, совпадающей с корневой морфемой *зим-*, *лет-*.

В классе производных слов примером реализации способа соединения компонентов, т.е. аффиксов с корневой морфемой, служит простое примыкание, которое можно охарактеризовать как типичную агглютинацию, широко распространенную в тюркских языках (ср. тур. dost-luk); сопоставим с англ. friend-ship, шв. vän-skap, нем. Freundschaft. В германских языках, как и в тюркских, морфемные швы очень четки и производное слово легко распадается на свои компоненты. Совершенно иное наблюдается в русском языке, где вследствие различных фонетических преобразований морфемные швы выделяются с трудом (явление *фузии*); ср. русск. *слуг-а*, но *служба*, а не *слуг + ба*, *служебный*, а не *слугебный*, *сват-ать*, но *свадьба* и *просить*, но *прошение* и т.д.

Расположение аффиксальных морфем до или после корневой морфемы является типологичным для германских и русского языков, в то время как в тюркских и в японском языках корневая морфема полностью лишена способности присоединять префиксальные морфемы.

В языке индонезийской ветви малайско-полинезийской семьи языков префиксация преобладает над суффиксацией [3, с. 193—212; 2, с. 196], что выражается в способности корневой морфемы присоединять до четырех префиксальных морфем, т.е. производное слово может иметь структуру $P_4 + P_3 + P_2 + P_1 + R$; ср. малг. tamri-fan-fa-aka *взятие, захват* — tamrifampraka *заставлять держаться друг за друга* [3, с. 200—201].

Отсутствуют также в подсистеме словопроизводства германских языков и такие явления, как конфикация, широко представленная

в индонезийских языках, например, *ke- + baik хороший + an = kebaikan доброта*, со структурой *c- + R + -c* и инфиксация, существующая в австронезийских языках — кхмерском и в семитских языках; ср. араб. так называемая 8-я порода глагола имеет инфикс *-ta*, например, от глагола *qasama делить* 8-я порода будет *iq-ta-sa-ma делить между собой*.

В зависимости от позиции аффиксальной морфемы по отношению к корневой можно выделить во всех сопоставляемых языках следующие типы производных слов: а) тип суффиксальный со структурой *R + s*, подтипами *R + s₁* и *R + s₁ + s₂*; б) тип префиксальный со структурой *p + R*, подтипами *p₂ + p₁ + R*, *p₃ + p₂ + p₁ + R*; в) тип безаффиксальный, если словообразовательные морфемы равны нулю, т.е. образование новой лексической единицы происходит без какого-либо использования словопроизводящих аффиксов, например, англ. *hand* → *to hand вручать*; и г) тип смешанный суффиксально-префиксальный со структурой *p + R + s*; ср. *без-ымян + н + ый*.

Выдвинутый выше критерий числа аффиксальных морфем позволяет разбить суффиксальный тип на два подтипа: 1) одно- или моносуффиксальный со структурой *R + s*; наш материал показывает, что во всех сопоставляемых языках это самый распространенный подтип и, следовательно, имеющий для германских языков и русского языка типологически существенное значение; он представлен обильным числом моделей в системе существительных, прилагательных и глаголов [8, с. 58—64]; 2) дву- или бисуффиксальный подтип со структурой *R + s₁ + s₂*, представленный значительно более ограниченным числом моделей и, в основном, словообразованием имен существительных [8, с. 54].

Префиксальный тип также подразделяется на два подтипа: 1) одно- или монопрефиксальный со структурой *p + R*, представлен широким набором моделей, свидетельствующем о его значительной продуктивности в сопоставляемых языках, хотя он и уступает по обилию, разнообразию и емкости моделей односуффиксальному подтипу. Наиболее распространенной моделью этого подтипа следует признать модель англ. *up + R*, шв., норв., дат. *o- + R*, русск. *бес- + R*, т.е. модель со значением отсутствия чего-либо, например, нем. *Un- + sinn*, русск. *бес + смысл + иц + а*; исл. *o-gifta не- + счастье*; слова этой модели особенно распространены среди прилагательных; 2) дву- или бипрефиксальный подтип, представлен очень ограниченным числом моделей не особенно большого лексического наполнения.

Во всех германских языках представлен безаффиксальный тип. Но его образовательная способность значительно различается по языкам. Наиболее широко представлен он в английском языке, где вследствие утраты словоизменяющих морфем слова различных частей речи совпали в своей звуковой структуре, что в средне- и ранненовоанглийский период дало начало этому, в настоящее время основному, словопроизводственному способу в современном английском языке. Наиболее продуктивными и емкими являются в настоящее время две модели: модель образования глаголов от имен существительных, т.е. $R^n \rightarrow R^v$, например, *nose нос — to nose нюхать, чуют*; *eye глаз — to eye разглядыв-*

вать; и модель образования существительных от глаголов, т.е. $R^V \rightarrow R^N$, например, to run бегать – a run ход событий; to blow дуть – a blow дуновение.

В других германских языках этот способ ограничен образованием только существительных от глаголов: в немецком sprechen говорить – das Sprechen говорение; lesen читать – das Lesen чтение; или только образованием глаголов от основ существительных, как в скандинавских языках; ср. шв. bil автомашина – bila вести автомашину; или, наконец, образованием существительного от причастий настоящего времени: норв. foretagende предпринимающий – et foretagende предприятие.

В русском языке этот способ представлен, хотя не имеет типологической значимости вследствие своей ограниченности.

Тип смешанный, суффиксально-префиксальный, представлен четырьмя подтипами: 1) подтип монопрефиксально-суффиксальный со структурой $p + R + s$, т.е. слова, образованные с помощью одного префикса и одного суффикса, представлен во всех сопоставляемых языках: англ. un-employ-ment безработица; шв. be-skatt-ning налогообложение; норв. over-swømm-else наводнение; русск. при-гор-ок; 2) подтип двусуффиксально-префиксальный, т.е. $p + R + s_1 + s_2$, не очень распространен: англ. un-friend-li-ness недружелюбие; дат. for-stand-ig-hed здравый смысл; нем. Be-wohn-er-schaft жители, обитатели; 3) подтип дупрефиксально-суффиксальный, т.е. $p_2 + p_1 + R + s$, представлен очень ограниченным количеством моделей; ср. нем. un-ab-häng-ig независимый; шв. o-be-grip-lig непостижимый; норв. o-rå-lite-lig ненадежный; 4) подтип дупрефиксально-двусуффиксальный, т.е. $p_2 + p_1 + R + s_1 + s_2$, представлен единичными лексическими единицами; ср. шв. o-av-häng-ig-het; нем. un-ab-häng-ig-keit независимость.

Из сказанного следует, что типологически значимым следует признать монопрефиксально-суффиксальный подтип, т.е. $p + R + s$, обладающий массовостью и отражающий основную типологию подсистемы словопроизводства.

ТИПЫ СЛОЖНЫХ СЛОВ

В применении к подсистеме словосложения критерий новообразований, предложенный выше, реализуется следующим образом: 1) число компонентов, образующих сложное слово – два или три; 2) способ соединения компонентов – примыкание, присоединение с помощью соединительной морфемы, соединение с помощью служебных слов; 3) тип синтаксической связи между компонентами сложного слова – предикативная, атрибутивная, объектная; 4) положение основного и дополняющего компонентов – в препозиции или постпозиции.

Эти критерии дают возможность выделить следующие типы сложных слов, которые можно обнаружить в сопоставляемых языках: 1) тип двухкомпонентный со структурой $R_1 R$ и 2) тип трехкомпонентный со структурой $R_2 R_1 R$.

К двухкомпонентному типу относится подавляющее большинство слов в сопоставляемых языках, что дает основание считать этот тип сложных слов типологически значимым в германских языках.

В двухкомпонентном типе выделяются два подтипа сложных слов, что связано со способом соединения компонентов: а) подтип с примыканием, наиболее распространен в германских языках; основной компонент чаще всего бывает существительным, реже прилагательным; морфемные швы очень четкие, напоминающие швы в языках агглютинативного строя; ср. шв. *järn + väg = järnväg*; норв. *jern + bane*; нем. *Eisen + bahn*; англ. *rail + way железная дорога*; тур. *demir + yol = demiryol железная дорога*; в этом подтипе следует выделить такие широко распространенные модели, как $R_1^n R^n$, например, шв. *flug + foto авроснимок*; исл. *flug + belgur авростат*; $R^a R^n$, где первый компонент — прилагательное; ср. нем. *Schwarz + brot черный хлеб*; шв. *smel + film узкая пленка*; дат. *gråsten булыжник*; в русском языке этот подтип сложных слов представлен очень ограниченно; б) подтип с соединительной морфемой; слова этой структуры наиболее отчетливо представлены в исландском и фарерском языках, а также широко представлены в русском языке, где соединительная морфема выражена гласными *-o* или *-e*; ср. *стал-е-вар, сам-о-лет, бенз-о-колонка*. Необходимо отметить, что сложные слова этого подтипа представлены очень ограниченно, причем в качестве соединительной морфемы используются переосмысленные на новом этапе развития языков морфемы родительного падежа языка древнего периода *-s, -o, -u*; ср. шв. *vil + o + dag день отдыха*; дат. *dag-s-arbeide поденная работа*. Следует отметить особое развитие, которое получило во всех германских языках использование соединительной морфемы *-s*, с помощью которой образуется множество сложных слов этого подтипа в немецком и в скандинавских языках; в английском языке в противоположность другим германским языкам сложные слова этого подтипа представлены очень бедно, что лишает нас возможности рассматривать его как типологически существенный для данного языка.

Подтип с использованием служебных слов наиболее широко представлен в английском языке; ср. *editor-in-chief главный редактор, mother-of-pearl перламутр, jack-of-all-trades на все руки мастер*.

В зависимости от вида синтаксической связи подтип с примыканием подразделяется на группы: а) предикативную; б) атрибутивную; в) объектную, причем наиболее емкой и продуктивной следует, как показывает фактический материал сопоставляемых языков, признать атрибутивную группу, широко распространенную во всех германских языках; ср. англ. *redwing дрозд*; шв., дат. *gråben серый волк*; дат., норв. *lavland низменность*; шв. *storbonde богатый крестьянин, кулак*.

В русском языке также широко распространены атрибутивные сложные слова, но, в отличие от германских языков, сложные атрибутивные слова образуются с помощью соединительной морфемы; ср. *черн-о-зем, длинн-о-шерстный, птиц-е-лов* и т.д.

В итоге рассмотрения типологических характеристик словообразовательной системы в русском и германских языках можно сделать следующие выводы:

1. Словообразование в рассматриваемых языках представлено: а) словопроизводством и б) словосложением.

2. Типологически существенным для германских языков является примыкание с наличием четко выраженных морфемных швов в местах соединения фонем (агглютинация).

3. В отличие от германских, в русском языке типологически существенным является соединение морфем в подсистеме словосложения с помощью соединительной морфемы; в подсистеме словопроизводства наблюдается явление фузии.

4. Максимальное число аффиксальных морфем, которое может присоединять корневая морфема, не превышает двух как в препозиции, так и в постпозиции, что также составляет одну из типологических характеристик системы словопроизводства сопоставляемых языков.

5. По числу компонентов в подсистеме словосложения преобладают двухкомпонентные сложные слова, что следует рассматривать как типологический признак системы словосложения сопоставляемых языков. В отдельных германских языках (немецком) возможны трехморфемные образования, но они не могут быть включены в число типологических признаков как не обладающие массовидным характером.

6. В двухкомпонентных сложных словах дополняющая морфема находится в препозиции, что также входит в число характеристик подсистемы словосложения как русского, так и германских языков.

7. В результате учета этих признаков можно сформулировать общую типологическую характеристику словообразовательной системы германских языков как языков суффиксально-префиксальных с преобладанием суффиксального словопроизводства и как языков с преобладанием двухкомпонентных сложных слов, образованных с помощью примыкания при явлении агглютинации.

8. В отличие от германских языков, словообразовательная система русского языка может быть охарактеризована как суффиксально-префиксальная с преобладанием суффиксального словопроизводства, с преобладанием двухкомпонентных сложных слов, образованных путем соединения с помощью соединительных морфем, а также примыкания при явлении фузии.

Рассмотренные выше типологические особенности словообразования должны обязательно учитываться преподавателем при объяснении новых слов иностранного языка. При этом следует обратить внимание учащихся на типовые модели образования слов в родном и изучаемом языках, составить серию специальных упражнений полутворческого характера, позволяющих самим учащимся «образовывать» слова в соответствии с типовыми моделями.

Многочисленные народы, проживающие в настоящее время на территории Советского Союза, говорят на разных родных языках, генетически составляющих отдельные языковые семьи — индоевропейскую, тюркскую, финно-угорскую и др. Однако в типологическом плане даже генетически близкородственные языки все же отличаются один от другого вследствие возникновения и развития в их структуре особых индивидуальных черт, не представленных в других языках.

Поэтому учет особенностей структуры родного и изучаемого языков, в широком значении этого слова, дает возможность преподавателю получить достаточно точные объективные данные для предвидения, прогнозирования тех методических проблем, которые возникают в процессе обучения. Ясное понимание особенностей структуры изучаемого и родного языков, рассматриваемых в системе, создает прочные лингвистические обоснования не только для прогнозирования, но и для решения конкретных методических проблем — принципов отбора учебного материала, последовательности его изучения, типологии упражнений и многое другое. В связи с этим возникает необходимость попытаться кратко и обзорно разработать суммарную типологическую характеристику особенностей определенного родного и изучаемого языков.

Мы полагаем, что подобные краткие сводки окажут необходимую помощь всем преподавателям иностранного языка в условиях конкретной аудитории с национальным родным языком. В качестве образца подобных кратких сводок мы предлагаем использовать ту практику, которая существует в области техники, где широко используются так называемые «технические паспорта», представляющие собой официальные документы, содержащие основные технические характеристики механизма, агрегата и т.д., данные об их конструкции, технических свойствах, эксплуатационных качествах.

Наличие такого «типологического паспорта», дающего основные типологические характеристики родного языка учащихся, студентов, существенно облегчило бы знакомство преподавателей иностранного языка с типологическими особенностями родного языка изучающих иностранный язык, дало бы возможность сопоставить их ведущие признаки, помогло бы преподавателю иностранного языка понять причину многих устойчивых ошибок учащихся и позволило бы на научно-лингвистической основе разработать соответствующие методы и приемы обучения речи, включив данное явление, и, наконец, разработать научно обоснованную методику обучения иностранному языку.

Помимо чисто педагогических (методических) соображений, наличие «типологического паспорта» родного или изучаемого языка приобретает также и научно-теоретическое значение как для сопоставительной типологии, так и для решения многих общих вопросов теоретического языкознания, связанных с проблемой определения общих принципов структуры и функционирования человеческого языка вообще и путей его развития в частности.

Разработка «типологического паспорта» того или другого родного или изучаемого языка является результатом тщательного исследования, проведенного в предыдущих главах, ведущих признаков структуры данного языка и выделения из них наиболее существенных, определяющих типологический облик данного языка.

В «типологический паспорт» конкретного языка следовало бы включить следующие пункты:

1. Состав фонемного инвентаря — число гласных фонем (монофтонов, дифтонов) и согласных фонем, сгруппированных по классам смычных, щелевых, аффрикат, сонорных.

2. Структура фонемного инвентаря — все виды и типы корреляций и оппозиций; функции, которые они выполняют; данные о дистрибуции фонем, включая и чередование фонем, имеющие в отдельных языках существенное значение.

3. Ударение — природа ударения, место ударения в слове, качество ударения и его функции в речевом потоке.

4. Структура слога — данные о составе вершины слога, наличии слогового равновесия, числа согласных в начале и в конце слога.

5. Интонация — данные о характеристике движения тона (нисходящий, восходящий или ровный тон); данные о характере завершения синтагм — падающее или восходящее завершение.

6. Состав грамматических категорий — данные по всем грамматическим категориям, установленным в данном языке: категории падежа, рода, числа, детерминативности и др.; данные о типе морфемных швов и характере морфем агглютинативных, флексий и др.

7. Словосочетания — характеристика типов словосочетаний по типу синтаксической связи их компонентов: а) атрибутивные, б) объектные; порядок расположения главного и зависимого компонентов: препозиция или постпозиция; а также виды синтаксических приемов: согласование, примыкание для атрибутивных, управление, примыкание, а также валентность глагола для объектных словосочетаний.

8. Предложение — основной типологический показатель — составность предложения: односоставные, двусоставные; тип основного словоупорядка $S + P + O$, $S + O + P$ или $P + S + O$ и генетивного словоупорядка $A_{gen}^n + K^n$ или $K^n + A^n$; согласование/несогласование подлежащего со сказуемым; место определения, выраженного прилагательным, местоимением; порядок слов: фиксированный, нефиксированный.

9. Структура слова — число морфем, составляющих структуру слова: одноморфемность, двухморфемность и т.д., а также число слогов, представляющих наиболее характерную черту слов данного языка: односложность, двусложность, многосложность и т.д.

10. Структура словарного состава — здесь необходимо назвать те лексические категории, которые существуют в данном языке, а также по возможности дать общую характеристику отдельных лексико-грамматических разрядов слов, т.е. частей речи, отметив, в частности, наличие или отсутствие основных классов прилагательных — качественных, относительных, притяжательных, а также развитие и функции связочных глаголов.

11. Словообразование. Сюда следует включить данные:

а) по словосложению, отметив отношения, в которых находятся компоненты сложного слова: предикативные, атрибутивные, объектные; отметить число и состав компонентов;

б) по словопроизводству, отметив возможное максимальное число присоединяемых морфем, их положение по отношению к корневой морфеме – препозиции или постпозиции; указать, какие типы производных слов преобладают: префиксальный, суффиксальный или смешанный.

12. Общее заключение. На основании учета всех типологических показателей кратко сформулировать типологическую характеристику языка.

В качестве иллюстрации приводятся «типологические паспорта» русского, английского, исландского, турецкого и таитянского языков.

Типологический паспорт русского языка

1. Состав фонемного инвентаря:

Монофонги: ряды – 2: передний, задний
передний – и, е, ы, а
задний – у, о

подъемы – 3: верхний, средний, нижний
верхний – и, ы, у
средний – е, о
нижний – а

Дифтонги – не представлены.

Согласные: класс смычных – б, б', д, д', г, г',
п, п', т, т', к, к'
класс щелевых – в, в', з, з', ж, ж'
класс аффрикат – ч, ц
класс сонорных – м, м', н, н', л, л', р, р', й

2. Структура фонемного инвентаря: одномерные оппозиции:

по признаку ряда: й – у, ы – у, э – о, и – ы
по признаку подъема: и – э, э – а, о – а, у – э

корреляция – глухость / звонкость
корреляция – твердость / мягкость
нейтрализация – глухость / звонкость
наличие исторических чередований.

3. Ударение: силовое с количественным компонентом, свободное, подвижное – несет формообразовательные функции.

4. Структура слога: вершина слога – гласный; не больше 4 согласных различного состава в препозиции и в постпозиции к вершине слога. Преобладающие типы слога: VC, VCC, VCCC, VCCCC.

5. Интонация: восходящий, нисходящий и ровный тоны; нисходящее и восходящее завершение синтагмы.

6. Состав грамматических категорий:

Категория падежа – 6: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный, предложный.

« рода – 3: мужской, женский, средний.

« числа – 2: единственное и множественное.

« детерминативности – не представлена.

« модальности – 3: изъявительное, сослагательное, повелительное наклонения.

« вида – 2: несовершенный, совершенный.

« залога – 2: действительный, страдательный.

« времени – 3: настоящее, прошедшее, будущее.

« лица – 3: 1, 2, 3 лица ед. и мн. числа.

7. Словосочетания:

а) атрибутивные – согласование в числе, роде, падеже; в препозитивных словосочетаниях преобладает постпозиция; число типов – 4;

б) объектные – управление; одно-, двухвалентность; преобладает постпозиция; число типов – 5.

8. Предложение: словопорядок свободный с преобладанием прямого S + P + O; генетивный словопорядок $N_o + N_{gen}$; наличие двусоставных и односоставных предложений с преобладанием первых; сказуемое занимает второе место в утвердительных предложениях и первое – в вопросительных.

9. Структура слова: типологически существенна двухморфемность.

10. Структура словарного состава:

наличие основных лексических категорий, образованных с помощью аффиксации; наличие трех разрядов прилагательных: качественных, относительных и притяжательных; наличие видовых пар глаголов; слабое развитие глаголов-связок; наличие предлогов.

11. Словообразование: основной способ соединения морфем – соединительная морфема; наличие фузии в морфемных швах; двухкомпонентность; препозиция дополняющей морфемы по отношению к основной; наличие не более двух словообразующих морфем.

12. Общее заключение: язык флективно-фузионный. суффиксально-префиксальный с сильным развитием согласования в знаменательных частях речи.

Типологический паспорт английского языка

1. Состав фонемного инвентаря:

Монофтонги: ряды – 5: передний, передний отодвинутый назад, средний, задний, задний продвинутый вперед
передний – i:, e, æ
передний отодвинутый – ɪ
средний – ɜ:, ə:
задний – u:

задний продвинутый — а: , л , ѵ
 подъемы — б: верхний узкий, верхний широкий, сред-
 ний узкий, средний широкий, нижний узкий, нижний
 широкий
 верхний узкий — i: , u:
 « широкий — ɪ , ʊ
 средний узкий — e
 « широкий — ə
 нижний широкий — ʌ , ɔ
 « узкий — æ , ɑ: , ɒ

Дифтонги — 9: eɪ , aɪ , ɔɪ , aʊ , ɪə , oʊ , εə , və , uə

Согласные: класс смычных: b, d, g

p, t, k

класс аффрикат: tʃ, dʒ

класс сонорных: m, n, l, r, j, ʝ

2. Структура фонемного инвентаря: одномерные оппозиции:

по признаку ряда: i: — u, ɪ — ʊ, e — ɜ: , æ — ɑ: , ɑ: — ɒ

по признаку подъема: i: — e, ɪ — e, i: — æ, ɪ — æ, e — æ, u: — ʊ, u: — ɔ:, u: — ʌ , u: — ɒ , u: — ɑ:, ʊ — ɔ: , ɔ: — ɒ , ɔ: — ɑ:, ɒ: — ɑ:,

корреляция — глухость / звонкость: p — b, t — d, k — g, f — v, s — z, tʃ — dʒ

3. Ударение: силовое с высотным компонентом, неподвижное, главное и вспомогательное, несет словоразличительную функцию.

4. Структура слога: вершина слога — гласный, слоговой согласный в неударной позиции; не больше 3 согласных устойчивого состава в препозиции; 5 согласных в постпозиции.

Преобладающие типы слога: CV, CVC.

5. Интонация: нисходящий тон; нисходящее и восходящее завершение.

6. Состав грамматических категорий:

Категория падежа — 2: существ. — общий, притяжательный; местоим. — именительный, объектный.

« рода — не представлена.

« детерминативности — определенный, неопределенный артикли;

« числа — 2: единственное и множественное.

« модальности — 6: изъявительное, сослагательное I, сослагательное II, предположительное, условное, повелительное наклонения.

« вида — не представлена.

« залога — 2: активный, пассивный.

« времени — 12: настоящее общее, настоящее длительное, перфект, длительный перфект, прошедшее, прошедшее длительное, преждепрошедшее, преждепрошедшее длительное, будущее, будущее продолженное, будущее перфектное, будущее длительное.

« лица — не выражена морфологически.

7. Словосочетания:

а) атрибутивные — примыкание; преобладает препозиция; число типов — 5;

б) объектные — примыкание; одно-, двувалентность; преобладает препозиция; число типов — 7.

8. Предложение: словопорядок твердый S + P + O; генетивный словопорядок $N_{gen} + N_o$; преобладание двусоставных предложений; сказуемое занимает второе место в предложении; порядок слов фиксированный. Односоставные предложения типологического значения не имеют.
9. Структура слова: типологически существенна — одноморфемность $R = S = W$.
10. Структура словарного состава: основные лексические категории слабо выражены; слабое развитие относительных прилагательных, широкое использование существительных в атрибутивной функции; отсутствие притяжательных прилагательных; развитие глаголов-связок; наличие предлогов.
11. Словообразование: основной способ соединения морфем — примыкание; четко выраженные морфемные швы; двухкомпонентность; препозиция дополняющей морфемы по отношению к основной; наличие не более двух словопроизводящих морфем.
12. Общее заключение: язык слабо флективный с преобладанием признаков агглютинативного типа и примыканием; отсутствие фузии на стыках морфем.

Типологический паспорт исландского языка

1. Состав фонемного инвентаря:

Монофтонги — 10: ряды — 3: передний, средний, задний
 передний — i, i, y, ε, ö, a
 средний — e
 задний — u, o, a
 подъемы — 4: верхний, средний узкий, средний широкий, нижний
 верхний — i, i, y, u
 средний узкий — e
 средний широкий — ö, ε, o
 нижний — a

Дифтонги — 4: ai, ei, oi, eu

Согласные — 22: класс смычных: b, d, g, þ, ð, ǰ, p, t, k
 класс щелевых: v, ð, j, f, þ, s, ʃ
 класс аффрикат: не представлен.
 класс сонантов: m, n, ŋ, l, r.

2. Структура фонемного инвентаря: одномерные оппозиции:

по признаку ряда: u — i, y — i, ö — ε

по признаку подъема: y — o, i — ε, u — φ

3. Ударение: силовое, неподвижное, несет словоразличительные функции.

4. Структура слога: вершина слога — гласный; отсутствие слогового равновесия; не больше 3 согласных в препозиции, не больше 2 согласных в постпозиции к вершине слога.

5. Интонация: восходящий тон; падающее завершение синтагмы (в утверждении); восходящее завершение синтагмы (в вопросе).

6. Состав грамматических категорий:

Категория падежа – 4: именительный, родительный, дательный, винительный.

« числа – 2: единственное и множественное.

« рода – 3: мужской, женский, средний.

« детерминативности – определенный, постпозитивный склоняемый, неопределенный, препозитивный артикль.

« модальности – 3: изъявительное, сослагательное, повелительное наклонения.

« вида – не представлена.

« залога – 3: активный, пассивный, возвратный.

« лица – личные окончания.

7. Словосочетания:

а) атрибутивные – согласование в числе, роде, падеже, детерминативности; преобладание препозитивных словосочетаний при наличии постпозитивных словосочетаний (притяжательных);

б) объектные – управление; одно-, двух-, трехвалентность; преобладание постпозиции; число типов – 6.

8. Предложение: два словоупорядка – прямой (S + P + O) и обратный (P + S + O); генетивный словоупорядок ($N_{gen} + N_o$); преобладание двусоставных предложений; сказуемое занимает второе место при прямом и первое место при обратном порядке; порядок слов фиксированный.

9. Структура слова: типологически существенна двухморфемность.

10. Структура словарного состава: наличие основных лексических категорий, образованных аффиксацией; слабое развитие относительных прилагательных, заменяемых словосложением с существительным в функции дополнительной морфемы; ограниченный состав глаголов-связок.

11. Словообразование: основной способ соединения морфем – примыкание; четко выраженные морфемные швы; двухкомпонентность; позиция дополняющей морфемы по отношению к основной.

12. Общее заключение: язык флективно-синтетический с отсутствием фузии; суффиксально-префиксальный с согласованием и управлением.

Типологический паспорт турецкого языка

1. Состав фонемного инвентаря:

Монофонги: ряды – 2: передний, задний

передний – i, e, ö, ü, i:

задний – u, o, a, a:, o:, u:

подъемы – 3: верхний, средний, нижний

верхний – i, i:, u, u:, ü

средний – e, ö, o, o:

нижний – a, a:

Дифтонги – не представлены.

Согласные – 22: класс смычных – b, d, g
p, t, k, k'
класс щелевых – f, v, sʒ, sj, h
класс аффрикат – tʃ, dʒ
класс сонорных – m, n, r, l, y

2. Структура фонемного инвентаря:

нёбно-губной сингармонизм
корреляция – глухость / звонкость
нейтрализация – глухость / звонкость

3. Ударение: силовое с музыкальным компонентом на ударном слоге, передвижное, фиксированное на последнем слоге, несет формообразовательную функцию.

4. Структура слога: вершина слога – гласный; не больше одного согласного в препозиции и двух согласных в постпозиции к вершине слога.

Преобладающие типы слога: VC, CVC, CVCC.

5. Интонация – не исследована.

6. Состав грамматических категорий:

Категория падежа – 6: именительный, родительный, направительный, винительный, исходный, местный.

« рода – не представлена.

« числа – 2: единственное, множественное, морфема мн. числа – -lar/-ler.

« детерминативности – не выражена.

« притяжательности – аффиксы принадлежности.

« модальности – 5: повелительное, изъявительное, условное, желательное, долженствовательное наклонения.

« аспекта – 4: положительный, отрицательный, возможности, невозможности [35, с. 191].

« залога – 5: основной, взаимный (-iʒ-), возвратный (-in-), страдательный (-il-, -n-), побудительный (-dir-/tir-).

« времени – 14: настоящее I, настоящее-будущее, настоящее-длительное, прошедшее категорическое, прошедшее-субъективное, прошедшее-настоящее, будущее категорическое, ближайшее будущее, определенный имперфект, неопределенный имперфект, прошедшее длительное, давнопрошедшее I, давнопрошедшее II, будущее-прошедшее.

« лица – личные окончания глагола.

Наличие послелогов вместо предлогов.

7. Словосочетания:

а) атрибутивные – примыкание; преобладание препозиции зависимого компонента;

б) объектные – управление: преобладание препозиции стержневого компонента.

8. Предложение: словопорядок твердый (S + O + P); генетивный словопорядок N_{gen} + N_{si}; двусоставные предложения; сказуемое занимает

последнее место в предложении; словопорядок в вопросительном предложении тот же, что в утвердительном (S + O + P).

9. Структура слова: типологически существенна – одноморфемность: R = S = W.
10. Структура словарного состава: отсутствие лексической категории «лицо женского пола»; отсутствие относительных и притяжательных прилагательных и замена их определительными словосочетаниями с изафетом II и III; широкое распространение вспомогательных глаголов – etmek, kilmak, götmek и др.; наличие послелогов, отсутствие предлогов.
11. Словообразование: основной способ соединения морфем – примыкание; отсутствие фузии, четкость морфемных швов; препозиция дополнительной морфемы в сложных словах; отсутствие префиксации; наличие не более трех суффиксальных словообразующих морфем.
12. Общее заключение: язык агглютинативный, одноморфемный, суффиксальный с примыканием и четкими морфемными швами.

Типологический паспорт таитянского языка

1. Состав фонемного инвентаря:

Монофонги: ряды – 2: передний, задний
передний – i:, i, e:, e, a
задний – u:, u, o, o:, a:
подъемы – 3: верхний, средний, нижний
верхний – i:, i, u:, u
средний – e:, e, o:, o
нижний – a:, a

Дифтонги – не представлены.

Согласные – 9: класс смычных – p, t
класс щелевых – v, f, h
класс аффрикат – отсутствует
класс сонорных – m, n, ɣ

2. Структура фонемного инвентаря: одномерные оппозиции:

по признаку ряда: i – u:, i – u, e – o:, e – o

3. Ударение: силовое, музыкальное, неподвижное.

4. Структура слога: вершина слога – гласный; преобладают открытые слоги типа V и CV. Стечение согласных невозможно; закрытые слоги не представлены.

5. Интонация – не исследована.

6. Состав грамматических категорий: категория падежа – не представлена.

« рода – не представлена.

« числа – 3: единственное, двойственное, множественное (в личных местоимениях и предикативных глаголах).

« детерминативности – неопределенный и определенный артикли.

« модальности – не представлена.

« вида – 2: общий, многократный.

« залога – 3: действительный, страдательный, понудительный.

« времени — модель «глагольный определитель + предикатив».
« лица — не представлена.

7. Словосочетания:

- а) атрибутивные — примыкание; преобладает постпозиция; препозиция ограничена; число типов — 4;
 - б) объектные — примыкание; только постпозиция; число типов — 2.
8. Предложение: словопорядок P + S + O; генетивный порядок $N_1 + N_2$ или $N_1 + a(\text{на}) + N_2$; наличие определительных классов слов (именные, предикативные); преобладают двусоставные предложения, состоящие из именной и предикативной синтаксических групп; сказуемое занимает первое место в предложении; определение следует за определяемым им словом, порядок слов фиксированный.
9. Структура слова: типологически существенна — одноморфемность.
10. Структура словарного состава: основные лексические категории представлены ограниченно; представлены только качественные прилагательные (предикативные III группы); полностью отсутствуют относительные и притяжательные прилагательные; местоимения имеют две формы — инклюзивную и эксклюзивную; широко развитая омонимия слов, значения которых выявляются использованием определителей; наличие предлогов.
11. Словообразование; основной способ соединения морфем — примыкание; отсутствие фузии; четко выраженные морфемные швы; преобладание префиксации в словопроизводстве; не более одной аффиксальной морфемы; R = S = W; редупликация полная и частичная; осложненные слова-повторы; широко распространены составные слова.
12. Общее заключение: язык аморфно-агглютинативный, префиксально-суффиксальный с примыканием и постпозицией.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдуазизов А.А.* Сопоставительный анализ гласных фонем английского и узбекского языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1967.
2. *Алиева Н.Ф., Аракин В.Д., Оглоблин А.К., Сирк Ю.Х.* Грамматика индонезийского языка. – М., 1972.
3. *Аракин В.Д.* Типологические особенности словообразовательной системы в некоторых языках индонезийской группы // *Языки Юго-Восточной Азии.* – М., 1967.
4. *Аракин В.Д.* Самоанский язык. – М., 1973.
5. *Аракин В.Д.* Сложные существительные с первым компонентом прилагательным цвета в турецком языке // *Тюркология.* – Л., 1976.
6. *Аракин В.Д.* Типология объектных словосочетаний в скандинавских языках // *Типология германских литературных языков.* – М., 1976.
7. *Аракин В.Д.* Сравнительная типология английского и русского языков. – Л., 1979.
8. *Аракин В.Д.* Некоторые типологические характеристики системы словообразования в германских языках // *Сопоставительный лингвистический анализ.* – Куйбышев, 1980. – Т. 240.
9. *Аракин В.Д.* Таитянский язык. – М., 1981.
10. *Ахматов Т.К., Давлетов С.А., Жанаров Ш.Ж., Захарова О.В.* Киргизский язык. – Фрунзе, 1975.
11. *Бакеева Д.Х.* Сопоставительный анализ основных фонетических явлений английского и татарского языков в учебных целях: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1954.
12. *Бархударов Л.С.* Структура простого предложения современного английского языка. – М., 1966.
13. *Баскаков Н.А., Хамзаев М.Я., Чарыяров Б.* [ред.] Грамматика туркменского языка. Ч. I. Фонетика и морфология. – Ашхабад, 1970.
14. *Баскаков Н.А.* [ред.] Грамматика хакасского языка. – М., 1975.
15. *Беньяминов Л.Ф.* Методика преподавания английских временных форм Past Indefinite и Past Continuous в узбекской студенческой аудитории: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 1980.
16. *Бураев И.Д.* Звуковой состав бурятского языка. – Улан-Удэ, 1959.
17. *Виноградов В.В.* Грамматика русского языка. – М., 1954. – Т. II.

18. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. — Л., 1977.
19. Гатиатуллина З.З. Сравнительная типология родного (татарского) и английского языка. — Казань, 1979.
20. Гринберг Дж. Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов / Пер. с англ. // Новое в лингвистике. — М., 1970. — Вып. V.
21. Гринберг Дж., Осгуд Ч., Дженкинс Дж. Меморандум о языковых универсалиях / Пер. с англ. // Новое в лингвистике. — М., 1970. — Вып. V.
22. Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. — М., 1969.
23. Гухман М.М. Готский язык. — М., 1958.
24. Гухман М.М. О единицах сопоставительно-типологического анализа грамматических систем родственных языков // Структурно-типологическое описание современных германских языков. — М., 1966.
25. Гухман М.М. Позиция подлежащего в языках различных типов // Члены предложения в языках различных типов: Мещаниновские чтения. — Л., 1972.
26. Диаров Н.З. Методика обучения произношению английского языка башкирских учащихся в средней школе. — М. — Уфа, 1953.
27. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. — М. — Л., 1948.
28. Дмитриев Н.К. Категория принадлежности // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. — М., 1964. — Ч. II.
29. Журавлев В.К. К понятию «силы» фонологической оппозиции // Фонетика. Фонология. Грамматика. — М., 1971.
30. Зеленецкий А.Л., Монахов П.Ф. Сравнительная типология немецкого и русского языков. — М., 1983.
31. Иванова И.П. Вид и время в современном английском языке. — М., 1961.
32. Івченко М.П. Сучасна українська літературна мова. — Київ, 1962.
33. Исаченко А. Опыт типологического анализа славянских языков / Пер. с нем. // Новое в лингвистике. — М., 1963. — Вып. III.
34. Килижеков М.Е. Фонетические трудности усвоения английского языка в 5 классе хакасской школы и основные пути их преодоления: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. — Фрунзе, 1970.
35. Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. — М. — Л., 1956.
36. Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. — М. — Л., 1960.
37. Курилович Е. Понятие изоморфизма // Очерки по лингвистике / Пер. с польского. — М., 1962.
38. Курс сучасної української літературної мови. — Київ, 1951. — Т. I.
39. Лингвистическая типология и восточные языки: Сб. ст. — М., 1965.
40. Ломтев Т.П. Типология языков как учение о классах и типах языков // Лингвистическая типология и восточные языки. — М., 1965.
41. Макаев Э.А. К вопросу об изоморфизме // Вопр. языкознания. — 1961. —

42. *Меерович Т.Б.* Обучение английским формам прошедшего времени татарской студенческой аудитории на I курсе специальных факультетов педагогических институтов Татарии: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. — М., 1978.
43. *Мещанинов И.И.* Члены предложения и части речи. — М. — Л., 1945.
44. *Мещанинов И.И.* Синтаксические группы // *Вопр. языкознания.* — 1958. — № 3.
45. *Мещанинов И.И.* Типологические сопоставления и типология систем // *Филол. науки.* — 1958. — № 3.
46. *Михайлов А.М.* Методика обучения английскому произношению учащихся пятого класса таджикской средней школы: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. — М., 1968.
47. *Моисеев А.И.* Типология слогов в современном русском литературном языке // *Вопр. языкознания.* — 1975. — № 6.
48. *Мухин А.М.* О категории падежа в современном английском языке // *Вопр. языкознания.* — 1957. — № 2.
49. *Петров Г.П.* Работа над произношением на начальном этапе обучения английскому языку в чувашской школе. — Чебоксары, 1970.
50. *Петров Г.П.* Работа по преодолению трудностей в произношении английских гласных и согласных в чувашской средней школе: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. — М., 1971.
51. *Петрушин С.И.* Постановка произношения английских фонем в азербайджанской студенческой аудитории: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. — М., 1952.
52. *Прокопович Н.Н.* Слово сочетание в современном русском литературном языке. — М., 1966.
53. *Серебренников Б.А.* О лингвистических универсалиях // *Вопр. языкознания.* — 1972. — № 2.
54. *Скаличка В.* О современном состоянии типологии / Пер. с чеш. // *Новое в лингвистике.* — М., 1963. — Вып. III.
55. *Скаличка В.* К вопросу о типологии // *Вопр. языкознания.* — 1966. — № 4.
56. *Смирницкий А.И.* Морфология английского языка. — М., 1959.
57. *Солнцев В.М.* Язык как системно-структурное образование. — М., 1971.
58. *Стеблин-Каменский М.И.* Грамматика норвежского языка. — М. — Л., 1957.
59. *Торсуев Г.П.* Вопросы фонетической структуры слова (на материале английского языка). — М. — Л., 1962.
60. *Торсуев Г.П.* Разновидности типологии языков и показатели фонологической и фонетической типологии // *Структурно-типологическое описание современных германских языков.* — М., 1966.
61. *Тургенев И.С.* Соч. — Ленгиз, 1930—34. — Т. X.
62. *Турсуналиев Т.* Методика обучения временным формам английского языка в киргизской школе: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. — М., 1967.
63. *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь русского языка. — М., 1938. — Т. II.
64. *Чернышевский Н.Г.* Соч. — Т. X. Предисловие к русскому переводу «Всеобщей истории» М. Вебера. — Т. VII.
65. *Шаменова А.* Типы слогов в английском и киргизском языках // *Труды Киргизского государственного университета. Сер. романо-германской филол. и методика преподавания иностранных языков.* — 1972. — Вып. 6.

66. Шендельс Е.И. О грамматической полисемии // Вопр. языкознания. – 1962. – № 5.

67. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. – М., 1957.

68. Якобсон Р. Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание / Пер. с англ. // Новое в лингвистике. – М., 1963. – Вып. III.

69. Якобсон Р., Фант Г.М., Халле М. Введение в анализ речи. Различительные признаки и их корреляты. Гл. II. Опыт описания различительных признаков / Пер. с англ. // Новое в лингвистике. – М., 1962. – Вып. II.

70. Якубинский Л.П. История древнерусского языка. – М., 1953.

71. Ярцева В.Н. Исторический синтаксис английского языка. – М. – Л., 1961.

72. Ярцева В.Н. Принципы типологического исследования родственных и неродственных языков // Проблемы языкознания: Доклады и сообщения советских ученых на X Международном конгрессе лингвистов. – Бухарест, 28 августа – 2 сентября 1967 года. – М., 1967.

73. Ярцева В.Н. О синтаксической роли прямого дополнения в языках различных типов // Члены предложения в языках различных типов: Мещаниновские чтения. – Л., 1972.

74. Яхонтов С.Е. Древнекитайский язык. – М., 1965.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

англ. – английский
араб. – арабский
арм. – армянский
башк. – башкирский
бел. – белорусский
болг. – болгарский
гот. – готский
да. – древнеанглийский
дат. – датский
двн. – древневерхненемецкий
дшв. – древнешведский
индон. – индонезийский
исл. – исландский
ит. – итальянский
каз. – казахский
кирг. – киргизский
лат. – латинский
мал. – малайский
малг. – малагасийский
нем. – немецкий
норв. – норвежский
русск. – русский
серб. – сербский
сербохорв. – сербохорватский
тадж. – таджикский
тат. – татарский
тур. – турецкий
турк. – туркменский
узб. – узбекский
укр. – украинский
фар. – фарерский
фин. – финский

фр. – французский
хак. – хакасский
чешск. – чешский
чув. – чувашский
шв. – шведский
эст. – эстонский
як. – якутский
ед. ч. – единственное число
жен. р. – женский род
им. п. – именительный падеж
мн. ч. – множественное число
муж. р. – мужской род
наст. вр. – настоящее время
общ. р. – общий род
род. п. – родительный падеж
ср. р. – средний род
тв. п. – творительный падеж

A, a – adjunct, adjective – адъюнкт, определение, зависимый компонент словосочетания; прилагательное
C, c – consonant; confix – согласный; конфикс
dem. – demonstrative – указательное местоимение
gen – genitive – родительный падеж
inf – infinitive – инфинитив
K – kernel word – ядерное слово, стержневой компонент словосочетания
N, n – noun – существительное
nu – numeral – числительное

O – object – объект
P, p – predicate – сказуемое
poss – possessive – притяжательный па-
деж
pt – participle – причастие
Q – qualifier – квалификатор

R – root – корень
S, s – subject; substantive – подлежа-
щее; существительное
V – vowel – гласный
V – verb – глагол
W – word – слово

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Среди лингвометодического наследия профессора Владимира Дмитриевича Аракина данная работа занимает особое место. В ней обобщен многолетний опыт исследования типологических основ преподавания иностранных языков. По замыслу автора эта книга должна помочь преподавателю иностранного языка понять лингвистическую природу и причину возникновения устойчивых ошибок учащихся, предвидеть такие ошибки и находить эффективные пути их профилактики и устранения в процессе обучения.

Первоначальный вариант названия авторской рукописи «Сопоставительная типология изучаемого иностранного языка и некоторых наиболее распространенных языков Российской Федерации» объясняет использование большого числа разносистемных языков. Затем, в процессе исследования германских языков, особенно в сопоставлении с русским, объем материала для типологического анализа значительно расширился. Этим объясняется включение примеров из таких германских языков, которые в средних школах СССР не изучаются, но являются предметом лингвистического исследования в университетах и филологических научных центрах нашей страны.

Данная книга В.Д. Аракина представляет собой уникальный труд, позволяющий выявить структурные характеристики целого ряда языков через одновременное сопоставление их с родственными языками (различной степени генетической близости) и неродственными. Многие языки народов Советского Союза, например: каракалпакский, кумыкский, хакасский, чувашский, якутский, бурятский, впервые рассмотрены в сопоставительном плане. Ссылки на такие малоисследованные в отечественной лингвистике языки, как таитянский, малагасийский и другие, существенно расширяют проблематику частной и общей типологии.

Учитывая назначение книги, автор стремился использовать наиболее устоявшиеся в современном языкознании основы типологической теории. Этим объясняется, почему дискуссионные вопросы общей теории языка, равно как и типологии, в данной книге специально не рассматриваются, за исключением отдельных случаев. Так, например, вопрос о морфологических типах языков освещается весьма кратко, лишь в том объеме, который раскрывает суть морфологической классификации языков.

Среди типологических характеристик суперсегментных средств больше внимания уделено ударению и слоговым структурам. Отсутствие описания паузации, тесно связанной с ударением, объясняется неразработанностью этого признака в

сопоставляемых языках. То же самое можно сказать и в отношении интонации отдельных языков.

Во Введении дается объяснение наиболее существенных понятий лингвистической типологии, которая понимается автором как учение о типах структуры языков. Рассмотрены такие ключевые вопросы типологии, как языковые универсалии, изоморфизм, типологические признаки. Особое внимание уделяется разграничению понятий «тип языка», «языковой тип» и «тип в языке».

Тип языка определяется В.Д. Аракиным как устойчивая совокупность ведущих признаков языка, находящихся между собой в определенных связях, «причем наличие или отсутствие какого-либо одного признака обуславливает наличие или отсутствие другого признака или признаков» (с. 10). Такое понимание типа языка предусматривает системный подход к сопоставительно-типологическому анализу языковых признаков, который реализуется в последующих главах.

Выделенные критерии «типологически существенных» явлений языка (с. 14) и обоснование важнейших принципов типологического анализа (системность описания сходств и различий, опора на содержательную сторону сопоставляемых категорий и учет функциональных особенностей сопоставляемых единиц) служат методологической базой для многопланового сопоставления материала конкретных языков (в книге приводятся примеры из 34 современных и 5 древних языков).

Анализу фактологического материала, составляющему основной корпус книги, предшествует обоснование базовых уровней структуры языка, выделяемых на основе общих свойств основных единиц языка: фонологического (уровень фонем), морфологического (уровень морфем), синтаксического (уровень словосочетаний и предложений) и лексического (уровень слова). Особо как типологически существенный выделяется словообразовательный уровень анализа.

Как известно, по сравнению с фонологическим и морфологическим уровнями синтаксический и лексический уровни в типологическом плане исследованы мало. Поэтому особую ценность представляют главы, посвященные типологии словосочетаний и предложений и типологии словообразовательных систем. Наиболее обстоятельно рассмотрена типология словосочетаний (атрибутивных и объектных). Обоснование понятия лексической категории и типологии лексических систем нашло отражение в одной из последних публикаций В.Д. Аракина (Сопоставительная типология скандинавских языков. — М., 1984, см. с. 64–71). В настоящей книге типологический анализ на уровне слова ограничен словообразовательными признаками, которые рассмотрены преимущественно на материале германских языков в сопоставлении с русским.

Несмотря на небольшой объем, последняя 5-я глава представляет особый интерес не только с точки зрения разработки теоретических вопросов типологии словообразовательных признаков языка, но и в плане практических рекомендаций для методического прогнозирования трудностей при обучении различным языкам. Особое место уделено понятию типа словообразования, который определяется как устойчивая совокупность взаимообусловленных признаков, удовлетворяющих трем критериям: 1) наличие определенного конечного числа компонентов (морфем или основ) в новообразованном слове; 2) положение основной и дополняющей морфем (в препозиции или постпозиции); 3) вид синтаксической

связи компонентов новообразования (предикативная, атрибутивная, объектная). На базе этих критериев, которые могут служить основаниями для сопоставления производных и сложных слов в различных языках, автор выделяет в системе словообразования последовательно классы, типы и подтипы слов. Важность предложенного комплекса критериев заключается в том, что на их основе выявляются такие типологические признаки словообразования, которые позволяют диагностировать типы имеющихся устойчивых ошибок учащихся и прогнозировать трудности в овладении типовыми моделями словообразования в изучаемом языке.

Идея В.Д. Аракина о составлении «типологического паспорта», содержащего 11 существенных типологических характеристик языка, основана на тщательном анализе большого языкового материала и имеет важное значение для прикладных целей типологии (ср. так называемые рефераты языков, на основе которых планируется осуществить энциклопедическое описание языков мира). Приведенные в данной книге образцы типологических паспортов нескольких языков могут служить наглядной базой для разработки научно обоснованной методики прогнозирования трудностей в обучении иностранному языку. Важную роль типологических паспортов В.Д. Аракин видел не только в решении собственно методических задач, но и в решении общих проблем теоретического языкознания, «связанных с проблемой определения общих принципов структуры и функционирования человеческого языка вообще и путей его развития в частности» (с. 136).

Безусловно, типологические закономерности могут быть установлены в результате изучения исторической эволюции языковых типов (см., например: *Серебренников Б.А.* Вероятностные обоснования в компаративистике. — М., 1974, с. 20—49; *Гухман М.М.* Историческая типология и проблема диахронических констант. — М., 1981, с. 9—14, 240—248). В работе В.Д. Аракина этот путь лингвистического прогнозирования в сопоставительном языкознании не рассматривается специально, отмечается лишь важность диахронических универсалий для сопоставления языков (с. 11—16). Это объясняется главной целью данной книги — показать возможность прогнозирования трудностей изучаемого языка на основе сопоставления таких типологических характеристик, которые можно установить без обращения к истории сопоставляемых языков. В этом заключается ее ценность как лингвометодического пособия для преподавателей иностранного языка.

Некоторые положения типологического анализа носят дискуссионный характер, в частности, выбор языка в качестве основы сопоставления. Представляется, что этот выбор зависит от ряда причин, например: уровня разработки типологических характеристик языка, уровня практического владения им, наличия той или иной категории. Выбор направления сопоставительного анализа может определяться и видом речевой деятельности, который является доминирующим на том или ином этапе обучения иностранному языку. Порядок описания частных грамматических категорий, принятый в данной книге, носит условный характер и может варьироваться в зависимости от специфики сопоставляемых языков.

При разграничении типов языков, в частности флективных и агглютинативных, различными исследователями на первый план выдвигаются различные критерии.

В качестве основных признаков различия В.Д. Аракин выделяет степень согласования и связанную с этим морфологическую структуру слова (с. 11). Поскольку в чистом виде тип языка выделить трудно, вероятно, более целесообразно использовать комплекс критериев (см., например: *Маслов Ю.С.* Введение в языкознание. – М., 1975, с. 296–298).

Рассматривая изоморфизм (с. 18–19), который обычно понимается как однородность структуры конститутивных языковых единиц различных уровней, например, сходство структурных признаков слов на уровне формообразования (собственно морфологическом) и словообразования, В.Д. Аракин подчеркивает, что под изоморфизмом следует понимать «не только подобие в структуре единиц различных уровней языка, но также подобие в материальных средствах их языкового выражения» (с. 19).

Такое специфическое понимание изоморфизма как сходства и алломорфизма как различия оправдано целевой установкой типологического анализа генетически связанных языков. В данном конкретном случае речь идет о средствах выражения категории лица в глаголах настоящего времени в русском и украинском языках, категорий рода, числа и падежа существительного в русском и немецком, грамматических категорий существительного в английском и немецком. Дискуссионный вопрос о категории падежа в современном английском языке В.Д. Аракин, вслед за А.М. Мухиным, справедливо решает в пользу категории притяжательности.

Более спорным вопросом остается правомерность выделения семы предметности в грамматическом значении падежа как категории. В.Д. Аракин выделяет эту сему, поскольку категория падежа свойственна существительному, обозначающему предметы и явления действительности (с. 60). Решение этого спорного вопроса зависит от того, какой иерархией семантических признаков пользуется исследователь, т.е. каково число рангов выделяемых сем – три, четыре или пять. Если в грамматическое значение включаются пять рангов сем, начиная с признака высшего уровня – категориальной семы, характеризующей отнесенность слова (словоформы) к определенному лексико-грамматическому разряду, в данном случае – к существительному, то выделение семы предметности в грамматическом значении падежа оправданно.

Сохранение в данном издании оригинального текста рукописи, индивидуального стиля автора, позволяющего понятно и просто писать о сложных вещах, его интерпретации спорных вопросов языкознания – это дань уважения Владимиру Дмитриевичу Аракину.

Издательство и редактор благодарят члена-корреспондента АН СССР Э.Р. Тенишева, взявшего на себя труд прочитать рукопись целиком и сделать правку примеров из тюркских языков.

Редактор благодарит также рецензентов: доктора филологических наук, про-

фессора Ю.В. Рождественского, доктора филологических наук, профессора И.Г. Добродомова и кандидата филологических наук, доцента С.А. Полковникову за ценные замечания и предложения, которые помогли в редакционной работе над рукописью.

Редактор несет полную ответственность за возможные неточности в примерах: единственным оправданием ему служит: feci, quod potui...

Редактор

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Г л а в а 1. Общие вопросы типологии	5
О лингвистической типологии или о типологии языков	5
О языковом типе и о типе языка	7
О языковых универсалиях и их значении для типологии	12
Уровни типологического анализа	17
Об изоморфизме	18
Из истории типологических исследований	19
Г л а в а 2. Типология фонологических систем	22
Отбор показателей для типологии фонологических систем сопоставляе- мых языков	23
Типологические показатели подсистемы гласных в родном и изучае- мом языках	27
Типологические показатели подсистемы согласных в родном и изуча- емом языках	31
Число зон артикуляции	31
Состав классов фонем (инвентаря фонем)	32
Корреляция по глухости – звонкости	34
Корреляция согласных по твердости – мягкости	35
Нейтрализация	35
Фонемная дистрибуция	36
О сингармонизме или гармонии гласных	37
Типологические характеристики суперсегментных средств	39
Типологические показатели ударения	39
Типологические свойства интонации	44
Типология слоговых структур	46

Глава 3. Типология морфологических систем	52
Понятие морфологического уровня	52
Отбор констант, необходимых для установления типологии морфологических систем родного и изучаемого языков	54
Основные типологические различия морфологической структуры родного и изучаемого языков	55
Критерии, необходимые и достаточные для сопоставления частей речи в типологическом плане	55
Типология грамматических категорий в родном и изучаемом языках	58
Категория падежа	58
Категория числа	61
Категория грамматического рода	66
Категория определенности – неопределенности (категория детерминативности)	70
Категория принадлежности	73
Категория степени качества	74
Категория вида и времени	78
Категория времени	81
Категория залога	86
Категория модальности	92
Категория лица	96
Глава 4. Типология синтаксических систем	98
Словосочетание	98
Типы атрибутивных словосочетаний в родном и изучаемом языках	102
Типы объектных словосочетаний	114
Типология предложения	116
Особенности предложения в разных языках	116
Критерии типов предложения	119
Типы двусоставных предложений	120
Типы односоставных предложений	124
Глава 5. Типология словообразовательных систем	127
Понятие типа словообразования	127
Типы производных слов	129
Типы сложных слов	132

Заключение	135
Типологический паспорт русского языка	137
Типологический паспорт английского языка	138
Типологический паспорт исландского языка	140
Типологический паспорт турецкого языка	141
Типологический паспорт таитянского языка	143
Список использованной литературы	144
Принятые сокращения	147
Послесловие	148